

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ**

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции.
Курск, 27 октября 2017 года**

**Курск
2017**

УДК 93
ББК 63.3 (2)
Р 32

Революции 1917 года: взгляд через столетие: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Курск, 27 октября 2017 года / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2017. – 145 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Карманова Л.Б. (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Елагина Н.А. – директор ОКУ «Госархив Курской области»; Раков В.В. – зам. директора ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: Черников О.А., канд. ист. наук.

Сборник содержит тексты докладов и сообщений ученых, сотрудников архивных учреждений, работников учреждений культуры, представленных на пленарном и секционных заседаниях конференции. Публикуемые материалы в своем большинстве подготовлены на основе документальных источников, выявленных в центральных и местных архивах, впервые вводимых в научный оборот. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся историей. Материалы опубликованы в авторской редакции.

© Архивное управление Курской области, 2017
© ОКУ «Госархив Курской области», 2017
© Авторы статей, 2017

С товарищеским приветом, Маяковский

Дралось
некогда
греков триста
сразу с войском персидским всем.
Так и мы.
Но нас,
футуристов,
нас всего – быть может – семь.
Тех
нашли у истории в пылях.
Подсчитали
всех, кто сражен.
И поют
про смерть в Фермопилах.
Восхваляют, что лез на рожон.
Если петь
про залезших в щели,
меч подъявших
и павших от, –
как не петь
нас,
у мыслей в ущелье,
не сдаваясь, дерущихся год?
Слава вам!
Для посмертной лести
да не словит вас смерти лов.
Неуязвимые, лезьте
по скользящим скалам слов.
Пусть
хотя б по капле,
пó две
ваши души в мир вольются
и растят
рабочий подвиг,
именуемый
«Революция».
Поздравители
не хлопают дверью?
Им
от страха
небо в овчину?
И не надо.
Сотую –
верю! –
встретим годовщину.
[1919]

На обложке: Плакат «Верю, сотую встретим годовщину». Художник Юрий Бонди. Окна РОСТА. 1920 г.

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ»
НАЧАЛЬНИКА АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
В.Л. БОГДАНОВА**

Уважаемые участники конференции,
представители средств массовой информации, гости!

Всероссийская научно-практическая конференция «Революция 1917 года: взгляд через столетие» организована Архивным управлением Курской области и ОКУ «Государственный архив Курской области».

Задача исследователей сегодняшнего дня в том, чтобы объективно осветить революционный процесс, затронувший все сферы жизни общества: от экономического уклада до ментальной культуры. Сделать это необходимо деликатно, но откровенно, с пониманием важности исторической вехи. Надеюсь, что именно такой откровенный разговор состоится и в ходе нашей конференции.

На сегодняшний день получена 22 заявки из 8 регионов России. Отрадно, что костяк участников конференции составляют наши коллеги – архивисты из государственных архивов г. Санкт-Петербурга, Белгородской, Ивановской, Курской, Ленинградской, Самарской, Челябинской областей. Среди участников конференции представители профессорско-преподавательского состава, аспиранты и магистранты. Спасибо Вам за активность и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Спектр проблем, которые предлагается обсудить на нашей конференции разнообразен. Материалы докладов охватывают события, происходившие как в столице, так и в провинции.

Участники конференции в своих выступлениях обращаются к вопросам источниковой базы отечественных архивов, позволяющей подробно исследовать события 1917 года, к социально-экономической ситуации в отдельных регионах, деятельности православной церкви, новым идеям, возникавшим в тот период в сознании как отдельных личностей, так и широких масс и др. Все эти проблемы важны для создания полной и достоверной картины событий рассматриваемого исторического периода.

Желаю всем участникам конференции успешной и плодотворной работы.

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Салтык Г.А.,
зав. кафедрой культурологии
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
доктор исторических наук, профессор

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСАРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Революция 1917 г. является значимым событием XX века и ключевым для дальнейшего понимания хода российской истории. Сегодня, спустя столетие, очень важно, как можно критичнее подойти к анализу документов, в которых они отражены. И в этой связи актуальным является изучение всего комплекса опубликованных и неопубликованных материалов, хранящихся как в центральных, так и в региональных архивах. Это позволит до мельчайших подробностей восстановить повседневную жизнь населения Российской империи и ее регионов в условиях революционной смуты.

В этой связи интерес представляют опубликованные и неопубликованные документы, хранящиеся в фондах государственных архивов российских регионов, одним из которых является Государственный архив Курской области (ГАКО). Прежде всего, нами были изучены следующие газеты: «Курский край», «Курская жизнь», «Известия Курского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Курские губернские ведомости», а также «Известия исполнительного комитета Курского губернского Народного Совета». На страницах периодических изданий публиковались протоколы партийных собраний, воззвания, письма, статьи партийных публицистов. Кроме того, газеты содержали сводки с фронта, информацию о создании революционных комитетов на местах и т.д. Все это вместе взятое дает хороший материал для изучения социально-экономического положения губернии, повседневной жизни населения исследуемого региона в условиях революционной действительности.

Эта информация существенно дополняется сведениями, хранящимися в фондах губернских, уездных, волостных исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов. Они позволяют нам проанализировать, постановления, циркуляры и инструкции СНК, приказы, циркуляры губисполкома и т.д. В фондах содержится переписка руководителей губернии с уездными органами власти. Особую ценность представляют материалы, в которых имеются сведения о членах волостных и уездных Советов.

Своеобразным и ценным источником служат документы личного происхождения: воспоминания (мемуары) участников революционного

движения, видных деятелей местных социал-демократических и эсеровских организаций. Их значительная часть отложилась в фонде историко-партийного отдела Курского губкома РКП(б) Государственного архива общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО, Ф.П - 16). Особый интерес представляют воспоминания первого председателя Курского Революционного Совета эсера-максималиста Е.Н. Забицкого.

В целом комплексное изучение всех указанных источников позволяет воссоздать до мельчайших подробностей события Революции 1917 г., происходившие в Курской губернии, а также показать в каких политических условиях шел процесс установления Советской власти в исследуемом регионе.

Как показали архивные документы, к осени 1917 г. в Курской губернии, как и по всей стране, нарастало недовольство политикой Временного правительства. Об этом красноречиво свидетельствует данные о количестве крестьянских выступлений в губерниях Черноземного Центра России. В сентябре – октябре восстания с разной степенью интенсивности охватили 32 губернии Европейского Центра России. Так, с марта по октябрь 1917 г. в одной только Воронежской губернии прошло 722 выступления крестьян. Причем пик выступлений приходился на сентябрь (102) и октябрь (143). В Курской губернии с марта по октябрь 1917 г. произошло 281 выступление крестьян. Наибольшее их количество – в октябре 1917 года – 93 выступления [5]. Они красноречиво свидетельствовали о недовольстве крестьянства политикой Временного правительства в области аграрных отношений. К тому же местные организации партии социалистов-революционеров предлагали перейти к созданию земельных комитетов, которые будут распределять землю среди крестьян, не дожидаясь созыва Учредительного собрания.

Следует подчеркнуть, что осенью 1917 г. самой популярной в регионе являлась партия социалистов-революционеров (ПСР). К этому времени симпатии местного населения снискало и ее левое крыло. Заметим, что окончательный раскол в партийной организации курских эсеров произошел в ноябре 1917 г. 7 ноября газета «Курская жизнь» писала следующее: «В Курской городской организации выделилась группа в 23 человека, стоящая на платформе ЦК ПСР. Было создано бюро, в которое входило 5 человек. Они предложили губернскому комитету партии созвать конференцию для выяснения общей политической платформы губернской организации эсеров и отношения к ЦК партии». Уже 12 декабря 1917 г. эсеровская газета «Курская жизнь» стала органом левых социалистов-революционеров [9].

Однако левые эсеры Курской губернии еще долго оставались с правыми в одной партии. По-видимому, это было связано с тем, что разногласия между ними происходили на почве не программных, а в основном тактических вопросов... «У правых и левых социалистов-

революционеров программа одна, а тактика разная», - отмечали курские эсеры [13].

«Левение» в стране эсеров сближало их с большевиками. В эти дни М.А. Спиридонова заявляла, что «левые смотрят на власть так же, как и большевики, и думают, что единственным спасением России является переход власти к Советам». Будущий блок в верхах уже в сентябре-октябре стихийно складывался на местах.

Особенно активно большевики и левые эсеры сотрудничали в Военно-революционных комитетах. По примеру Москвы и Петрограда они стали создаваться на местах сразу же после победы вооруженного восстания в столице. Так, в Курске вопрос об организации ВРК в Курске был поставлен большевиками на заседании городского Совета рабочих и солдатских депутатов 29 октября при обсуждении постановления II съезда Советов о передаче всей власти в руки Советов.

Как отнеслись лидеры социалистических политических партий Курской губернии к захвату власти большевиками в октябре 1917 г.? Материалы периодической печати показывают, что выступление большевиков осудили не только социалисты-революционеры и народные социалисты Курской губернии, но и социал-демократы – как большевики, так и меньшевики. Так, «Курская жизнь» 31 октября сообщала, что глава Курской городской Думы большевик А.А. Аристарх предложил принять резолюцию, в которой осуждалось бы выступление большевиков, угрожающих сорвать Учредительное собрание [8].

Коротко об этом человеке. Аристархов Александр Алексеевич (партийный псевдоним Андрей, Осетров, Волгин, Багров). Родился 5 июня (14 августа) 1875 г. в г. Харькове, в семье военнослужащего. Учился в Московском Императорском училище. В 1901 г. за участие в революционных выступлениях был подвергнут тюремному заключению, отчислен из училища, а затем выслан из Москвы в Курск. После создания в 1903 г. Курской большевистской организации был назначен её председателем. Являлся делегатом от курских большевиков с решающим голосом на III съезде РСДРП. Так же принимал участие в IV и V съездах РСДРП. В 1909 г. освобождён от занимаемой должности (председателя Курской большевистской организации). С января 1918 года – во главе коммунальной секции совета. С мая 1918 года – выборный городской голова города Курска. В 1919 г. покинул Курск. После работал в различных городах СССР. Умер 22 февраля 1947 г. в Москве.

Возвращаясь к событиям октября 1917 г. Эсеры, на общем городском собрании своей партии приняли резолюцию, в которой говорилось следующее: «Считая недопустимым захват власти одной партией или частью революционной демократии, признавая необходимой самую активную борьбу со всякими попытками контрреволюционных элементов использовать создавшееся тяжелое положение для уничтожения завоеваний революции, городская организация партии социалистов-

революционеров стоит за объединение всей революционной демократии на платформе немедленного проведения в жизнь радикальных мер на пути скорейшей ликвидации войны, созыва Учредительного собрания, немедленной передачи земли в ведение земельных комитетов, контроля над производством» [11].

Местные эсеры, в основном, правые, принимали участие и в организации так называемых Комитетов спасения Родины и революции, Комитетов общественного спасения и т. д. Иногда по инициативе Советов, в состав которых входили правые эсеры, Комитеты спасения переименовывались в революционные исполнительные комитеты. В Курске, например, Комитет общественного спасения был организован даже раньше, чем Военно-революционный комитет. Уже 27 октября экстренное совещание представителей местных властей и командования гарнизона приняло решение о немедленном создании из представителей учреждений и организаций, участвовавших в заседании, нового губернского органа власти, способного удержать народные массы от революционных выступлений и не допустить установления Советской власти. 31 октября он был переименован в «Комитет спасения Родины и революции». В состав его исполнительного органа – президиума – вошли меньшевики и правые эсеры, губернский комиссар, прокурор и начальник гарнизона [16, с.74].

В задачи комитета входило: поддержание порядка и спокойствия в г. Курске и Курской губернии; содействие прекращению гражданской войны, грозящей погубить все завоевания революции; объединение всех сил революционной демократии для организации борьбы с контрреволюцией; содействовать созданию однородного социалистического правительства.

От городской думы в него были избраны эсеры Талаловский, Модель, Борисов, Штыренко, Дмитрусь, Супрасский, Черномордник; от местной эсеровской организации - эсеры Брагинский, Праведников, Трубицкий и др. (всего 5 человек). В президиум комитета от эсеров вошли Косаговский, Праведников и Пиняев [8].

В ноябре, в целях оживления деятельности «Комитета спасения» и укрепления его власти, было решено расширить его состав за счет представителей от Совета крестьянских депутатов, профсоюзов и воинских частей. По мнению меньшевиков и эсеров, эта мера «должна была отвлечь народные массы от борьбы за установление Советской власти в губернии». Как видим, в Комитет спасения входили представители всех социалистических партий.

11 ноября 1917 г. «Курская жизнь» опубликовала предложения Президиума Комитета по его составу: «... от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – по 7 представителей; губернского земства – 2 представителя; губернского продовольственного комитета – 2; губернского земельного комитета – 2; союза кооперативов – 3; представителей от частей гарнизона – 22 и т. д. По партийному составу – от

партии социалистов-революционеров – 6; социал-демократов-объединенцев – 3; большевиков – 3; народных социалистов – 3» [10].

Но дни «Комитета» были сочтены. Представители социалистических партий приняли решение о создании нового, коалиционного органа власти, которому должна была принадлежать власть в губернии. 24 ноября состоялась 5-я губернская конференция эсеров, принявшая резолюция, в которой говорилось следующее: «Считая недопустимым захват власти меньшинством вопреки воле большинства революционной демократии и не признавая власти, полагаем, что в период революции до Учредительного собрания творить истинную волю трудового народа может только однородное правительство» [11].

За однородное социалистическое правительство, созыв Учредительного собрания высказался и Курский губернский съезд крестьянских депутатов. 26 ноября состоялось объединенное заседание Курского Совета рабочих и солдатских депутатов и губернского Совета крестьянских депутатов, на котором были рассмотрены вопросы об отношении к центральной Советской власти и о создании местной власти.

Несмотря на то, что большевики, принимавшие участие в работе съезда, отстаивали необходимость немедленного признания Советского правительства, большинством голосов была принята эсеровская резолюция о передаче всей власти Учредительному собранию. За предложение большевиков голосовало 58 делегатов из 175. Левые эсеры и максималисты внесли поправку к принятой резолюции, которой предусматривалось, что «до тех пор, пока власть будет определена Учредительным собранием, она должна принадлежать Советам». Поправка была принята. За нее проголосовали эсеры, большевики и беспартийные. На заседании также большинством голосов приняли решение вместо Народного Совета «создать новый губернский орган власти – Революционный Совет [17].

В него вошло 35 человек, в основном левые эсеры и максималисты. Известно, что большевиков было избрано всего 10 человек. Меньшевики в Революционный совет не прошли. В президиум Совета, состоящий из девяти человек, вошло 3 большевика, 6 эсеров и 1 эсер-максималист – Е.Н. Забицкий. Он и стал первым Председателем Курского Революционного Совета.

Что нам о нем известно? Евгений Николаевич родился в 1887 году в семье счетовода в Бобруйском уезде Минской губернии. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1905 г. – максималист-одиночка. В 1907 г. был арестован и провел 1,5 года в крепости. В 1917 году был направлен в Курск в качестве уполномоченного Московского областного продовольственного комитета. Вошел в группу курских эсеров-максималистов, вскоре стал их руководителем. После реорганизации Революционного Совета (февраль-март 1918 г.) Е.Н. Забицкий был назначен председателем губсовнаркома, затем губисполкома (май, 1918 г.). Одновременно он стал председателем полевого

штаба по борьбе с контрреволюцией, являлся организатором вооруженных сил Курского фронта. Был обвинен в причастности к выступлению анархистов в апреле 1918 г., но вскоре оправдан. Арестовали его в июле 1918 г. и отправили в Москву. Во второй половине 1918-1920-й год работал в издательстве ВЦИК, затем управляющим делами Московского Совнаркома. В 1920 г. был осужден по делу ССРМ. Но был оправдан. В 1921-1922 гг. был председателем Центрального Совета народного хозяйства (Татарская АССР). В 30-е годы занимал должность заместителя начальника экономического управления ВСНХ ЦУТТОРФа, Союзторфа, был директором базы Москотранзитная, начальником снаббштаба главглубволокну, зам. начальника отделения снабжения НКТП РСФСР. В 1932-1934 гг. являлся членом президиума Замоскворецкой РКК РКК.

В годы Великой Отечественной войны его направили в Челябинск управляющим Челябинсклеса. В 1946-1948 гг. работал в Брянске – сначала директором конторы главдорресторанов, затем уполномоченным Министерства химической промышленности. С 1949 г. возвращается в Москву, где занимает должности – сначала начальника, а затем старшего инженера производственно-технического отделения Московского областного управления местной топливной промышленности. Умер 26 ноября 1960 г. [17, с.524 - 525].

Но вернемся к деятельности Курского губернского Революционного Совета. 5 декабря в газете «Курская жизнь» был опубликован его приказ № 4, в котором говорилось о смещении с занимаемых должностей губернского комиссара бывшего Временного правительства А. Маркова и его помощников Н.Н. Рождественского и А.Г. Ливотова. Вместо должности губернского комиссара Временного правительства учреждалась должность комиссара Революционного Совета. На нее был назначен эсер А.Н. Праведников [12].

Курский Революционный Совет выразил полную поддержку Учредительному собранию. Об этом красноречиво свидетельствует содержание телеграммы, направленной в адрес последнего: «Курский Революционный Совет, взявший всю полноту власти в губернии, приветствует Учредительное собрание как выразителя чаяний революционного народа, и выражает уверенность, что оно рука об руку с международным революционным социализмом, в полном согласии с волей революционной демократии осуществит великие социально-политические преобразования. От Советов Учредительное собрание получит всемерную моральную и материальную поддержку при проведении в жизнь революционной воли народа».

Выборы в Учредительное собрание стали одним из важнейших событий, происходивших в политической жизни Курской губернии в ноябре 1917 г. Со всей очевидностью они показали отношение населения к различным политическим партиям. Блестящую победу здесь одержали эсеры. За них отдали голоса абсолютное большинство населения. От

Курской губернии в Учредительное собрание было избрано: 12 эсеров и 1 большевик. Избранными были: депутат от партии РСДРП(б) (список № 4) – Анатолий Васильевич Луначарский (также избран в Учредительное Собрание от Калужского, Пермского и Смоленского округов; не прошел от Подольского округа) и 12 депутатов от партии социалистов-революционеров (список № 1): А.М. Барышников (Грайворонский уезд), К.А. Белорусов (Старо-Оскольский уезд), А.Н. Власов (Курский уезд), Н.И. Дорошев (Льговский уезд), Ф.И. Кутепов (Тимский уезд), М.А. Меркулов (Ново-Оскольский уезд), А.В. Неручев (Центральный комитет ПСР), В.В. Пахомов (Фатежский уезд), И.Е. Пьяных (Щигровский уезд), А.И. Русанов (Обоянский уезд), П.И. Романенко (Щигровский уезд), Г.Я. Холодов (Белгородский уезд). Заметим, что в список № 1 было включено 19 кандидатов в депутаты, 7 из которых не получили нужного количества голосов. Ими оказались Г.М. Вечера (от Путивльского уезда), Г.М. Беланов (от Ново-Оскольского уезда), М.Ф. Романов (от Дмитриевского уезда), П.И. Карпов (от Рыльского уезда), И.Ф. Северинов (от Корочанского уезда), Т.П. Шутенко (от Старо-Оскольского уезда), П.К. Литвинов (от Грайворонского уезда) [2, д.32, л.1; 7].

Вся демократическая Россия с напряжением ждала открытия Учредительного собрания. Но в 2 часа дня 28 ноября в Таврическом дворце собралось всего 27 депутатов. Они и открыли частное совещание. Остальные прибывшие (около 100 депутатов) не имели мандатов, что лишало их возможности участвовать в совещании. Среди них были два депутата от Курской губернии – Н.И. Дорошев и А.М. Власов.

Курские газеты писали в те дни: «Вокруг дворца избранники увидели лес знамен, громадные толпы народа. Это Петроград приветствовал народных представителей. У самых дверей дворца картина была другая. Там стояла вооруженная стража и по приказу захватчиков власти, большевиков, не пускала депутатов в Таврический дворец. Оказалось, что для входа в помещение депутаты должны были сначала сходить на поклон к комиссару - ставленнику Ленина и Троцкого - и там получить особое разрешение. Этого депутаты принять не могли. И все же в первый день стража не посмела поднять руку на народных избранников, и они вошли в помещения» [1, д.42, л.202].

Вечером 28 ноября большевики нарушили неприкосновенность Учредительного собрания, начав арест депутатов-кадетов. Их обвинили в контрреволюции и в измене России. Вот что писала 2 декабря курская ежедневная демократическая газета «Свободная речь»: «Несколько членов Учредительного собрания уже арестованы и ждут своей участи, некоторые не едут в Петроград, боясь быть арестованными. Так Ленин и его единомышленники думают расправиться с хозяином земли русской – Учредительным собранием».

Большая часть депутатов от Центрального Черноземья отбыла в Петроград лишь после 28 ноября. 30 ноября, перед концом заседания, когда

еще шла дискуссия, в зал ворвались матросы вместе с комендантом. Они приказали депутатам разойтись. После пережитого унижения депутаты приняли «Обращение к народу». В нем, в частности, говорилось следующее: «Как в прежние времена вели себя царские слуги и враги народа - городовые, стражники и жандармы, так и новые самодержцы относятся к избранникам народа, так они встречают их. Насильникам мы не уступим. Одни мы, однако, победить не в силах, нужна поддержка всего народа, и мы ждем ее. Будьте готовы все по зову Учредительного собрания дружно встать на его защиту».

Именно в эти дни в Петрограде был создан «Союз защиты Учредительного собрания». 2 декабря во многих газетах было опубликовано обращение членов союза, в котором говорилось о том, чтобы «все до одного рабочие, широкие слои демократии и солдаты» становились «на защиту Учредительного собрания, последнего оплота революции и демократии». Оно также призывало создавать союзы в защиту Учредительного собрания по всей стране. Эти союзы должны были на местах «мобилизовать общественные силы, способные ... двинуться на защиту Учредительного собрания, организовывать митинги, собрания и шествия» [2, д.263, л.2].

Такие союзы появились во многих городах России, в том числе и в Курской губернии. Во Льговском уезде, например, с 12 по 16 декабря они были организованы в Шустовской, Износковской, Конышевской, Городецкой, Ольшанской и других волостях. «Власть должна принадлежать всему народу, выразителем которого является в центре Учредительное собрание, а на местах земские самоуправления, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», – заявляли крестьяне д. Сивенка, Павловка, Мармыжи, Кочетня, Льговская, Подгородняя Слободка и др. [3, д.7, л.5,6,11,14,22]

В телеграмме Курского Революционного Совета, адресованной Учредительному собранию отмечалось: «Курский Революционный Совет, взявший в свои руки всю полноту власти в губернии, приветствует Учредительное собрание как выразителя заветных чаяний революционного народа и выражает уверенность, что оно рука об руку с международным революционным социализмом, в полном согласии с волей революционного движения осуществит великие социал-политические преобразования» [14].

В это же время в адрес депутатов Учредительного собрания поступали Наказы от избирателей со всех регионов страны, в том числе и от жителей Курской губернии. Так, крестьяне Гламаздинской волости Дмитриевского уезда Курской губернии: «...в самое скорейшее время объявить перемирие на всех фронтах»; они высказывались «мир без аннексий и контрибуций», просили депутатов в ближайшее время решить продовольственный и другие вопросы [1, д.41, л.14,25,32].

В ночь с 6 на 7 января ВЦИК принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Депутаты от губерний Центрального Черноземья обратились к своим избирателям с письмом, в котором подробно рассказали

о том, что произошло в день открытия Учредительного собрания, призвав их при этом быть готовыми «по зову Учредительного собрания дружно стать на его защиту». «Мир, Земля и Воля» – вот наше знамя... Под ним мы будем биться и скорее умрем, чем спустим или сдадим его - отступления для нас нет», – отмечалось в послании. Его подписали от Курской губернии – И.И. Дорошев, А.М. Власов, Ф.И. Кутепов, М.А. Меркулов, А.И. Русанов, Б.Я. Холодов, И.П. Романченко [1, д.42, л.202].

Но известие о роспуске Учредительного собрания страна встретила с редким безразличием. В Курской губернии открытых выступлений в поддержку Учредительного собрания не наблюдалось. Однако на крестьянских съездах разгорелась острая борьба между партиями по вопросу о том, кому в стране должна принадлежать власть. Эсеры отстаивали идею формирования однородного социалистического правительства.

Заметим, что процесс установления Советской власти в Курской губернии растянулся с октября 1917 года по март 1918 года. Оно проходило в жесткой борьбе, разгоревшейся между социал-демократами и социалистами-революционерами. Так, в Дмитриевском уезде правые эсеры, захватив в свои руки инициативу, создали Революционный Совет. Но состав Совета постоянно менялся. Причем, до июля 1918 года в число членов Совета входили представители различных политических партий. Однако большинство все же было на стороне левых эсеров. Так, из 22 членов Совета – 13 являлись левыми эсерами, 1 – максималистом, 7 – большевиками, 1 – беспартийным. Причем, Председателем Совета был назначен эсер-максималист А. Павлов. Левые эсеры возглавляли военный отдел (Н. Васечкин), казначейство (Р. Корнеев), комиссариат земледелия (Н. Куликов, М. Панютин и С. Савельев), комитет продовольствия (Т. Цаценко), комитет юстиции (Я. Надобных), отдел народного хозяйства (К. Пикнов и А. Винокуров), городской отдел (В. Волков), отдел просвещения (Н. Зикеев), отдел по борьбе с контрреволюцией (С. Сахаров) [6, с.17].

В Тимском уезде правые эсеры организовали в конце декабря 1917 года свой «ревком». Однако на I-м уездном съезде Советов, состоявшемся в конце января 1918 года, ревком был переизбран. В него вошли 15 большевиков, 3 левых эсера, 1 эсер-максималист и 3 беспартийных [4, д.43, л.67].

Весьма своеобразно была установлена власть Советов в Обояни. «2 января из Курска прибыл отряд красногвардейцев во главе с левыми эсерами Н.И. Колесниченко и Г.Л. Клименко (начальник Лазарев)», – вспоминал П.П. Афанасьев. «Заняли дом земства, Лазарев расставил на балконе пулеметы и дал в сторону базара две небольшие очереди. Базар сразу очистился. Колесниченко вывесил объявление: «Город Обоянь объявлен на военном положении». Затем был организован Военно-

революционный Совет, в который вошли: 5 большевиков, 6 левых эсеров, 15 правых эсеров, 5 меньшевиков».

Иная картина наблюдалась в исполкоме Льговского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов в декабре 1917 года. Среди 22 членов исполкома было 3 большевика, 16 социалистов-революционеров максималистов: Г.Г. Пгус, П.Т. Кравченко, Я.Г. Сечинский, К.А. Ершов (сочувствующий), В.М. Синяев, М.А. Шифрин, А.А. Тверенков, П. Г. Егоров, Г.И. Динник (центрист), С. Д. Данилин, А.А. Фрундин, К.Г. Сокульев, Н.Г. Зубков, И.Ф. Мякишин, Ф.Я. Морозов, В.Н. Григорьев, А.И. Трефлебов, П.П. Авилов, 1 – социалист-революционер центрист, 1 – беспартийный, 1 – сочувствующий эсерам [3, д.11, л.145].

О популярности левых социалистов-революционеров среди населения Курской губернии свидетельствуют данные о выборах делегатов на губернский съезд Советов. Если на I-м съезде Советов Курской губернии (февраль 1918 г.) коммунистов и им сочувствующих было 49,3 %, левых эсеров – 33,5 %, то на II-м губернском съезде Советов (май 1918 г.) – коммунистов было 52,4 %, левых эсеров – 45,7 %. Коммунисты, преобладая на обоих съездах численно, увеличили свое представительство в мае по сравнению с февралем 1918 г. на 3,1 %, левые эсеры – на 12,2 % [15, с.49 - 57].

Таким образом, восстание большевиков в Петрограде в ночь с 24 на 25 октября 1917 г. существенно повлияло на политическую жизнь Курской губернии конца 1917 – начала 1918 г. Создание Революционного Совета, выборы в Учредительное собрание, проведение многочисленных акций в его поддержку, соперничество политических партий в борьбе за установление Советской власти... Эти и другие события втягивали курян в водоворот революционной повседневности, итогом которой стала Гражданская война.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф. 1781. Канцелярия Таврического дворца. Оп. 1.
2. ГАРФ. Ф. 1810. Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия (Всевыборы). Оп. 1.
3. Государственный архив Курской области (далее - ГАКО). Ф. Р-865. Исполнительный Комитет Льговский уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1.
4. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф.П- 16. Историко-партийный отдел Курского губкома РКП(б). Оп. 1.
5. Дело деревни. 1917. № 4.
6. Комаров А.А. Советская власть в Дмитриевском уезде Курской губернии в 1918 году (материалы) // Известия Курского губернского общества краеведения. № 6. Курск, 1928.
7. Курская жизнь. 1917. № 66.
8. Курская жизнь. 1917. № 96.
9. Курская жизнь. 1917. № 102.

10. Курская жизнь. 1917. № 106.
11. Курская жизнь. 1917. № 117.
12. Курская жизнь. 1917. № 124.
13. Курская жизнь. 1917. № 135.
14. Курская жизнь. 1917. № 214.
15. Лаппо Д.Д. В красно-белом отсвете трагедии. Воронеж, 1994.
16. Очерки истории Курской организации КПСС. Воронеж, 1980.
17. Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1923 гг. М., 2002.

Шкаровский М.В.,
*главный архивист отдела использования и публикации документов
Санкт-Петербургского ГКУ «Центральный государственный архив
Санкт-Петербурга»,
док.ист.наук*

РОССИЙСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ 1917 г.

К революции 1917 г. Российская Православная Церковь внешне представляла внушительную силу. В империи проживало 115-125 млн. православных верующих (70 % населения), имелось 78767 храмов и часовен, около 120 тыс. священников, диаконов и псаломщиков, 130 архиереев, 1256 монастырей и скитов с 107 тыс. монашествующих и послушников, 185 Духовных училищ, 62 Духовные семинарии и 4 Духовные Академии (вместе более 53 тыс. учащихся) [9, с. 35]. Однако авторитет и влияние этой внешне мощной организации оказались во многом подорванными.

Начало революции сопровождалось рядом антицерковных акций, вплоть до арестов архиереев по указанию местных советов. Она стала социальным детонатором антирелигиозных настроений среди недовольных своим существованием людей, в представлении которых Церковь и монархия были едины, и десакрализация их представлений о монархии отражалась и на отношении к Церкви.

И в то же время февральские события фактически стали и «религиозной революцией», уникальной в истории Православия. В марте - апреле 1917 г. по стране прокатилась волна чрезвычайных епархиальных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями, с кафедр были смещены более 10 наиболее скомпрометированных архиереев, избранные епархиальные советы значительно ограничивали епископскую власть. Вводился выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиально - представительное начало церковного управления, демократизировалась приходская жизнь [3, с. 149-150]. Все эти изменения стихийно шли в направлении, намеченном проектами церковных реформ

1905-1907 гг.

Кризис самодержавия пробудил надежды на изменение отношений Церкви и государства и у епископата. Поэтому даже члены Святейшего Синода отказались 26 февраля обратиться с воззванием к народу поддержать монархию. Более того, 6 марта Синод опубликовал послание «к чадам Православной Церкви» по поводу отречения императора и принял определение об обнародовании в православных храмах актов 2 и 3 марта (об отречении Николая II и великого князя Михаила Александровича), а также о совершении молебствия «об утишении страстей, с возглашением многолетия Богохранимой державе Российской и Благоверному Временному правительству» [14, № 9-15, с. 58].

Новым «революционным» обер-прокурором правительство 3 марта назначило сторонника реформ в Церкви В. Н. Львова. На следующий день члены Синода выслушали его программную речь. В.Н. Львов заявил, что он, счастлив объявить о свободе Церкви и уничтожении цезарепапизма, губительно влиявшего на церковно-общественную жизнь [5, с. 2-3]. В первые же дни революции был арестован Петроградский митрополит Питирим. На заседании 6 марта Синод своим определением официально утвердил его отставку [1, д. 328, л. 1]. Затем были уволены архиепископ Тобольский Варнава, епископ Сарапульский Амвросий, митрополит Московский Макарий и др. Всего после начала революции уволили глав 20 епархий и некоторое количество викариев. Таким образом, из почти 150 архиереев около 40 были удалены со своих кафедр.

Отношения Синода с новым правительством складывались не просто. Хотя 4 марта В. Н. Львов и объявил о предоставлении Церкви полной свободы в ее управлении при сохранении за собой лишь права останавливать решения Синода, уже 7 марта он сообщил, что считает себя «облаченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах». Обер-прокурор также указал, что получил от правительства поручение выработать проект церковных преобразований и подготовить созыв Собора. На протест членов Синода он ответил, что передаст всю полноту власти «только Всероссийскому Церковному Собору». Новый обер-прокурор продолжал входить в состав правительства, его права и обязанности остались теми же, что и прежде [13, с. 75-78].

В.Н. Львов стремился как можно скорее освободить Церковь от «реакционного» епископата, не соответствовавшего, по его представлению, духу времени, и нередко действовал диктаторскими методами. 14 апреля 1917 г. по инициативе В.Н. Львова правительство издало указ об освобождении всех прежних членов Синода, за исключением одного, и назначении новых. 29 апреля обновленный Синод принял обращение к Церкви о восстановлении принципа выборности епископата, подготовке Всероссийского Поместного Собора и учреждении Предсоборного Совета [11, с. 55].

Важнейшие же преобразования происходили на местах – в епархиях.

Почти повсеместно епархиальные съезды ограничивали епископскую власть особыми советами или комитетами из избранных представителей клира и мирян, без согласия которых архиереи были лишены права совершать официальные административные акты. В связи с этим епархиальные съезды вырабатывали свои планы преобразования церковного управления, основные положения которых сразу же проводились в жизнь. Коллегиально-представительное начало вводилось на всех ступенях управления: по благочиниям учреждались благочиннические советы из выборных представителей клира и мирян, по приходам – приходские советы также из клира и мирян и приходские общие собрания. Выборный порядок замещения духовных должностей касался всех [3, с. 151].

Вакантные архиерейские кафедры замещались в порядке свободного избрания тайным голосованием представителей клира и мирян на епархиальных съездах. Первые выборы епархиального архиерея – 3 мая 1917 г. состоялись в Черниговской епархии, затем в Курской, а 24 мая 1917 г. выборные представители клира и мирян столичной губернии значительным большинством проголосовали за избрание архиепископом Петроградским Вениамина (Казанского). 13-14 августа состоялось его возведение в сан митрополита. 19 июня на Московскую кафедру был избран архиепископ Тихон (Беллавин).

По итогам прошедших выборов Синод принял постановления о назначении избранных на вакантные кафедры архиереев: Петроградскую - епископа Вениамина (Казанского), Московскую - архиепископа Тихона (Беллавина), Владимирскую – архиепископа Сергия (Страгородского), Харьковскую – архиепископа Антония (Храповицкого) и др. 20 июня Синод утвердил Временное положение о православном приходе, которое фактически наделяло приход статусом самоуправляющейся основной демократической единицы Русской Церкви с широкой активизацией мирян, а 5 июля принял «Общие положения об избрании епархиальных епископов» [14, № 28, с. 193-199].

Помимо большого количества епархиальных съездов и собраний, состоялся и съезд духовенства ведомства протопресвитера военного и морского духовенства [2, д. 20, л. 78]. Прошел и Всероссийский съезд единоверцев. Выборное начало уже вскоре после революции стало укрепляться даже в монашеской среде. Весной – летом 1917 г. в России активно шел процесс переизбрания насельниками монастырей своих настоятелей. В июле 1917 г. прошли два монашеских съезда: ученого монашества и представителей мужских обителей. Таким образом, в среде инок стали постепенно возрождаться традиции самоуправления [12, с. 78-79].

Спустя два месяца после свержения монархии Синод выпустил определение от 1-5 мая о привлечении духовенства и мирян к более активному участию в церковном управлении, узаконившее и

регламентировавшее возникшую в Церкви послереволюционную ситуацию. Епархиальные архиереи получили право временно (до Собора) разрешать представителям местных епархиальных советов принимать участие в заседаниях Духовной консистории; учреждать при благочинных выборные благочиннические советы; предоставлять прихожанам возможности избирать на освободившиеся священно- и церковнослужительские места достойных кандидатов. Благочинные, уездные и епархиальные съезды получили возможность избирать местных благочинных, членов уездных отделений епархиальных училищных советов и т.п. 17-21 июня было утверждено «Временное положение» о православном приходе, наделившее его статусом самоуправляемой основной демократической единицы Церкви с широкой активностью мирян [14, № 18-19, с. 101, 111-113]. Больше прав православное духовенство и миряне не имели никогда.

Стараясь как можно скорее организовать созыв Поместного Собора, Синод в июне 1917 г. создал Предсоборный Совет – обширную совещательную коллегию из епископов, клириков и мирян. Началось проведение реформ и в богословском образовании. Еще 18-22 марта Синод предоставил правлениям Духовных семинарий и училищ право «избирать кандидатов для замещения административных и преподавательских должностей». 5-6 мая было принято положение «О некоторых изменениях в строе Духовных Академий». Ректор и его помощник теперь избирались на 4 года и утверждались Синодом. Преподавательские должности также стали замещать выборным путем с последующим утверждением Синодом, ученые степени присуждались Советом Академии и т. д. [4, с. 75].

Революция вызвала заметный подъем национального движения, что не могло не отразиться и на церковной жизни. В различных регионах огромной страны стали подниматься вопросы о переходе на национальные языки богослужения, избрании архиереев из представителей «своей» народности и т. п. Духовенство было неоднородно не только в национальном плане. К 1917 г. оно уже характеризовалось значительным социальным расслоением. Соответственно расходились и политические симпатии различных групп. Не все одобрительно встретили революцию, в некоторых храмах продолжали почитать императора, сохраняя надежды на реставрацию монархии. С другой стороны, ряд священников состояли в социалистических партиях. Наиболее активно из левых группировок действовал основанный 7 марта 1917 г. в Петрограде «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян» [8, с. 153-154].

Попытки создать подобные организации в других городах почти везде закончились неудачей. Основная масса духовенства была в целом аполитична и, выступая за демократические преобразования в структуре Церкви, не разделяла программные требования социалистических партий об отделении ее от государства. Подобные настроения проявились уже на весенних епархиальных съездах. Принцип свободы совести не вызывал возражений, однако Православная Церковь в новой России должна была

быть первой среди равных.

Открыто были высказаны эти идеи на Всероссийском съезде духовенства и мирян, проходившем 1-10 июня 1917 г. в Москве и собравшем 1262 делегата почти из всех епархий. Съезд принял декларацию приветствовавшую революцию. За 10 дней работы на нем были сформулированы требования и предложения по основным пунктам реформы для будущего Поместного Собора. Съезд также учредил «Всероссийский союз духовенства и мирян» и профсоюз духовенства. Однако идея отделения Церкви от государства оказалась отвергнута. Были высказаны пожелания, чтобы Православная Церковь осталась в положении «первенствующей», религиозные организации по-прежнему получали правовую и материальную поддержку, Закон Божий являлся обязательным для изучения и Церкви остались руководимые ею народные школы [14, №28, с. 199; № 34, с.282].

В результате вскоре произошел конфликт с правительством по вопросу церковно-приходских школ. 8-18 мая Синод принял определение об их реформе, в соответствии с которым приходам предоставлялось право участия в заведовании всеми подобными школами [4, с.76]. Однако 20 июня правительство приняло постановление о передаче 37 тыс. таких школ в ведомство Министерства народного просвещения [14, № 28, с. 191]. Всероссийский съезд церковно-приходского учительства приветствовал эту передачу. Синод же выразил протест по поводу закона от 20 июня. Аналогичное столкновение произошло и по вопросу проекта об исключении Закона Божия из числа обязательных предметов. В итоге это постановление вплоть до Октябрьского переворота принято не было.

Религиозная политика Временного правительства отличалась своеобразием. Своими постановлениями «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.) и «О свободе совести» (14 июля 1917 г.) оно много сделало для утверждения подлинной свободы вероисповеданий, и в то же время признавало за религией колоссальную роль в духовно-нравственной сфере жизни людей. Однако новая власть, вместе со всеми другими властными полномочиями свергнутого монарха, присвоила себе и право утверждать решения Синода.

Политика Временного правительства в отношении Российской Церкви была направлена на реализацию трех основных задач: установление лояльности «Ведомства православного исповедания» революционным властям и ликвидация символов его прежнего служения самодержавию; внутреннее реформирование Церкви при наличии узурпированного права утверждения церковных решений; постепенное максимально безболезненное разделение государственных и церковных структур. В религиозной сфере, как и в ряде других, правительство откладывало решение наиболее принципиальных вопросов до начала работы Учредительного собрания. В целом эта политика не вызвала понимания в широких слоях духовенства и мирян. К осени 1917 г. Церковь,

разуверившись в способности Временного правительства защищать ее интересы, хотя и продолжала выдерживать по отношению к нему линию пассивной лояльности, но все более связывала свои надежды с изменением политической ситуации. Хотя в программах всех партий, представленных в правительстве, присутствовало положение о постепенном отделении Церкви от государства, решительных шагов в этом направлении сделано не было.

Приобретая определенную фактическую самостоятельность, юридической свободы Православная Церковь не получила. Временное правительство не отказалось от прерогатив верховной власти. Первоначально в его состав входил обер-прокурор Синода В. Н. Львов, которого 8 августа сменил А. В. Карташев, назначенный 10 августа министром исповеданий с прежними правами и обязанностями обер-прокурора. Постановлением от 5 августа Временное правительство фактически признавало Российскую Церковь «первой среди равных», так как министр исповеданий и два его первых заместителя должны были обязательно принадлежать к Православию [7, с. 76-77].

Правительство недооценило настроения достаточно широких слоев населения к осени 1917 г. все более активно выступавших за радикализацию религиозной политики: полное отделение Церкви от государства, светское образование, равенство на практике различных вероисповеданий, освобождение верующих от чрезмерной опеки государственных структур и т. д. Заметно росли антиклерикальные настроения в армии. Крестьянство наряду с помещичьими начало захватывать и церковные земли. Сельские общины стали сокращать экономическую помощь духовенству, в приходах происходило изгнание неудобных клириков.

Все это, как и возрастающая экономическая разруха, поражения на фронтах сказывалось на настроениях священнослужителей. Патриотическая тревога, охватившая средние слои населения, проявлялась и в их среде. Сильно волновала духовенство перспектива отделения Церкви от государства, как следствие нарастало недовольство правительственной политикой. В этой обстановке происходили выборы участников Поместного Собора. 10 июля Предсоборный совет опубликовал их правила. Выборы членов Собора были свободными и тайными, впервые на уровне приходов в них участвовали женщины, кроме того, в состав Собора по должности входили все епархиальные архиереи, настоятели ставропигиальных монастырей, члены Предсоборного совета и др.

Открывшийся 15 августа в Москве Всероссийский Поместный Собор стал заметным явлением общехристианской истории. Ряд его решений и постановка самих вопросов во многом опережали весь христианский мир. Собор был не только самым представительным, но и самым свободным и демократичным за все время существования Русской Церкви. Из 564 депутатов больше половины - 299 составляли миряне [14, № 29, с. 211-217]. На ходе первых заседаний сказывались серьезные разногласия их

участников. Левое крыло находилось в меньшинстве, но отличалось значительной активностью. В него входили представители образованного белого духовенства городов и церковной интеллигенции. Они стремились ослабить позиции монашества и епископата, выступая за соборно-синодальную систему управления [6, с. 84].

Начало работы Собора пришлось на дни корниловского мятежа и ухудшения положения на фронте. Участники заседаний не могли не откликнуться на события, потрясшие страну. Продолжая линию Синода на прекращение народной распри, партийных и социальных раздоров, Собор 24 августа обратился к народу, а также отдельно к армии и флоту с призывом отбросить взаимную ненависть и внутренние распри и исполнять свой воинский долг [15, с. 12]. В центре внимания первых недель работы Собора находился конфликт с государственной властью по вопросам о церковно-приходских школах и религиозному обучению. Было решено просить правительство о немедленной отмене закона от 20 июня 1917 г. и выразить ему мнение о недопустимости ликвидации обязательного преподавания Закона Божия. Соборную делегацию принял А. Ф. Керенский. Он заявил, что по первому вопросу ее требование не может быть удовлетворено, а при окончательном решении второго примут во внимание представления Собора.

Особенно сильно разногласия депутатов проявлялись в вопросе возрождения Патриаршества. Левое крыло Собора активно предлагало вместо Патриаршества коллегиальную систему управления. Но постепенно, по мере нарастания политического кризиса, настроения менялись. Все более ощущалось, что в условиях разгула антирелигиозных сил им должна противостоять Церковь, возглавляемая конкретным духовным вождем. Растущая неустойчивость правительства, по мнению многих членов Собора, требовала сильного личностного начала – Патриаршей власти в сочетании с соборными институтами, которые имели бы достаточно широкие прерогативы и проводили волю Церкви, как единого целого. Эта позиция вскоре возобладала. Радикально антипатриаршая партия не превышала 60 человек, т. е. 11 % всех участников Собора. Через несколько дней, после Октябрьского переворота, отпали сомнения в том, что введение Патриаршества не утвердит Временное правительство. 28 октября прения были прекращены, и Поместный Собор вынес постановление о восстановлении Патриаршества [9, с. 38-39].

Так после двухвекового перерыва Российская Церковь вновь обретала своего Первосвященителя. 30 октября состоялся первый тур тайного голосования, а на следующий день второй, в результате которого выбрали трех кандидатов. 5 ноября по жребию из них был избран Патриархом Московским и всея России митрополит Тихон (Беллавин). 21 ноября состоялась его торжественная интронизация. Согласно уставу, при Патриархе учреждались Синод из архиереев и Высший Церковный Совет с выборным представительством белого духовенства и мирян. Всего с

15 (28) августа 1917 г. по 7 (20) сентября 1918 г. состоялось три сессии Собора. Затем он был вынужден прекратить работу, не завершив ее. Среди принятых постановлений следует отметить определения об активизации женщин в церковной жизни, о братствах ученых монахов, о проповедничестве. Успел Собор и выпустить уставы новой соборной структуры всей Церкви, основанной на началах широкой инициативы и выборности - от Патриарха до самоуправляющихся приходов, окончательно узаконив большую часть преобразований «церковной революции» 1917 г. [10, с. 17-33]. Без этого обновления Церкви было бы значительно сложнее пережить агрессию атеистического государства.

Таким образом, несмотря на тяжелый кризис, в котором Российская Церковь находилась к 1917 г., ей понадобилось очень мало времени, чтобы качественно преобразоваться. Ее потенциальные возможности оказались очень велики. Сразу после начала революции началась бурная активизация церковной жизни, основная же часть Церкви стала выходить из внутреннего кризиса с лета 1917 г., что ярко проявилось в избрании Патриарха и деятельности Поместного Собора. Однако для этого церковного возрождения историей оказалось отведено очень мало времени.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1778. Канцелярия Министра-Председателя Временного правительства. Оп. 1.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 831. Канцелярия патриарха Тихона и Священного Синода. Оп. 1.
3. Бакулин Б. С. Несвоевременные воспоминания // Религия и демократия. На пути к свободе совести. М., 1994.
4. Бовкало А. А. Февральская революция и проблемы взаимоотношения церкви и государства // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традиции. СПб., 1996.
5. Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 1.
6. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Париж, 1947.
7. Карташев А. В. Революция и Собор 1917 - 1918 гг. (Наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Богословская мысль. Париж, 1942.
8. Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1. Кюснахт, 1998.
9. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.
10. Священный Собор Православной Российской Церкви: Собрание определений и постановлений. Вып. 1. М., 1918.
11. Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Пг., 1924.
12. Фирсов С. Л. Церковь в Империи. СПб., 2004.
13. Фруменкова Т. Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времени. 1995. № 5.
14. Церковные Ведомости. 1917.
15. Цыпин В. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1993.

Ю. И. Крипатова

главный хранитель фондов

*ГКУ «Ленинградский областной государственный архив в
г. Выборге»*

ВЫБОРГ В ДНИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В Г. ВЫБОРГЕ)

1917 год в истории России полон драматических событий. Значимость их для истории и для дальнейшего развития государства так велика, что исследователи стараются не пропустить ни один день этого революционного года в своих трудах. Каждый регион страны испытал на себе влияние событий, происходивших в Петрограде. Изучение трансформаций, которые принимали революционные события на периферии, исследование отношения к ним различных групп населения, а также оценка результатов 1917 года конкретно для города Выборга, как одного из оплотов революционного движения, являются основными задачами данного сообщения.

Революционный митинг войск
Выборгского гарнизона. 04.1917.
ЛОГАН. НСБ.

Ситуация в России к началу 1917 года была критической: неудачи в первой мировой войне, продовольственный кризис, хозяйственная разруха и как следствие, массовые волнения населения. 27 февраля всеобщая забастовка переросла в вооруженное восстание, начался массовый переход войск на сторону восставших, которые заняли важнейшие пункты Петрограда, правительственные здания. В это же время были созданы Совет рабочих и солдатских депутатов, Временный комитет Государственной думы и сформировано Временное правительство. 2(15) марта царь Николай II отрёкся от престола в пользу своего брата Михаила, на следующий день великий князь Михаил также отказался от своих прав на престол. Так в России рухнул самодержавно-монархический строй.

К началу 1917 года Выборг – крупный экономический центр Великого княжества Финляндского, а также крепость с расквартированными там российскими войсками. В Выборге помимо штаба русского гарнизона, располагался также штаб 42-го армейского корпуса, размещенного на территории Финляндии на случай десанта немцев с севера. Выборг, находясь в непосредственной близости к столице, был тесно связан с революционным движением в России и Финляндии. Используя относительную независимость автономного княжества, партия большевиков имела на Карельском перешейке базу подпольной борьбы, а

при необходимости надёжно укрывала здесь своего вождя. Это было одно из мест «ближней эмиграции» большевиков.

Победу Февральской буржуазно-демократической революции в городе Выборге восприняли восторженно. «Солдаты вышли из казарм на улицу, ходили группами по городу, распевали песни и веселились. Салютовали винтовками, пулеметами и пару раз даже пушками. Большая толпа жителей сначала с опаской следила за этими действиями, но затем успокоилась и была солидарна этому взрыву радости, продолжавшемуся до глубокой ночи». Вечером 2 марта на вокзале Выборга начался митинг. Огромная масса людей, в составе которой были преимущественно солдаты, заполнили все площади города. Так началась революция в Выборге. По городу прошла волна арестов офицерского состава и жандармов, как приверженцев царского режима. У них отобрали оружие, заключили на гауптвахту [1, л. 21], а после освобождения из губернской тюрьмы политических заключенных перевели в выборгскую тюрьму [1, л. 50]. Солдаты завладели складами оружия и боеприпасов, а затем заняли искровую станцию, почту и телеграф. С вокзала в Петроград была послана телеграмма: «Солдаты проснулись, мы хотим узнать правду». Несколько дней спустя в Петроград была отправлена почетная сводная рота под командованием прапорщика Павлова для приветствия Временного Правительства [1, л. 93].

Оттиск печати
Солдатского
комитета

В марте 1917 в городе был образован Солдатский комитет Выборгского гарнизона. Финские рабочие города поддержали солдат, однако до мая 1917 года солдатские и рабочие комитеты в городе Выборге существовали независимо друг от друга. Организациями трудящихся были финское и русское Выборгские рабочие общества. В начале 1917 года в городе был организован Центральный комитет рабочих Выборга. Для охраны полученных народных свобод, которые были «куплены большими жертвами» и в помощь солдатским патрулям рабочим комитетом уже в марте 1917 г. была организована народная милиция, так называемая «финская красная гвардия».

Объединение солдатских и рабочих организаций произошло в мае 1917 года, в результате чего был сформирован Выборгский Совет рабочих и солдатских депутатов из 163 человек. По своему составу первый Совет был эсеро-меньшевистским. В Совете преобладали солдаты; рабочих же насчитывалось всего 11 человек.

В марте возникли партийные группы почти во всех частях гарнизона. Из этих разрозненных групп и ячеек в городе сложилась большевистская единым партийным комитетом. 20 марта, при непосредственном участии и руководстве полномочного представителя ЦК и ПК РСДРП (б)

Ивана Алексеевича Акулова в городе была создана Выборгская военная организация РСДРП.

Члены Выборгской военной организации РСДРП в г. Выборге. 1917. ЛОГАВ. Ф. Р-4652. Оп. 2. Д. 198.

Следует отметить, что основное ядро партийного комитета состояло из стойких революционеров, беспредельно преданных делу революции. Иван Алексеевич Акулов — член партии с 1906 года, впоследствии видный деятель большевистской партии и советского государства; Иван Никанорович Половов — член партии с 1904 года, Георгий Захарович Заонегин — член партии с 1905 года, впоследствии — активные

участники гражданской войны и социалистического строительства.

Ситуация в городе была напряженной. Голод, надвигавшийся на Центральную Россию, не обошел стороной и Выборг. Уже в июне 1917 года в городе были введены продуктовые карточки, был создан огородный комитет [5, л. 46]. Постоянный рост цен на продовольствие, спекуляция, безработица и, сопутствующие им, нужда и голод, привели к обострению отношений между имущими классами и беднотой.

Сразу после Февральской революции и свержения царского самодержавия в Финляндии начался подъем рабочего движения, стачки охватили город и деревню. В апреле 1917 г. рабочим удалось добиться фактического введения 8-часового рабочего дня на предприятиях, а в июле финляндский сейм, добиваясь независимости, объявил себя носителем верховной власти в стране. Однако правительство Керенского отказалось утвердить эти законы и распустило сейм. Эти действия были резко осуждены большевиками, которые выставили требование признания за Финляндией её права на самоопределение вплоть до отделения от России.

Вопрос о независимости Финляндии в 1917 году стоял особенно остро. И, как видно из документов, являлся целью всего населения, независимо от социального положения или политических взглядов. Разница была в том, что рабочие надеялись на поддержку российского пролетариата, а буржуазия делала ставку на помощь «германского империализма». Уже летом 1917 года начинают создаваться отряды шюцкора для защиты страны от революции. Контрразведывательному отделению штаба Выборгской крепости удавалось перехватывать сведения о немецкой провокационной деятельности, о вербовке солдат и даже гражданского населения для дезорганизации положения в России.

Финские рабочие Выборга неоднократно сообщали о солидарности с русским пролетариатом в деле революции. Так, в июне секретарь рабочего комитета Ю. Латукка в ответ на слухи по поводу собрания представителей финского народа в Стокгольме, на котором был поднят вопрос о положении Финляндии в связи с последними событиями в России, сообщал, что рабочие верят, что «гарантировать свободную будущность Финляндии может только свободная революционная Россия». Из первостепенных вопросов, финские рабочие требовали установить 8 часовой рабочий день, повышения заработной платы (не менее чем на 100%). При производствах были созданы примирительные камеры для диалога промышленников с рабочими.

После 18 апреля (1 мая) 1917, когда была выпущена так называемая «Нота Милюкова» и в Петрограде, и в Выборге прошла волна протестов, осуждавших империалистическую политику Временного правительства и ноту Милюкова об отправке войск на фронт. При поддержке Выборгского Совета 23 апреля прошла демонстрация под лозунгами: «Долой войну!», «Вся власть Советам!», «Долой министра иностранных дел Милюкова!». В местной газете «Солдатский вестник» было опубликовано заявление солдатского комитета 3-его Выборгского пехотного полка следующего содержания: «со своей стороны требуем от Временного правительства немедленного вступления в переговоры с союзниками о выработке общей платформы мира на демократических основаниях. Мы твердо верим в недалёкое будущее, когда ненавистная ненужная кровопролитная война наций обратится в войну против капиталистов всего мира!» [3, л. 26об.].

Большевики Выборга в это время проводили огромную политическую работу по разъяснению решений VII Апрельской конференции РСДРП (б), утвердившей ленинский курс партии на социалистическую революцию. Делегатом от Выборгской партийной организации на конференции был И. А. Акулов. В усилении большевистского влияния на солдат и рабочих важную роль сыграла газета «Знамя борьбы» — еженедельный орган Выборгской военной организации РСДРП (б) и «Выборгский солдатский вестник», орган Выборгского Совета, выходивший с 11 марта 1917 г. [2, л. 71].

Для влияния на политические настроения населения 3 мая 1917 года при Солдатском комитете выборгского гарнизона была создана агитационная комиссия. В протоколе заседания комиссии записано: «Мы живем в революционное время. Что вчера признавали, нынче отвергается и наоборот (долой Временно правительство и проч.) Чем дальше от культурного центра, от Выборга, то эти волны «за» и «против» идут медленно. В городе, по мере того, как пробуждается политическая мысль в массах в «толпе народной» потребность в собраниях в митингах увеличивается» [2, л. 238].

1 (13) июля Временное правительство погнало солдат в наступление. Были отправлены на фронт и два пехотных полка 42-го армейского корпуса.

На вокзале гремели оркестры. С трибуны выступали «защитники» Родины и свободы. Однако моральный дух в армии был сильно подорван, солдаты не хотели воевать. После же 4 (17) июля обстановка в стране изменилась кардинально. В Петрограде была расстреляна мирная демонстрация. Контрреволюционное правительство Керенского перешло в наступление. Мирный период развития революции кончился. Лозунг «Вся власть Советам!» был временно снят с повестки дня. Большевицкая партия перешла на полуполигальное положение, а вождь партии В. И. Ленин вынужден был уйти в подполье. Встал вопрос о захвате власти вооруженным путем. Выборгский Совет с напряжением следил за развитием ситуации в Петрограде. В эти дни на заседаниях Совета поднимались вопросы о кризисе власти, формировании нового кабинета министров, установлении твердой революционной власти, о борьбе с контрреволюцией. Однако, в 10-х числах июля для поддержки политики Временного правительства в Выборг прибыл полк казаков.

28 августа Выборгский Совет получил известие о попытке установления военной диктатуры, предпринятой Верховным главнокомандующим Русской Армией Л. Г. Корниловым [3, л. 257]. В ответ Выборгский Совет направил Временному правительству телеграмму о преданности Выборгского гарнизона и готовности выступить против мятежников [6, л. 51].

29 августа постановлением Выборгского Совета, по подозрению в сочувствии корниловскому выступлению были арестованы некоторые офицеры. Реакция солдат Выборга на информацию о наличии сторонников мятежа среди командного состава вышла из-под контроля. 29 августа взбунтовавшиеся солдаты расстреляли и сбросили с Абосского (Крепостного) моста в залив 11 полковников и офицеров. В их числе оказались, и командир 42-го армейского корпуса генерал В. А. Орановский и комендант Выборгской крепости генерал-майор Ф. В. Степанов. Все произошло стихийно и совершенно неожиданно для представителей местных организаций.

Выборгский Совет попытался вразумить и остановить революционно настроенных солдат [6, л. 10об.]. «Всякие самосуды на насилие над офицерами наносят тяжелый удар по революции, особенно преступно в переживаемое страной и революцией тревожное время. Всякий, кто впредь позволит себе насилие или самосуд должен считаться изменником революции и демократии» [6, л. 12]. Однако стабилизировать ситуацию удалось не сразу, и, учитывая возросшее недоверие среди солдат, Выборгский Совет принял решение назначить в частях 42-армейского корпуса комиссаров [6, л. 57].

Разгром корниловского мятежа вызвал резкое изменение политических настроений масс в пользу большевиков. Представители большевистской партии входили в Выборгский совет уже с июня 1917 года, однако первоначально их количество было минимальным. При проведении

выборов в исполком Выборгского Совета 10 сентября их количество увеличилось до 12 человек. Более того, большевик Половов был избран председателем исполкома.

В ночь с 24 на 25 октября Выборгский Совет направил свой отряд пехотинцев, артиллеристов и пулеметчиков для поддержки готовящегося восстания в Петрограде. Руководили отрядом члены Выборгского комитета РСДРП(б).

Помимо подготовки к восстанию, в октябре активно шла подготовка ко II Всероссийскому съезду Советов, который состоялся 25-27 октября (7-9 ноября) 1917 г. Необходимость данного съезда, как отмечали в Выборгском Совете, была обусловлена крайне критической ситуацией в стране, вызванной революцией, продовольственной, экономической разрухой, голодом. От Выборгского Совета большинством голосов представителем был избран И. А. Акулов. Съезд фактически решил задачи, стоящие перед Учредительным собранием в вопросе о выборе формы власти в стране. II Съезд Советов сформировал Временное рабочее и крестьянское правительство - Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным.

Член военной
организации
Выборгского
комитета РСДРП(б)
И. А. Акулов.
1919.ЛОГАВ. НСБ

На пленарном заседании Выборгского Совета и полковых и ротных комитетов 27 октября было решено «оказать энергичную поддержку революционному правительству». Председатель Совета призывал «сплотиться в единую семью, найти общий язык между всеми социалистическими партиями, иначе это может пагубно отразиться на действиях нового правительства, состоящего из одного крыла» [6, л. 30].

Выборгский отряд находился в Петрограде до 2 ноября, а затем, по распоряжению ВРК, был направлен в окрестности Петрограда для борьбы с контрреволюционными силами Керенского. Таким образом, революционные войска Выборгского гарнизона оправдали доверие большевистской партии.

Вместе с Выборгским Советом финские рабочие сочувственно отнеслись к Октябрьской социалистической революции в России. Сразу же после победы вооруженного восстания в Петрограде в Выборге был создан Военно-революционный комитет из представителей Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов, армейского комитета большевиков, полковых и ротных комитетов. Военно-революционный комитет стал высшей властью в городе и в гарнизоне. 27 октября было решено для охраны порядка в городе, предупреждения возможного восстания финской буржуазной гвардии в связи с предполагаемым немецким десантом, вооружить армейский комитет [6, л. 73]. Контроль над военными центральными и подцентральными телефонными станциями,

радиостанциями, был передан командирам их обслуживающим. Был издан приказ вести запись сомнительных разговоров, немедленно сообщать об этом [6, л. 73].

В противовес рабочим отрядам красной гвардии в Финляндии на протяжении 1917 года стихийно формировались вооружённые отряды белой гвардии – шюцкора. Эта полувоенная организация-ополчение получала поддержку со стороны финской буржуазии и была к концу года неплохо вооружена. Поскольку шюцкоровцы также пытались обеспечить порядок, то уже в 1917 году происходили небольшие столкновения между шюцкоровцами и финской красной гвардией. В отличие от отрядов шюцкора красногвардейцы испытывали острейший недостаток в оружии, экипировке. Поэтому красногвардейцы Выборга неоднократно обращались к русским войскам за помощью. Так, например, ВРК Выборгского Совета вынес 5 ноября 1917 года постановление о выдаче 250 винтовок финской красной гвардии «для несения ими караула по городу и реквизиции хлебных запасов» [4, л. 470]. Были просьбы и другого рода. Так, 30 декабря 1917 года в Выборгский Совет от имени «Выборгского революционного комитета финских рабочих города Выборга» обратился Иван Латукка с просьбой оказать помощь в проведении обыска в здании Акционерного банка Северных стран, в котором «белая гвардия имеет большой запас винтовок и прочих снарядов».

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России воодушевила рабочий класс Финляндии. 13 ноября 1917 г. в Финляндии началась всеобщая забастовка, отряды рабочих заняли многие железнодорожные станции, телефон и телеграф, арестовали наиболее активных реакционеров. Революционные действия рабочего класса вынудили сейм вновь принять законы, которые были в июле отклонены правительством Керенского, но дальше этого сейм не пошел — требования пролетариата о борьбе с голодом и безработицей, о социальном страховании и другие не были удовлетворены.

Таким образом, 1917 год ознаменовался для Выборга революционными потрясениями. Город с марта находился в руках русских солдат, которые в мае 1917 года совместно с рабочими сформировали Выборгский Совет. Обе революции и 3 правительственных кризиса (апрельский, июльский и августовский), которые пережила страна в течение года, напрямую сказывались на ситуации в городе. Солдаты выборгского гарнизона и финские рабочие оказывали самую живую поддержку достижениям революции. Вооруженные отряды выборгского гарнизона без колебаний пришли на помощь восставшему Петрограду и вместе с революционными матросами Балтики и рабочими питерских заводов преградили путь силам контрреволюции.

Положение в городе в течение 1917 года было столь же тяжелым, что и в Петрограде. Продовольственное снабжение с каждым днем становилось все хуже, российские деньги обесценивались, так, что пришлось перейти на

финские марки, в городе царил хаос. Красногвардейцы оказались не в состоянии обеспечить порядок и дисциплину. К сожалению, сами они или их комиссары становились главными фигурантами в делах о погромах винных погребов, грабежах мирного населения, незаконной торговле оружием, беспричинной стрельбе в общественных местах и так далее. Однако помимо смены власти и режима перед финскими рабочими, как и финской буржуазией, стоял еще один важный вопрос – независимость Финляндии. Поскольку финский пролетариат верил, что это возможно только благодаря поддержке российских рабочих, то Декрет от 18 (31) декабря 1917 года, подписанный Лениным, можно считать попыткой склонить на свою сторону все финское общество. Однако это привело к противоположному эффекту. С этого момента происходит обострение борьбы «красных» поддерживаемых Советской Россией, и «белых», поддерживаемых кайзеровской Германией, которая ввела свои войска в Финляндию.

Буржуазные круги Финляндии были очень недовольны тем, что на территории Финляндии продолжали оставаться русские войска. До окончания войны существовала угроза нападения на Петроград через Финляндию. Выборгский и Гельсингфорский Советы обещали покинуть страну после мирных переговоров. Однако 12 января сейм Финляндии предоставил сенату чрезвычайные полномочия по наведению в стране «строго порядка» и признал шюцкор правительственными войсками, основные силы которых были направлены на борьбу с красной гвардией и революционерами.

Источники и литература

1. Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее – ЛОГАВ). Ф. 526. Исполком Выборгского совета. Оп. 1. Д. 1.
2. ЛОГАВ. Ф. 526. Исполком Выборгского совета. Оп. 1. Д. 2.
3. ЛОГАВ. Ф. 526. Исполком Выборгского совета. Оп. 1. Д. 3.
4. ЛОГАВ. Ф. 526. Исполком Выборгского совета. Оп. 1. Д. 4.
5. ЛОГАВ. Ф. 526. Исполком Выборгского совета. Оп. 1. Д. 6.
6. ЛОГАВ. Ф. 526. Исполком Выборгского совета. Оп. 1. Д. 25.
7. ЛОГАВ. Ф. Р-4652. Коллекция фотодокументов советского периода. Оп. 2. Д. 198.

*Ливенцев Д.В.,
проф. Воронежского института
Федеральной службы исполнения наказаний,
док ист. наук, проф.*

ИДЕЯ ЛИКВИДАЦИИ ТЮРЕМ В 1917 г.

Любой коренной слом государственной системы несет ожидания лучшей и совершенной жизни. Февральская революция привела к отмене монархического правления. Одновременно под амнистию попало значительное количество политических и, что серьезно дестабилизировало криминальную ситуацию в стране, уголовных заключенных [2, с. 89]. Постоянно и широко обсуждались ужасы царского тюремного режима. Естественно, в подобной ситуации не могли не появиться желающие существенно реформировать исправительную систему или полностью отменить ее функциональные обязанности.

Давайте кратко обратимся к биографии общественного деятеля, предлагавшего самым серьезным образом ликвидировать исправительную систему. Итак, Константин Николаевич Вентцель (1857 – 1947 гг.) – русский педагог и теоретик свободного воспитания. В студенческие годы был одним из активных участников антиправительственных выступлений. В 1885 – 1887 гг. за свои политические взгляды отбывал тюремный срок, а в годы Первой мировой войны решительно выступал против милитаризма и шовинизма в Российской Империи [5, с.56]. К.Н. Вентцель предпринимал и практические шаги к реализации новаторских педагогических разработок, которые он пытался осуществить в 1906 – 1909 гг. в «Московском доме свободного воспитания» [3, с. 140].

Именно данный теоретик свободного воспитания в дни Февральской буржуазной революции выпускает прогрессивную брошюру, написанную 8 апреля 1917 г., с сенсационным названием «Уничтожение тюрем».

Начинается произведение К.Н. Ветцеля с пламенного призыва: «... Пока есть в стране хоть одна тюрьма, куда сажают так называемых преступников, до тех пор в этой стране нет свободы, хотя бы страна считалась и самой свободной в мире и называлась демократической республикой... Свободные граждане, если вы хотите быть действительно свободными, разбейте тюрьмы, кто бы в них за какие преступления ни содержался и вместо тюрем воздвигнете дворцы просвещения, дворцы культуры, вступая в которые все так называемые преступники перерождались духовно и становились бы новыми людьми!» [1, с. 1].

К.Н. Вентцель призывал в Конституции новой свободной России исключить понятие тюрем и запретить их. Он утверждал, что категории политических и религиозных преступлений носят весьма субъективный характер. Например, в дореволюционной России такие преступления можно

назвать героическим поступком, совершаемым для народного блага. Сложнее было с уголовными преступлениями. Однако и здесь автор брошюры ссылаясь на революционную необходимость: «... Действительно ли здесь существует такая резкая грань, и не являются ли многие уголовные преступления как бы протестом против несправедливого общественного строя, и, во всяком случае, не являются ли они в значительном числе случаев естественным порождением и результатом этого несправедливого общественного строя» [1, с. 2].

Затем следовала мысль, что перед любым преступником виновно само общество, заключавшее правонарушителя в тюрьму. По мнению К.Н. Вентцеля, сама буржуазия с правом частной собственности и социальным неравенством виновна в уголовных преступлениях, совершаемых людьми, не имевшими от рождения никакой частной собственности [6, с. 357]. Если вдуматься глубже, то любое преступление представляет, по мнению автора брошюры, итог антисоциальной и антикультурной среды воспитания будущего преступника.

После чего К.Н. Вентцель говорит о несправедливости социального института суда над преступником: «... Суд над преступником должен быть заменен судом над обществом» [1, с. 5]. Сама юридическая процедура суда нужна для выяснения ошибок в воспитании преступника, допущенных обществом.

Получается, что старая тюрьма подавляет и ломает преступника и абсолютно негодна для общественных целей перевоспитания в свободной России. Отсюда, вместо тюрем надо ввести Дворцы Просвещения для образования и социальной коррекции оступившегося индивидуума.

В защиту своей оригинальной точки зрения К.Н. Вентцель приводит слова знаменитого теоретика анархизма П.А. Кропоткина: «... Сожжем гильотины, разрушим тюрьмы, прогоним судей, полицейских доносчиков – все это гнусное отродье! Будем обращаться, как с братьями, с теми, которых страсти довели до преступления. Лишим всех крупных преступников, – эти отвратительные продукты буржуазной праздности, – возможности выставить напоказ свои пороки под соблазнительными формами. И тогда в нашем обществе не будет преступлений!» [4, с. 125].

К.Н. Вентцель выносит дореволюционной тюрьме однозначный приговор: «... Тюрьма есть пережиток старого несвободного и несправедливого строя... Тюрьма, для кого бы она ни предназначалась, должна быть уничтожена... И пока существует в государстве хотя бы одна тюрьма, это государство не может быть свободным, хотя бы оно и называлось демократической республикой...» [1, с. 6].

Конечно, несмотря на, упоение свободой февральской революции 1917 г., проект К.Н. Вентцеля считался у современников просто утопическим. Однако теоретик свободного воспитания решил не сдаваться на милость своих оппонентов и тщательно подготовился к последующей дискуссии [7, с. 55].

В свою брошюру К.Н. Вентцель включил раздел, датированный 8 сентября 1917 г., под названием «Моим друзьям», посвященный ответу на критику его прогрессивных идей. Что же педагог новаторских воззрений ответил скептикам по поводу уничтожения тюрем: «... Во избежание, поэтому всяких недоразумений я должен заметить, что в статье своей я не призываю к немедленному уничтожению всех тюрем, я говорю об уничтожении тюрем, как о планомерном общественном акте, последовательно продуманном и осуществленном, я говорю об уничтожении тюрем, как о законе, имеющем быть санкционированным будущим Учредительным Собранием» [1, с. 7]. Все-таки К.Н. Вентцель признавал необходимые юридические процедуры. Однако он все равно писал: «... И современный суд, и тюремное заключение – все это только мнимые способы, которыми будто бы охраняются и поддерживаются права человека и общества; все это только способы, при помощи которых отвлекается внимание от тех настоящих и действительных способов, которыми они должны были бы поддерживаться» [1, с. 8].

Интересно, как же отнеслось Временное правительство к идеям прогрессивного педагога. Помимо политической амнистии, приведшей к освобождению внушительного количества уголовников, Временное правительство решило удалить в отставку тюремные кадры дореволюционной России и начать подготовку собственных [2, с. 90]. В то же время организацию и внутренний режим исправительных заведений оставили без революционных изменений, сославшись, как и во многих делах, на необходимость решения данного сложного вопроса будущим Учредительным Собранием.

И все же идея более прогрессивной тюрьмы, не похожей на исправительные учреждения царской России, получила импульс для существования уже при большевиках.

Куда интересней сложилась судьба предложения К.Н. Вентцеля о постепенной реорганизации тюрем в Дворцы Просвещения с последующей грамотной социальной коррекцией оступившейся личности. Данная идея глубоко укоренилась в советской исправительной системе на протяжении 20-х гг. XX в. Надо сказать, что перед нами уже были реальные административные меры, а не утопические мечты теоретика свободного воспитания. Причем подобные идеи вызвали самый живой отклик и у тюремной администрации и у заключенных. Кстати, К.Н. Вентцель сам предсказал время осуществления своего фантастического проекта: «... Когда одна нация, не переставая, совершая над другой неисчислимые преступления, то что значит какое-нибудь преступление единичных личностей внутри этой нации по отношению к другим? Вот на это то человечеству и надо было обратить внимание, и тогда не пришлось бы бояться такой справедливой и гуманной меры, как уничтожение тюрем...» [1, с. 8]. Получается, что сначала необходимо разрешить все проблемы мировой внешней политики, а затем ликвидировать тюрьмы.

Источники и литература

1. Вентцель К.Н. Уничтожение тюрем. М., 1917.
2. Детков М.Г. Тюрмы, лагеря и колонии России. М., 1999.
3. Коджаспирова Г. М. История образования и педагогической мысли: таблицы, схемы, опорные конспекты. М., 2003.
4. Кропоткин П. А. Речи бунтовщика: (Paroles d'un révolté). СПб., 1906.
5. Ливенцев Д.В. Проект уничтожения тюрем во время Февральской буржуазной революции 1917 г. // История государства и права. 2016. № 11.
6. Ливенцев Д.В. Теория отмены тюрем 1917 г.: утопия и реальность // Право и власть: основные модели взаимодействия в многополярном мире: Сборник трудов международной научной конференции. Воронеж, 2017.
7. Ливенцев Д.В. «... Тюрма, для кого бы ни предназначалась, должна быть уничтожена» // Твой Товарищ. 2016. № 17.

*Гуринов С.Л.,
доц. Воронежского государственного
аграрного университета имени
императора Петра I,
канд. ист. наук*

СИБИРСКАЯ ФЛОТИЛИЯ ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ 1917 г.

Перед тем как анализировать революционные события на Сибирской флотилии февраля – октября 1917 г., отметим, что крупные надводные силы были переведены с Дальнего Востока на действующие театры боевых действий. Отсюда, во Владивостоке остались моряки миноносцев, транспортов, посыльных судов и портовые рабочие.

После победы Февральской революции на Дальнем Востоке, как и во всей стране, начали создаваться Советы рабочих и солдатских депутатов. Во Владивостокский Совет вошли матросы от Сибирской флотилии. 7 июня 1917 г. был избран Центральный комитет флотилии, работавший на правах военной комиссии городского Совета. Члены комитета вели организаторскую и агитационную работу среди матросов и солдат, укрепляли в рядах моряков дисциплину [1, с. 76]. Усиливались в течение весны – лета 1917 г. и большевистские организации на Сибирской флотилии (руководители М.И. Губельман и М.П. Никифоров). Весьма интересно, что лидеры большевиков приступили к политической деятельности сразу же после возвращения из эмиграции. Особенно выделялись политической активностью большевистские ячейки на миноносцах «Твердый», «Лейтенант Малеев» и «Бравый». Не отставали от них и моряки Сибирского флотского экипажа [3, д. 4, л. 1].

Надо сказать, что Сибирская флотилия и портовые мастерские Владивостока достаточно быстро перешли на политическую программу

большевистской партии. Подобному положению вещей во многом способствовало комплектование портовых мастерских отставными матросами Сибирской флотилии [1, с. 76].

Открыто против Временного правительства выступила команда вспомогательного крейсера «Печенга», находившегося в Гонконге. Здесь группу революционных моряков возглавляли унтер-офицер Свиньин и машинист Н.Д. Крюков. Матросы выразили недоверие командиру и всем офицерам. Опасаясь, что конфликт приведет к нежелательному вооруженному столкновению, Центральный комитет Сибирской флотилии 3 мая 1917 г. направил в Гонконг делегацию из трех человек с заданием успокоить команду «Печенги» и вернуть корабль в бухту Золотой Рог. В тот же день на корабль прибыли представители различных политических партий. На состоявшемся митинге матросы поддержали большевистские лозунги и приняли резолюцию в духе ленинских апрельских тезисов. Тогда командующий Сибирской флотилией капитан 2-го ранга Гнида приказал немедленно убрать с крейсера «крайне левых». В течение недели с корабля было списано около 200 человек. Однако вскоре задержанные были освобождены, и судовой комитет продолжил свою деятельность [1, с. 77].

Затем для усиления своего влияния на унтер-офицеров и матросов Сибирской флотилии большевики стали выпускать флотскую газету. Новый печатный орган получил название «Красное знамя» и активно распространялся на всех кораблях флотилии [3, д. 4, л. 2].

Весть о победе Октябрьского восстания моряки-тихоокеанцы приняли с огромным энтузиазмом. Во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, Петропавловске-Камчатском – всюду на массовых собраниях рабочих, матросов и солдат выносились резолюции о переходе всей власти Советам [2, д. 482, л. 7]. 9 ноября состоялось общее собрание рабочих Владивостокского военного порта и матросов Сибирского флотского экипажа. На нем моряки приветствовали Октябрьскую революцию и выразили готовность поддержать большевиков в Петрограде. Общее собрание приняло решение о создании вооруженных отрядов из рабочих для защиты молодой власти пролетариата [1, с. 78].

Таким образом, несмотря на резолюцию о формировании военизированных рабочих подразделений, на Сибирской флотилии февраль и октябрь 1917 г. прошли для дальневосточных моряков в мирной обстановке. В тоже время отдельные инциденты с командованием Сибирской флотилии, придерживавшемся монархических взглядов, разрешались путем компромисса и договоренностей.

Источники и литература

1. Краснознаменный Тихоокеанский флот. М., 1981.
2. Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (далее - РГА ВМФ). Ф. 1122. Штаб командующего Сибирской флотилией. (1908-1917). Оп. 1.
3. РГА ВМФ. Ф. 2112. Оп. 1.

Раков В.В.,
заместитель директора
ОКУ «Госархив Курской области»,
канд. ист. наук

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК КОМПЛЕКС ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 – НАЧАЛЕ 1918 гг.

Любые попытки переосмысления событий столетней давности неизбежно столкнутся с проблемой, от качества решения которой напрямую зависит современное понимание определяющего события XX века – революционного потрясения России в 1917 г. Это проблема исторических источников.

Редкое историческое исследование нового и новейшего времени, особенно общественно-политической, социально-экономической и культурной тематики (прежде всего регионального или локального характера) обходится без обращения к материалам периодики.

Особая ценность газет заключается в наличии разнообразного тематического и жанрового материала, важного как с точки зрения фактологической практики, так и для воссоздания «духа» эпохи, передачи колорита времени.

В силу ряда обстоятельств, газетная периодика отдельных периодов приобретает особую значимость. Дело не только в том, что источниковая база за эти годы бывает достаточно скудна или в значительной степени утрачена, но и в многообразии происходивших событий, их разноплановости и разновеликости, что не позволяло полноценно фиксировать исторические факты в официальных документах, составляющих большинство архивных источников, особенно когда речь идёт не о «кабинетных», а «уличных событиях». Всё вышесказанное в полной мере относится к российским газетам периода 1917 г. в целом, и курской прессе – в частности.

Местные газеты 1917 г. различной политической направленности не стали полноценным источником для исследований курской проблематики. Исследователи могут возразить: собственно газет-то за этот период сохранилось мало, да и материалы в них носят вторичный характер, ведь основной источник – архивные документы. Как же обстоят дела на самом деле?

С точки зрения позитивизма исторический факт должен быть подтвержден источником, предпочтительно документальным. Но это невозможно. Жизнь значительно богаче документов. В этом отношении газета может стать тем хрупким, порой единственным инструментом исторической реконструкции.

Собственный опыт работы с газетами позволяет утверждать, что в них содержится значительный массив документов и материалов историко-правового характера, часть которых не отложилась в архивных фондах или доступ к ним ограничен в силу их местонахождения.

Степень освоения темы напрямую сопряжена с определением потенциала исследования – выявлением и составлением репертуара курских газет за 1917 г. На настоящий момент нами выявлено 30 курских периодических изданий 1917 г., в том числе три журнала. 18 газет выходило в губернском центре, 9 – в уездах. В уездном центре (Тим) издавался также один журнал. Периодические издания хранятся в 7 библиотеках, в том числе одной зарубежной (Славянская библиотека в Праге, Чехия). Больше всего курских периодических изданий 1917 г. имеется в фонде Российской национальной библиотеке (ранее – Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) в Санкт-Петербурге – 27; 14 – в Российской государственной библиотеке (Москва); 7 – в Государственной публичной исторической библиотеке (Москва). В библиотеке Государственного архива Курской области имеется 8 наименований периодических изданий 1917 г., т.е. 26,7% от общего числа.

Политические и другие события, сопутствовавшие Октябрю 1917 г., обусловили нестабильность и хаотичность издания периодической литературы. Невозможно было организовать планомерное и целенаправленное собирание особенно местных. Поэтому ни в одной, даже самой крупной библиотеке нет полного комплекта всех изданий, а в различных фондах хранятся отдельные неполные комплекты газет и разрозненные номера. Но в связи с этим обстоятельством они как раз приобретают особую ценность.

В наиболее полном виде сохранились комплекты следующих газет: «Известия Курского губернского комиссариата при Революционном Совете (Губернские ведомости)» [1], «Известия Курского Совета рабочих и солдатских депутатов» [2], «Курская быль» [3], «Курская жизнь» [4], «Рыльский листок» [5], «Свободная речь» [6]. Некоторые издания насчитывают лишь по одному комплекту сохранившихся экземпляров: «Еженедельные известия Суджанского исполнительного комитета» [7], «Известия Исполнительного комитета Курской городской думы» [8], «Известия Путивльского Совета рабочих и солдатских депутатов» [9], «Суджанская жизнь» [10], «Тёткинский вестник» [11], «Щигровская жизнь» [12], журнал «Проблески» [13]. Ряд изданий представлены только одним газетным номером: «Вестник Курского земства» [14], «Известия Курского отдела Всероссийского союза земельных собственников» [15], «Тёткинский вестник» [11].

Учеными используются различные классификации исторических источников. В советском источниковедении в процессе выработки классификации письменных источников утвердилось их деление на виды – множества, характеризующиеся сходством внутренней формы, единством

происхождения, содержания и назначения. Периодическая печать считается видом письменных источников, наряду с законодательством, делопроизводственными документами, источниками личного происхождения, политико-публицистическими произведениями, литературными памятниками и научными трудами, изобразительными материалами.

Вместе с тем бесспорен факт, что информационное наполнение (контент) периодических изданий составляют практически все виды исторических источников: законодательство (официальная публикация законов и нормативных актов), делопроизводственные документы (прежде всего в ведомственных изданиях и многотиражных газетах), источники личного происхождения (письма, дневники, объявления и др.), политико-публицистические произведения (тексты выступлений на митингах, собраниях, съездах и т.п.), литературные памятники и научные труды, изобразительные материалы (таблицы, графики, диаграммы, рисунки, карикатуры, фотографии).

Газета, кроме того, что в своих информационных и журналистских материалах давала разноплановый фактический материал по многим направлениям жизнедеятельности Курской губернии в 1917 г., размещала на своих страницах документальные источники, источники личного происхождения, более нигде не опубликованные. Многие документальные источники, обнародованные на страницах курских газет, не отложились в архивных фондах и коллекциях.

В официальной части газеты публиковались такие документы как воззвания, обращения и др. Так, например, «Известия Исполнительного комитета Курской городской думы» поместили первые документы, принятые новыми органами власти – Временным исполнительным комитетом Курской городской Думы в марте 1917 г.

В газетах были помещены полные тексты таких нормативно-правовых документов как «Проект устава Военного Республиканского Союза» [2], «Положение о выборах Совета солдатских депутатов Курской губернии» [2], а также различные материалы правоприменительной практики.

Для исследователей не только в области военной и гражданской истории, но и для тех, кто занимается биографистикой, просопографией чрезвычайно важны материалы, помещенные в таких обширных разделах как: «Именные списки убитых, раненых и без вести попавших солдат по Курской губернии» [1], «Списки лиц, избранных в гласные городских дум на срок по 1 января 1919 г. и кандидатов к ним» [1] и т.п.

Особо отметим аналитические материалы и репортажи, размещенные в газетах: «По земельному вопросу», «Без руля и без ветрил», «Итоги диктатуры пролетариата», «Без веры» [6], «Итоги анкеты об аграрном движении в Курской губернии» [4] и т.п.

Важнейшим нарративным источником является интервью и анкетирование. Сотрудники редакций широко используют эту форму:

«Дорогой хлеб» [6], «Накануне забастовки» (беседа с Председателем Главного железнодорожного комитета М.К.В.ж.д. И.В. Курдюковым) [6], «Тариф на электричество (беседа с замещающим место городского головы В.В. Павловым) [6] и др.

На страницах газеты достаточно разнообразно представлен и такой вид исторических источников как документы личного происхождения: письма, отрывки из дневников, мемуары.

В неофициальных отделах газет (они зачастую по объёму превышали официальный) приводились телеграммы и радиogramмы российских и иностранных телеграфных агентств, и радио, печаталась хроника событий и происшествий в стране и мире, официальные и частные объявления.

Повседневная жизнь Курской губернии находила отражение в рубриках «Зигзаги» [6]: о базарах и магазинах, о санитарном состоянии городов, о столовых, кафе и ресторанах, о нравах. Такого рода информация практически не содержится в архивных документах, поэтому представляет особый интерес для историка. В газетах широко освещалась жизнь в городе и уездах: разделы «В Курске» [2], «По губернии» [2], «Курская жизнь» [6], «Местная жизнь» [4].

Нашла отражение на страницах газет и культурная жизнь губернии. Так, например, в рубрике, озаглавленной «Театр и музыка» [6], помещалась информация и концертах, спектаклях, о гастролях артистов и т.п. Особый интерес представляют многочисленные информационные и рекламные материалы о массовых мероприятиях и зрелищах.

Справочный отдел включал в свой состав информацию научно-вспомогательного характера: расписания поездов, списки недоставленных депеш, адреса размещения и порядок приёма граждан различными службами, некрологи, разнообразную рекламу.

Страницы периодических изданий не чужды и такому жанру как беллетризованный и аналитический фельетон. В «Свободной жизни» в рубрике «Маленький фельетон» содержались материалы политического («Сильнейшая угроза», «Большевичка», «Хамелеон») и остросоциального характера («Культурное неудобство», «Земля обетованная»). Рубрика «Маленький фельетон» имела и в эсеровской газете «Курская жизнь» [4].

Итак, подведём общие итоги. Мы разделяем точку зрения той части источниковедов, которые полагают, что публикация источника не меняет его видовую природу. Но если публикация источника не ведет к утрате им существенных видовых признаков, то исчезают основания для выделения периодической печати в особый вид письменных источников. По нашему мнению, периодическая печать — это одновременно место и способ публикации источников, ее отличают периодичность и единый подход редакции к делу их обнародования. Газета является не комплексным источником, а представляет собой комплекс источников.

«Источниковой» единицей в этом случае должна выступать каждая отдельная публикация, а не издание в целом (газета, журнал), что позволит

определить все многообразие опубликованных в прессе материалов и специфику каждого из них. В работе с периодикой следует придерживаться устоявшейся видовой классификации источников, учитывая ряд особенностей, связанных с их публикацией. Такой подход позволяет глубже анализировать круг источников, которые историки извлекают из газет и журналов, задает совершенно другие параметры источниковедческой критики.

Последовательное проведение видового принципа классификации письменных исторических источников позволяет включить периодику в единую систему наряду с источниками, извлеченными из архивов и непериодических изданий.

Причем многообразные и разноплановые повествовательные источники, используемые исследователями, но ранее остававшиеся за рамками источниковедческих работ, на этот раз получают в них свое законное место. Естественно, тот факт, что периодическая печать перестает рассматриваться в качестве особого вида исторического источника, не означает отказа от ее изучения как исторического, так и источниковедческого объекта.

Источники и литература

1. Известия Курского губернского комиссариата при Революционном Совете (Губернские ведомости). Курск, 1917. (30 дек.). Продолж. загл.: № 1 (3 янв.) – 68 (17 июня) Курские губернские ведомости; № 1 (20 июня) – 21 (5 авг.) Известия исполнительного комитета Курского губернского Народного Совета и Курского губернского комиссариата; № 22 (8 авг.) – 70 (2 дек.) Известия Курского губернского комиссариата и Исполнительного комитета Курского губернского Народного Совета; № 71 (5 дек.) – 72 (7 дек.) Известия Курского губернского комиссариата.

2. Известия Курского Совета рабочих и солдатских депутатов. Курск, 1917 (1 (14) июня – ... дек.). Прилож. Изд. взамен «Курской военной газеты». Ред.: № 71 (25 авг. / 7 сент.). (?). И. Аронин; № 74 (29 авг. / 11 сент.). (?) – 119 (27 окт. / 9 нояб.). (?). И. Боровецкий.

3. Курская быль: Ежеднев. газ. Ред. В.Н. Якушев. Курск, 1917. Изд. с 12 октября 1906.

4. Курская жизнь: Орган левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Под ред. Праведникова [и др.]. Курск, 1917. Загл.: №1 (8 марта) – 92 (2 июля) «Курский край». Подзаг.: № 1 (8 марта) – 64 (20 мая) Ежедн. газ.; № 65 (30 мая) – 92 (2 июля) Соц. ежеднев. газ.; № 1 (4июля) – 128 (10 дек.) Орган Кур. ком. партии социалистов-революционеров. Ред.: № 1 (8 марта) – 92 (2 июля) ред. – изд. М.Е. Ливанов.

5. Рыльский листок. Ред. Н. Малышев, Е. Глебов. Изд. Л.Н. Яковлева. Рыльск, 1917. Ред.: № 1 (2/15 июня) – 10 (3/16 июля) Н. Малышев, Е. Глебов; № 11 (7/20 июля) – 26 (28 авг. /10 сент.) М. Хвостник, Е. Глебов.

6. Свободная речь: Ежедн. демокр. газ. / Ред. А.И. Романов. Курск, 1917, 8 июля – 31 дек. Издатель: Товарищество «Свободная речь». Типография издательства Т-ва «Свободная речь», Курск, Херсонская ул., д. № 35. Ред.: № 1 (8 июля) – 44 (29 авг.) А.А. Петров; № 45 (1 сент.) – 85 (22окт.) С.С. Свешников; № 86 (24 окт.) – № 132 (21 дек.) А.И. Романов.

7. Еженедельные известия Суджанского исполнительного комитета. Суджа (Курс. губ.), 1917. Загл.: 1917 № 9 Суджанская жизнь.
8. Известия Исполнительного комитета Курской городской думы. Курск, 1917.
9. Известия Путивльского Совета рабочих и солдатских депутатов. Путивль. 1917.
10. Суджанская жизнь: Судж. исп. комитет. Суджа, 1917. (...). Загл.: № 1 (1 мая) – 8 (9 июля) Ежедневные известия Суджанского исполнительного комитета.
11. Тёткинский вестник. Ред.-изд. И.И. Гребенюк. с. Тёткино Курской губернии, 1917.
12. Щигровская жизнь: Маленькая мест. свободомыслящая газетка. Ред. – изд. Ф.Ф. Лукавецкий. Щигры, 1917.
13. Проблески: Журнал молодых писателей. Изд. лит. кружка. Ред. Н. Пузанов. – Тим, 1917 (25 апр. – ...). Подзаг.: № 1 (25 апр.) – 2/3 (15 июня) Изд. лит. кружка.
14. Вестник Курского земства: Еженед. прил. к газ. «Курская быль». Ред. В.Г. Пушкарёв. Курск, 1917. (...). Изд. с 26 февр. 1907.
15. Известия Курского отдела Всероссийского союза земельных собственников. Курск, 1917.

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

Абросимова Л.В.,

*главный архивист отдела публикации документов
ГКУ «Центральный архив Нижегородской области»*

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1917 г.: РЕАКЦИЯ СВЯЩЕННОНАЧАЛИЯ, ДУХОВЕНСТВА И ПРИХОЖАН НА СОБЫТИЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ (ПО ДОКУМЕНТАМ ГКУ ЦАНО)

1917 год для России был годом двух революций. Февральская революция уничтожила традиционный монархический строй и разрушила устои Российской империи. Октябрьская революция стала точкой отсчета создания принципиально нового государства. Церковь оказалась тем институтом государства, который не устраивал Временное правительство и отрицался большевистским правительством.

Путь, который прошла Нижегородская епархия в 1917 г. от февраля до октября, отражен в публикациях в «Нижегородском церковно-общественном вестнике» (СИФ) и в документах фонда Нижегородской духовной консистории (ф. 570). В краеведческой литературе это период мало освещен [40, с. 212, 407–408].

Официально Нижний Новгород известили о событиях в столице телеграммы председателя Государственной думы М.В. Родзянко, полученные ранним утром 1 марта. Городской голова Д.Н. Сироткин огласил их на чрезвычайном ночном заседании городской думы, которая вынесла постановление о признании Нижним Новгородом новой власти. Решение это было обнародовано на площади, переполненной многотысячной толпой, под дружное ура [39, д. 478, л. 4].

2 марта в газете «Нижегородские губернские ведомости» было опубликовано отречение императора Николая II от престола [14, л. 1].

Первым перед духовенством епархии встал вопрос о поминовении за богослужением государя и его семейства (Синод еще не сообщил своего мнения). Чтобы решить этот вопрос, а также определить свое отношение к новому государственному строю, нижегородское духовенство собралось 3 марта под председательством викарного архиерея, епископа Балахнинского, Лаврентия (Князева) (правлящий архиерей, архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иоаким (Левицкий), отбыл в столицу на заседание Синода). Епископ Лаврентий заявил, что считает своим долгом молиться, как и прежде за государя, «пока с него эта присяга не будет снята высшею церковною властью». Однако голосование показало, что большинство – за исключение поминовения из богослужебных текстов. Как

иронично заметил протоиерей Н.С. Спасский, все городские пастыри уже нарушили свою присягу на верность императору, потому что не выразили протеста, когда городской голова заявил, что Нижний Новгород признает новую власть. Собрание составило акт о признании духовенством города правительства М.В. Родзянко и избрало комиссию для изменения текста богослужения [19, ст. 180].

За городским духовенством следовало уездное. 3 марта духовенство Васильского уезда подало уездному комиссару заявление «о присоединении к общему народному движению» со словами: «Святая, многострадальная Русь стала на правильный путь равенства, братства и свободы» [19, ст. 181].

Отмечаемые со стороны прихожан протесты носили единичный характер. [15, ст. 110, 111]. Тем не менее из уездов стали поступать сведения о преследовании священников под предлогом их нелояльности новой власти [5; 6; 8; 12].

Следующее собрание городского духовенства состоялось 12 марта, после опубликования обращения Святейшего Синода к чадам Православной церкви о признании Временного правительства. На собрании присутствовал товарищ городского головы З.М. Таланцев. Через него губернскому комиссару Временного правительства была переданы просьбы принять меры к «прекращению арестов священников за их неприязненное отношение к новому государственному строю» и прекратить снимать государственный герб в казенных учреждениях, «ибо он есть символ российской державы, которая пока еще не пала, на страх врагам». При этом собрание запретило духовенству защищать авторитетом церкви какие бы то ни было партийные политические программы и постановило вынести из храмов все эмблемы и хоругви, имеющие политическое значение (т.е. принадлежавшие Союзу русского народа) [17, ст. 139-142].

На 15 марта городскими властями было назначено чествование павших за свободу, и перед собранием встал вопрос: как молиться за убитых революционеров? «И как можно забыть убитых защитников прежнего государственного строя, по совести исполнивших долг присяги?». Преосвященный Лаврентий посоветовал молиться словами: «в междоусобной брани убиенных» [17, ст. 143].

Собрание городского духовенства избрало исполнительный орган – Комитет объединения духовенства, состоящий из 2 священников, 6 диаконов и 2 псаломщиков, под председательством священника В.С. Гагинского [19, ст. 178-179].

Данный комитет неожиданно проявил инициативу в определении благонадежности епархиального руководства. Несмотря на то, что обращение Святейшего Синода к чадам Православной церкви о признании Временного правительства подписал и «смиранный Иоаким, архиепископ Нижегородский» [16, ст. 127], Комитет объединения духовенства не рекомендовал упоминать его имя как имя архипастыря при богослужениях. В вину архиепископу Иоакиму ставились связь с жандармским управлением

и с Союзом русских людей. Комитет опубликовал в печати эти обвинения и послал телеграмму в Синод. После чего 18 марта 1917 г. Нижегородский губернский исполнительный комитет ходатайствовал перед обер-прокурором Синода В.Н. Львовым об удалении архиепископа Иоакима на покой ввиду его черносотенных убеждений [18, ст. 158–159; 35, л. 7-7 об.].

Архиепископ Иоаким прибыл 23 марта на следующее собрание городского духовенства, желая оправдаться. Собрание приняло объяснения архипастыря и осудило деятельность Комитета объединения духовенства. Члены Комитета возражали, что нельзя откладывать вопрос о правящем архиерее: по городу гуляла карикатура на архиепископа, прихожане некоторых церквей бойкотировали причты за его поминовение во время богослужений. Дискуссия на собрании носила «революционный» характер: диаконы и псаломщики встречали шумом и криком речи противников комитета, выступления епископа Лаврентия постоянно прерывали выкриками [10, л. 9; 18, ст. 160;].

Собрание обратило внимание, что преобладание в составе комитета диаконов и псаломщиков привело не к единению, а разъединению духовенства. Выступления низших членов клира против священников начались вскоре после февральского переворота, и жалобы на них поступали в консисторию весь 1917 г. [3; 7; 10; 18, ст. 158]

Следующее собрание (28 марта) состоялось уже под председательством архиепископа Иоакима и было названо пастырским. Собрание приняло решение о полном подчинении епархии Временному правительству «во всех его мероприятиях по укреплению новых начал жизни в государстве и к обороне Родины от внешнего врага», о чем в столицу была послана телеграмма. Епархия стала участвовать в сборе денег для внутреннего займа Временного правительства под названием «Заем свободы» [29, ст. 186-187; 21, ст. 139].

12 апреля в г. Ардатове состоялся съезд духовенства и мирян, который присоединился к решениям городского собрания: взял на себя обязательство поддерживать Временное правительство и популяризовать заем свободы [21, ст. 141-142.].

Архиепископ Иоаким попытался взять под контроль Комитет объединения духовенства. В равное положение должны были поставить священников, диаконов и псаломщиков их выборы. Был учрежден совет пресвитеров епархии под председательством викарного епископа, решения которого утверждал правящий архиерей. Члены комитета объединения духовенства по указанию архиепископа Иоакима от 6 апреля должны были войти в состав епархиального пресвитерского совета. В совет пригласили и представителей единоверческих церквей [16, ст. 200; 19, ст. 186-187].

Еще одно важное решение собрания под председательством архиепископа Иоакима – намечен срок созыва Чрезвычайного общепархиального съезда духовенства (27 апреля, затем перенесен на 15 мая) [19, ст. 179].

По свидетельству благочинных, промедление с созывом съезда было чрезвычайно опасно: положение священников в приходах крайне неопределенное, церковно-приходская жизнь «разлагается» [12, л. 1].

Для выработки программы предстоящего съезда учреждались районные комитеты. Делегатами от каждого благочиннического округа тайным голосованием определялись священник, диакон, псаломщик и 3 представителя мирян. Были выработаны куриальные принципы избрания: миряне избирают мирян, низшие клирики – диаконов и псаломщиков, священники – священников [20, ст. 181].

При этом Комитет объединения духовенства «братски предостерегал» сельское духовенство через «Нижегородский церковно-общественный вестник» «от придания вопросу о земле кардинального значения» при проработке вопросов к съезду, т. к. здесь «духовенство могло бы расходиться с настроением народных масс» [19, ст. 180]. Духовенство на своих уездных съездах обещало «забыть об узкопрофессиональных интересах и объединиться с народом» [21, ст. 141].

По свидетельству сельского священства, в деревне возобладали антицерковные силы – возвратившиеся со службы солдаты, которые «внесли много беспорядков и неправды», и появившиеся волостные комитеты, которые опирались на уголовников, дезертиров и «хулиганов». При попустительстве уездных комиссаров Временного правительства крестьяне безнаказанно отбирали монастырскую, церковную, а часто и личную собственность духовенства. Положенное на содержание причта собирали с трудом. На губернском собрании уездных комиссаров был провозглашен лозунг борьбы с черносотенным духовенством (под черносотенным понималось все духовенство). Благочинные жаловались: «Появилось под влиянием дней свободы мнение, будто пастырь церковный должен быть только поносим» [2, л. 6; 4, л. 1, 9, 85; 9; 11, л. 4; 13, л. 2, 3; 21, ст. 159; 33].

В этих условиях Комитет объединения духовенства не оставлял усилий убрать архиепископа Иоакима с кафедры, организовав депутации от мирян и от духовенства, ходатайствующие об удалении его на покой. В светской печати (газеты «Волгарь» и «Нижегородский листок») по адресу архиепископа и членов пресвитерского совета публиковались анонимные пасквилы. 2 мая Комитет созвал собрание, на котором было принято решение «отменить принадлежащее епископу право административного воздействия на членов клира» [20, ст. 198; 21, ст. 140-142].

Пастырское собрание (19 апреля), объединившее городских и сельских священников, под председательством епископа Лаврентия, пришло к выводу, что «усматривается планомерная, кем-то руководимая работа к тому, чтобы... подорвать церковные авторитеты в глазах верующих...» [20, ст. 198-199, 200].

Архиепископ Иоаким снова уехал в столицу, и вернуться ему препятствовали угрозы арестом со стороны Совета крестьянских депутатов

губернии и «эксцессами населения» со стороны Нижегородского губернского исполнительного комитета [38, л. 26, 28 об., 29; 1, л. 24-24 об.].

Нижгубисполком со своей стороны вмешивался в дела епархии: контролировал деятельность консистории, настаивал на проведении выборов на епархиальный съезд на совместном собрании духовенства и мирян, а не по куриям, как было определено ранее (таким образом псаломщики, объединившись с диаконами и с мирянами, могли иметь подавляющее большинство голосов) и предписывал епископу Лаврентию строго держаться постановлений Комитета объединения духовенства (который стал претендовать на епархиальную газету «Нижегородский церковно-общественный вестник» и создавал в уездах свои ячейки) [21, ст.138, 141-142; 24, с. 2-7; 8].

В условиях разрушения иерархии и давления светской власти епископ Лаврентий создал Спасопреображенское «братство возрождения церковно-общественной жизни», призванное объединить клир и мирян вокруг Церкви под лозунгом «вера православная – общий долг, а политика – дело частное». Совет братства выражал Нижегородскому губисполкому свой протест против стеснения свободы церкви [21, ст. 138].

Общепархиальный съезд духовенства, торжественно открытый 15мая в здании епархиального женского училища в присутствии более 300 участников, курировался Комитетом объединения духовенства. Съезд послал приветствия Петроградскому совету депутатов и Нижегородским советам и просил Синод об удалении епископа Иоакима с кафедры. Данный съезд интересен первым участием женщин (народных учительниц) и присутствием старообрядцев. Это был звездный час Комитета, но после съезда его влияние сошло на нет [22, ст. 178-169].

Возмущение всей епархии вызвало популистское постановление съезда «о средствах и способах обеспечения духовенства». Фактически – об улучшении материального положения псаломщиков за счет священников (псаломщикам должна была отойти часть доходов священника). Однако было очевидно, что в условиях резкого обеднения клира это постановление, ухудшая положение священников, незначительно улучшает обеспечение псаломщиков.

Все уездные и благочиннические съезды, ранее поддерживавшие Комитет объединения духовенства, теперь заявляли свои протесты и требовали созыва нового общепархиального съезда [24, с. 3-16; 34, л. 2-3; 36, л. 128; 37, л. 133].

Он открылся 8 августа. Присутствовали 198 делегатов от всех благочиний. Съезд прошел под знаком предстоящего Всероссийского поместного собора: духовенство и миряне епархии избрали на собор пять представителей (двух священников – П.П. Политковского и А.Г. Альбицкого, трех мирян – В.Д. Демидова, А.М. Черноуцана и С.А. Лебедева) [25, ст. 320].

Болезненным для верующих стало решение Временного

правительства о передаче церковно-приходских школ Министерству народного просвещения. 1 октября по инициативе Спасопреображенского братства, в присутствии епископа Лаврентия состоялось собрание городских законоучителей и родителей учащихся, протестующих против отмены преподавания Закона Божия в школах. Протест был передан Собору [28, ст.408].

С февраля по август нижегородское духовенство исповедовало принцип политического нейтралитета. Епископ Лаврентий призывал духовенство епархии только к усилению молитв ко Господу «ввиду тяжелого переживаемого нами времени» [23, ст. 221]. Но в августе стало ясно, что «нужно самим браться за улучшение своего материального положения». Впервые в «Нижегородском церковно-общественном вестнике» была опубликована статья, призывающая на выборах в Учредительное собрание «избрать себе партию по сердцу» (автор указывал на кадетов (Партия народной свободы), которые обещали Церкви поддержку, а духовенству – казенное жалование) [26, ст. 330].

В октябре 1917 г. епархиальные власти решились на прямое участие в выборах. Передовица «Нижегородского церковно-общественного вестника» от 2 октября, подписанная «пастыри нижегородской епархии», взывала: «Отечество наше гибнет. ... Духовенство г. Нижнего Новгорода и православные миряне объединяются теперь для участия в выборах, избрав для себя знаменем слова «За Веру и Родину!». Поскольку «народная гуща» оставалась пассивной, неотложным делом для пастырей церкви и всех граждан страны объявлялось участие в выборах в Учредительное собрание. На это «великое делание» благословляло и послание Поместного собора [27, ст. 336; 28].

«Союз христианского единения за Веру и Родину» был создан по благословию епископа Лаврентия на базе Спасопреображенского братства. В «Нижегородском церковно-общественном вестнике» от 24 октября был опубликован список его кандидатов в Учредительное собрание, в который входили такие видные деятели, как Сергей Страгородский, будущий Патриарх, М.В. Алексеев, бывший Верховный Главнокомандующий, С.И. Булгаков, профессор Московского университета. Из нижегородцев – кафедральный протоиерей А.А. Порфирьев и священник В.И. Востоков. Список «За Веру и Родину!» собрал по Нижегородской губернии 50 тысяч голосов, что было третьим местом. [30, ст. 401; 29, ст. 423-425; 32, ст.515; 31, ст.477].

Но 25-26 октября 1917 г. Временное правительство было свергнуто большевиками. В Москве бои длились около недели, погибли более 250 человек. 26 ноября в кафедральном соборе Нижегородского кремля была отслужена панихида о всех погибших в братоубийственном междоусобии [30, ст. 497].

Когда надежды на Учредительное собрание не оправдались, в Нижегородском церковно-общественном вестнике был сделан вывод:

«Враги Отечества, называющие себя друзьями народа», лишили Россию последней надежды на законность власти, а верующих – последнего инструмента воздействия на власть [31, ст.491].

В декабре 1917 г. стал известен проект декрета большевиков об отделении церкви от государства. Спасопреображенское братство обратилось с воззванием к народу: «В настоящие дни величайшего Божьего испытания говение народное необходимо как умиловительная жертва за грехи нашей многострадальной Родины». В Нижнем Новгороде действительно пост и покаяние приняли народный характер (только в Крестовоздвиженский монастырь пришло с этой целью до 300 человек). Вновь появившиеся хоругвеносцы взялись за организацию всенародных молебнов. Верующие впервые за год отважились встать на защиту храмов и монастырей от распропагандированных односельчан [32, ст. 517, 518].

В начале 1918 г. в епархии возникло 6 новых союзов и братств, организованных православными мирянами и духовенством для решения жизненных задач в условиях атеистического государства [41, л. 25 об.].

Можно сделать вывод, что результатом Февральской революции была дезинтеграция епархиальной жизни, а откликом на Октябрьскую революцию в Нижегородской епархии стала консолидация духовенства и верующих вокруг епархиального священноначалия.

Источники и литература

1. Внеочередное заявление представителя Совета крестьянских депутатов о епископе Иоакиме. 19 апреля 1917 г.// Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1887. Нижегородский губернский исполнительный комитет Временного Правительства. Оп. 1.

2. Дело о незаконных поступках крестьян с. Ново-Ахматова Сергачского уезда, чинимых священнику Александру Конаревскому, соединенных с грабежом имущества последнего. Сентябрь- декабрь 1917 г. // ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

3. Дело о непочтении псаломщика с. Барских Полян Сергачского уезда Леонида Померанцева к своему настоятелю - священнику Ф. Золотницкому и о возмущении прихожан против священника. 11 апреля 1917 г.// ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

4. Дело о неуплате церковными старостами различных сел Нижегородской епархии сборов с церковью. 7 августа 1917г. // ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

5. Дело об агитации священника с. Понетаевка Арзамасского уезда Михаила Богоявленского и дьякона того же села Виталия Кудрявцева в пользу старого режима среди прихожан. 7 июня - 2 октября 1917 г.// ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

6. Дело об агитации священника с. Любимовщина Лукояновского уезда Т. Сухорукова в пользу старого режима. 26 июня–6 октября 1917 г. // ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

7. Дело по жалобе священника с. Какина Сергачского уезда Радаева на псаломщиков и дьяконов 3-го благочиния Сергачского уезда преосвященному епископу

Лаврентию. 11 сентября - 27 ноября 1917 г. // ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

8. Дело по прошению прихожан с. Гридина Нижегородского уезда епископу Лаврентию об удалении священника Красовского за враждебное отношение к Временному правительству. 17 мая 1917 г.// ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

9. Дело по рапортам настоятелей Арзамасских Новодевичьего Алексиевского и Николаевского монастырей о захвате крестьянами монастырских лугов и земли. 3 июня 1917 -16 июня 1917 г.//ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

10. Дознание по делу об увольнении за штат псаломщика Дроздова по постановлению Союза духовенства 2-го округа Балахнинского уезда. 9 октября 1917 г. - 9 апреля 1918 г. // ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

11. Доношение благочинного 29-й Пехотной запасной бригады в Нижегородскую духовную консисторию, от 31 июля 1917 г. о расследовании жалобы некоторых прихожан с. Шадрина Арзамасского уезда на священника А. Лебединского // ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

12. Доношение благочинного М. Лаврова епископу Лаврентию о расследовании по жалобе крестьян с. Елховки Нижегородского уезда на священника К. Карелина. 6 апреля 1917 г.// ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559.

13. Жалоба священника с. Дивеева Усада Лукояновского уезда А. Виноградова епископу Лаврентию на принуждение его частью сельского общества к отказу от пользования имуществом причта и от плат за требы. 19 апреля 1917 г.// ЦАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

14. Нижегородские губернские ведомости. 1917. № 5 (18).

15. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 7.

16. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 8.

17. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 9.

18. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 10.

19. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 11.

20. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 12.

21. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 14.

22. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 16.

23. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 18.

24. Нижегородский церковно-общественный вестник. Приложение. 1917. № 19.

25. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 23.

26. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 25.

27. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 28.

28. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 29.

29. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 30.

30. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 33.

31. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 34.

32. Нижегородский церковно-общественный вестник. 1917. № 35.

33. Письмо Нижегородской духовной консистории в канцелярию обер-прокурора Св. Синода о самовольном удалении прихожанами священника К. Каллистова из прихода и о других подобных случаях. 11 апреля 1917 г.// ГАНО. Ф. 570. Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии. Оп. 559.

34. Постановление комиссии Чрезвычайного епархиального съезда нижегородской губернии по епархиальному управлению. 17 мая 1917 г. //ЦАНО. Ф. 1016. Нижегородский губернский епархиальный совет. Оп. 2.

35. Постановление президиума Нижегородского исполнительного комитета о ходатайстве перед Обер-прокурором Святейшего Синода В.Н. Львовым об удалении архиепископа Нижегородского и Арзамасского Иоакима на покой. 18 марта 1917 г.// ЦАНО. Ф. 1887. Нижегородский губернский исполнительный комитет Временного Правительства. Оп. 1.

36. Постановление священнослужителей 1-го благочиннического округа Ардамовского уезда. // ЦАНО. Ф. 1016. Нижегородский губернский епархиальный совет. Оп. 2.

37. Постановление священнослужителей 3-го благочиннического округа Балахнинского уезда. 27 июня 1917 г. //ЦАНО. Ф. 1016. Нижегородский губернский епархиальный совет. Оп. 2.

38. Постановление соединенного президиума Нижегородского губернского исполнительного комитета о признании приезда в Нижегородскую губернию архиепископа Иоакима недопустимым. 19 апреля 1917 г.// ЦАНО. Ф. 1887. Нижегородский губернский исполнительный комитет Временного Правительства. Оп. 1.

39. Рукопись неизвестного автора о событиях Февральской революции в Нижнем Новгороде. б/д // ЦАНО. Ф. 2013. Коллекция Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Оп. 1.

40. Святители земли Нижегородской // Игумен Тихон (Затекин). О.В.Дегтева.-сост. Нижний Новгород, 2003.

41. Список союзов и братств Нижегородской епархии. 1918 г.// ЦАНО. Ф. Р-55. Отдел управления исполнительного комитета Нижегородского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Н.Новгород. Оп. 1.

*Базанов М.А.,
ведущий археограф*

*ГУ «Объединенный государственный архив Челябинской области»,
канд. ист. наук*

ДОКУМЕНТЫ ГУ ОГАЧО О ПЕРВОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (МАРТ-НОЯБРЬ 1917 г.) НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Челябинск был одним из городов, сыгравших значимую роль в событиях Революции и Гражданской войны. Именно здесь в 1918 г. начался мятеж чехословацкого корпуса. По иронии судьбы здесь же в 1919 г. прошла и одна из самых успешных наступательных операций РККА, приведшая в итоге к разгрому армии Колчака. Однако что – в самом городе и его округе – предшествовало этим событиям? В частности – что происходило на первом этапе Великой Российской революции, когда после падения монархии происходило становление и конкуренция новых органов власти, закончившаяся победой Советов? Отметим, что с учетом региональной специфики Южного Урала хронологические рамки этого процесса несколько отличаются от общероссийских: революционные

преобразования здесь начались после получения известия об аресте старого правительства в начале марта 1917 г. (по старому стилю), а завершился первый этап с ликвидацией «Челябинской продовольственной пробки» в конце ноября того же года. Какие материалы может предложить исследователям, избравшим этот хронологический отрезок, Объединенный государственный архив Челябинской области?

К сожалению бурные события Гражданской войны не лучшим образом отразились на сохранности документов. В архиве отсутствуют фонды отделений политических партий (за исключением РСДРП), отсутствует фонд первого Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов, Комитета общественной безопасности и его преемников (Коалиционного комитета народной власти, Комитета спасения революции). В фонде И-1 «Челябинская городская дума» отсутствуют протоколы заседаний за 1917 г. Тем более ценными являются дошедшие до нас документы, сохранившие свидетельства о том непростом времени.

В сложившейся ситуации самыми информативными источниками становятся материалы периодической печати из газетного фонда архива.

Наибольший интерес представляет челябинская газета «Союзная мысль». Первый ее номер появился в начале марта 1917 г., фактически одновременно с падением монархии. Со второй половины марта «Союзная мысль» превращается из еженедельной в ежедневную газету. Чрезвычайно политизированная, она обстоятельно освещала деятельность органов власти, помещая на своих страницах развернутые протоколы их собраний и совещаний, равно как и протоколы собраний социалистических партий, которым открыто симпатизировала. Важно подчеркнуть и тот факт, что «Союзная мысль» следила и за ситуацией в уезде, регулярно помещая на своих страницах рапорты о происходившем в сельской округе.

«Челябинский листок», издававшийся с 1914 г., выходил чаще – два раза в день. Однако в целом эта газета политическими событиями в городе интересовалась слабо, в основном отводя свои страницы под распоряжения Временного правительства, информацию с фронта и коммерческие объявления. Местная жизнь в основном присутствовала в ней лишь в качестве сообщений о мелких бытовых происшествиях.

С мая 1917 г. челябинские кадеты издавали газету «Народная свобода», однако в архиве сохранились лишь отдельные ее номера за октябрь-декабрь 1917 г. Основное внимание в них уделялось деятельности городской думы, публиковались распоряжения местных органов власти и агитационные материалы, связанные с ними аналитическим статью о происходившем в России в целом (напомним, в конце ноября 1917 г. проходили выборы в Учредительное собрание).

В числе источников из периодической печати стоит упомянуть и отпечатанный в челябинской типографии предвыборный номер газет «Народовластие», подготовленной партией эсеров. Номер не датирован, но, исходя из его содержания можно заключить, что появился он между

10 и 26 ноября 1917 г. Помимо популярного разъяснения программы партии, очерка об истории появления и символике красного знамени, сатирических стихотворений в газете помещался критический отзыв о деятельности местной продовольственной управы, материалы о кооперативном движении и работе Челябинского ссудо-сберегательного товарищества (также носившие критический характер).

Важным источником для изучения церковной истории является «Оренбургский церковно-общественный вестник», печатный орган Оренбургской епархии. Помимо официальных указаний и распоряжений в нем публиковались подробные протоколы викариатского съезда клира и мирян в г. Челябинске, устав Челябинского законоучительского братства, устав Союза пастырей Челябинского викариатства, протоколы Оренбургского губернского съезда духовенства и мирян. Помимо сведений о деятельности Русской православной церкви в газете уделялось внимание и иным конфессиям, в частности баптистам и униатам. В условиях крайне слабой сохранности документов местных учреждений РПЦ эта газета становится уникальным источником информации.

Второй и самый многочисленный источник сведений о революционных событиях на Южном Урале – воспоминания участников тех событий [1, д. 1-256; 9, д. 3-8, 53-66 и др.; 6, д. 322-371]. Увы, но эта группа источников не только многочисленна, но и наиболее трудна в использовании. И дело здесь не только в особенностях человеческой памяти, для которой характерно искажение фактов и событий, особенно с течением времени, но и в том, что основным «заказчиком», инициатором написания этих воспоминаний были институты советских органов власти. В силу этого данные источники чрезмерно насыщены официальными советскими идеологическими клише.

Третью группу источников составляют документы новых, образовавшихся после событий Февральской революции, органов власти: протоколы заседаний Русско-Теченского волостного Комитета общественной безопасности, Советов рабочих и солдатских депутатов Бакальского рудника и Саткинского завода [8, д. 1; 10, д. 1, 2]. Далекие от губернских и уездных центров, они в своей деятельности редко обращались к политическим событиям и процессам в России (хотя в целом их тексты и отражают постепенный подъем внимания местных жителей к политике), в основном занимаясь административно-хозяйственными вопросами. В связи с этим документы представляют интерес главным образом для характеристики бытовой стороны жизни населения. Любопытными представляются сведения о потреблении спиртного и борьбе с самогонварением, выяснение вопросов, связанных с частной собственностью на землю и лесные угодья, путях разрешения конфликтов с заводским начальством и внутри самой рабочей среды. В то же время малочисленность источников не позволяет делать широкие обобщения о повседневном быте городского и сельского населения.

Фактически те же характеристики свойственны и документам, отражающим деятельность профессиональных объединений (союзов, комитетов), появившихся в 1917 г. [7, д. 1-3; 2, д. 1; 11, д. 1]. Степень их политизации, впрочем, чуть выше – все они существовали в уездном центре, в большей степени «втянутом» в революционный процесс. Так, в протоколах собраний служащих Челябинского железнодорожного почтового отделения можно обнаружить случаи изгнания с работы бывших осведомителей жандармерии.

В фонде комиссии по истории партии сохранились протоколы заседаний Челябинской организации РСДРП(б), ее финансовая отчетность, а также аналогичные документы Вехнеуральской районной ячейки РСДРП(б) [6, д. 72, 77, 430, 431]. Безусловно, они, как и всякие иные источники о деятельности партии большевиков (отметим, что в Челябинске меньшевики откололись лишь в июне 1917 г., до того все они входили в единую партийную организацию) представляют большой интерес. В дошедших до нас протоколах фиксировались такие значимые события, как создание районных отделений партии, приобретение (совместно с Екатеринбургским отделением партии) типографии, организация Красной гвардии. Однако отметим, что протоколы заседаний Челябинской организации сохранились не в полном объеме. Так, отделение партии появилось уже 19 марта, в то время как самый ранний среди них датирован 8 мая. При этом каждый протокол составлялся на отдельном листе, их нумерации не производилось, вследствие чего невозможно установить степень сохранности этих документов. Финансовая документация партии позволяет выяснить не только заработную плату ее руководителей, определить круг заказываемой на книжных складах агитационной литературы, список и количество распространяемых газет.

Наименее информативными являются документы органов власти и государственных учреждений, возникших еще до Февральской революции и продолживших свое существование после нее, а также заводов и иных коммерческих предприятий. Подавляющее большинство из них представляют собой финансово-бухгалтерскую отчетность и ведомости на выдачу заработной платы. Так, например, в фонде И-3 «Челябинская городская управа» за 1917 г. сохранились лишь делопроизводственные документы, касающиеся вопросов, связанных с размещением и содержанием Челябинского гарнизона, материальным снабжением солдат и разрешением имущественных споров [3, д. 1222, 1255; 4, д. 10-17]. В качестве небольшого исключения из правил можно привести протоколы заседания педагогического совета Еткульского высшего начального четырехклассного училища, на которых обсуждались вопросы о правовом положении учеников и содержании учебных программ [12, д. 1].

Отдельные разрозненные источники были собраны уже упоминавшейся выше комиссией по истории партии. Помимо воспоминаний и протоколов заседания партии эсдеков там можно

обнаружить телеграммы, поступившие в начале марта 1917 г. в Челябинск от Временного комитета Государственной Думы, несколько листовок (в том числе и первое официально обращение к населению организованного в Челябинске Комитета общественной безопасности) [6, д. 115, 127, 129, 136].

Наконец, последнюю группу источников составляют фотоматериалы. Их мало: сохранились две фотографии демонстраций, прошедших в марте 1917 г., три фотографии заседания первого Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов, одна фотография железнодорожного комитета РСДРП г. Челябинска [5, д. 1, 4-7, 10].

Итак, подведем итоги. Комплекс сохранившихся источников о событиях первого этапа Великой Российской революции, находящихся на хранении Объединенного государственного архива Челябинской области, малочисленен, фрагментарен и, кроме того, в большинстве своем состоит из чрезвычайно тенденциозных документов (газетные публикации, воспоминания). Однако материалы периодической печати позволяют выстроить общую фактографическую канву происходивших событий, а документы отдельных лиц и организаций частично верифицировать изложенные в газетах факты и дополнить картину отдельными деталями. Полученная концептуальная модель будет содержать немало «белых пятен», однако даст представление о наиболее значимых событиях в жизни города. С учетом того, что большая часть архивных материалов ОГАЧО уже давно была введена местными исследователями в оборот, нам видятся лишь два пути для дальнейшего совершенствования полученной картины: во-первых, обращение к фондам центральных российских архивов для поиска нового материала; во-вторых, применение к уже известным источникам нового методологического инструментария.

Источники и литература

1. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. К-288. Коллекция документов по истории Челябинской областной партийной организации. Оп. 2.
2. ОГАЧО. Ф. Р-2. Исполнительный комитет Всероссийского профессионального союза служащих казначейства при Челябинском уездном казначействе. Оп. 1.
3. ОГАЧО. Ф. И-3. Челябинская городская управа. Оп. 1.
4. ОГАЧО. Ф. И-3. Челябинская городская управа. Оп. 3.
5. ОГАЧО. Ф. П-3298. Коллекция фотодокументов по истории Южно-Уральского региона. Оп. 2.
6. ОГАЧО. Ф. П-596. Комиссия по истории партии при Челябинском обкоме ВКП(б). Оп. 1.
7. ОГАЧО. Ф. П-991. Центральное бюро совета профессиональных союзов Челябинского района. Оп. 1.
8. ОГАЧО. Ф. Р-1110. Русско-Теченская волостная земская управа. Оп. 1.
9. ОГАЧО. Ф. Р-1729. Коллекция писем с фронта, воспоминаний, статей о В.И. Ленине, о революционном движении, Гражданской (1918–1920) и Великой Отечественной (1941–1945) войнах, социалистическом строительстве в редакции газет «Челябинский рабочий» и «Вечерний Челябинск». Оп. 1.

10. ОГАЧО. Ф. Р-235. Бакальский Совет рабочих и солдатских депутатов. Оп.1.
11. ОГАЧО. Ф. Р-8. Челябинское железнодорожное почтово-телеграфное отделение Челябинского губернского почтово-телеграфного управления. Оп. 1.
12. ОГАЧО. Ф. Р-86. Еткульское четырёхклассное высшее начальное училище Оренбургского учебного округа. Оп. 1.

*Богданов С.В.,
проф. каф, административного и международного права
Белгородского государственного научно-исследовательский
университета (НИУ «БелГУ»),
док. ист. наук*

УГОЛОВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 ГОДА

В феврале 1917 г. в небывало короткий срок в истории пала монархия. Самодержавие было уничтожено, а вместе с ним была сметена и прежняя система охраны правопорядка.

В одном из программных положений Временного правительства провозглашалось уничтожение политического сыска, упразднение охранного отделения. В начале марта подлежал ликвидации жандармский корпус, а затем и департамент полиции. Правительство объявило о замене полиции «народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления». Впервые в истории России на месте разрушенного аппарата насилия предполагалось создать народную милицию, «основанную на праве и справедливости» [9, с. 656].

Революционные массы в буквальном смысле слова громили полицейские участки, арестовывали полицейских, а в отдельных местах и чинили самосуд. В крупных городах Российской империи было сожжено большинство зданий и архивов жандармерии, сыскной полиции, охранных отделений. Ликвидация полицейских органов происходила повсеместно по всей стране.

Современники отмечали, что в феврале-марте 1917 г. «запасы ненависти вдруг разлились и мутным потоком вылились на улицы Петрограда в формах избиения городских»; «московские обыватели, всю жизнь боявшиеся околоточных (нижние полицейские чины в городах) и городских, приняли участие в охоте за ними» [5, с. 33].

Известный думский деятель В.Д. Набоков события февраля-марта метко назвал великим всероссийским походом против городских, в результате которого весь полицейский аппарат был разбит вдребезги. События февраля-марта 1917 г. развивались настолько стремительно, что официальная власть зачастую не успевала даже на них реагировать. А в уездах полицейские органы вообще не были точно осведомлены о

происходящем, и поэтому распоряжения губернского начальства были очень неожиданными. В результате - в одночасье был практически дезорганизован полицейский аппарат, как в центре, так и на местах.

Пока власти бездействовали (постановление Временного правительства «Об учреждении земской и городской милиции» вышло только 17 апреля 1917 г.), обыватели буквально поняли слова об организации милиции под началом местного самоуправления. На волостных и сельских сходах начинается процесс формирования народных органов охраны правопорядка. В волостях стихийно возникали милицейские отряды со своими начальниками, правилами, структурой. О стихийно возникавших милицейских отрядах далеко не всегда знали губернские власти, но местные милиционеры не забывали напомнить о своем существовании. Особенно частыми были их настойчивые просьбы о выдаче жалованья, пособий, оружия, обмундирования и т.д.

И, тем не менее, это был естественный порыв обывателей восполнить вакуум власти, четко обозначившийся к весне 1917 г. Однако деятельность вновь созданных органов правопорядка в борьбе с преступностью на практике оказалась мало эффективной – общественность не могла заменить собой государство, особенно в условиях гигантской разбалансировки социально-экономических, политических и правовых отношений.

После Февральской революции Временное правительство в первые дни своего существования приняло ряд законодательных актов, и среди них 12 марта 1917 г. было опубликовано правительственное постановление о повсеместной отмене смертной казни [7, с. 506].

Однако уже 12 июля 1917 г. смертная казнь была восстановлена на фронте за убийство, разбой, измену, побег к неприятелю, сдачу в плен, уход с поля боя и за другие воинские преступления [4, с. 745; 823-826].

Но это на фронте, а в городах продолжалась вакханалия грабежей, убийств, насилия. Временное правительство оказалось бессильным остановить беззаконие. Разгул преступности стимулировался уничтожением картотек полиции, которые были разгромлены в угаре революционной романтики и борьбы с «ненавистой тиранией» в первые месяцы после свержения царствующего дома Романовых.

Почти одновременно с разгромом полиции стали создаваться новые органы общественного порядка – милиция. Сразу вслед за упразднением полиции народная милиция не возникла.

С точки зрения обеспечения правопорядка в демократической России прошел достаточно большой период вакуума (март-апрель 1917 г., а в ряде уездов до июня). Даже единого названия не существовало, в различных документах новые органы внутренних дел именовались «Милицией Временного правительства», «Гражданской милицией», «Общественной милицией». В марте 1917 г. милиция стихийно складывалась из революционной толпы, студентов, бойскаутов, а за молодость, порывистость и неопытность ее даже называли «милицией младенцев». Во

вновь созданную милицию набирались люди не только незнакомые с оперативной и розыскной деятельностью, но неопытные даже в незначительных криминальных ситуациях молодые люди.

В Москве милиция была создана 1 марта 1917 г. решением городского комитета общественных организаций, возникшего в ходе революции. Начальником московской милиции был избран известный адвокат, член партии меньшевиков, председатель Совета рабочих депутатов Москвы А.М. Никитин. Московский Совет рабочих депутатов, сыгравший большую роль в создании городской милиции, рекомендовал принимать на службу в нее добровольцев по рекомендации общественных организаций. Но это не спасло московскую милицию, как, впрочем, и петроградскую, от проникновения в ее ряды людей, склонных к совершению преступлений, а иногда и бывших уголовных элементов.

Активизация уголовных элементов после преждевременной амнистии, проведенной Временным правительством в марте 1917 г., также была связана с тем, что большая часть выпущенных на свободу преступников была деклассированной массой, не способной понять и осознать происходящих в стране событий. Само же Временное правительство в первые месяцы своего существования основной акцент делало на поиск и арест бывших представителей власти, особенно полицейских и жандармов, которым приписывались попытки организации контрреволюционных выступлений и даже участие в кражах и бандитских налетах с целью дискредитации новой власти.

Ситуацию борьбы с преступностью также осложнила позиция Временного правительства в отношении системы правосудия. После прихода к власти Временного правительства развитие суда присяжных пошло по пути демократизации. В это время значительно была расширена компетенция суда присяжных.

К концу весны 1917 г. Временное правительство предпринимает отчаянную попытку остановить вал преступности. В апреле - мае ситуация с формированием органов милиции была взята под контроль Временным правительством, которое попыталось создать народную милицию «с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления» [8, с. 99].

17 апреля Временное правительство издало Постановление об учреждении земской и городской милиции. Данный документ узаконил переход функций по борьбе с преступностью и охране правопорядка к органам местного земского и городского самоуправления. Милиция призвана была «...охранять общественную безопасность и порядок и защищать всех и каждого от всякого насилия, обид и самоуправства» [6, с. 7].

Среди функций выделялись следующие: «охрана закона», производство дознания, участие в предварительном следствии (то же было и до февраля 1917 г.), представление суду обвиняемых, призыв на военную

службу, выдача удостоверений, патрулирование дорог и мостов, оповещение населения о законах; особенно подчеркивалась охрана гражданских прав людей. Начальники милиции избирались и увольнялись уездными земскими управами, надзор за ними осуществляла местная административная власть, извещая о нарушениях и упущениях уездную и городскую управу.

К лету 1917 г. постепенно организуются штатные милицейские структуры, пытавшиеся выполнять функции по охране правопорядка. Но создать на обломках полиции новую народную милицию в условиях нараставшего политического кризиса было весьма проблематично.

Временное правительство и губернские власти попытались создать на местах более стройную, организованную структуру милиции, подчиненную местным органам самоуправления. В основу численности милицейских штатов в губерниях, финансовых вопросов была положена полиция (но без привлечения бывших полицейских) царской России. Отказ от привлечения старых опытных кадров уголовной полиции царской России серьезно ослабил кадровый состав вновь создаваемых органов противодействия преступности.

Создание новых органов правопорядка столкнулось с серьезной проблемой финансирования. В первых документах, относящихся к периоду формирования милиции, новые губернские власти запрашивали уездные власти о финансировании бывшей полиции, о возможных кредитах на содержание милиции, о денежном довольствии, о фуражных деньгах и т.д. Подобная финансовая переписка продолжалась вплоть до октября 1917 г., и далеко не все денежные проблемы были решены.

Да и сама политическая, и административная чехарда на верху среди политической элиты России самым негативным образом сказывалась на организации нормальной работы органов внутренних дел. Февральские события произошли в значительной мере стихийно, и люди, пришедшие к власти, заранее не прогнозировали контуры будущих органов власти, их полномочий, действий. Поэтому многие властные структуры, в том числе и органы внутренних дел, рождались в ходе революционного порыва, а не долгой теоретической и практической подготовки. Они постоянно переустраивались, менялись их руководители и сферы компетенции.

Так, МВД Временного правительства с марта по июль возглавил Г.Е.Львов; в июле – И.Г. Церетели; с июля по сентябрь министром был И.Д. Авксентьев; в сентябре-октябре 1917 г. – А.М. Никитин.

Процесс становления милиции непростительно затянулся. В течение лета - начала осени 1917 г. только главный орган управления милиции дважды изменял свое название и структуру. Все это повлияло на неспособность милиции выполнять большинство возложенных на нее обязанностей.

Как вспоминал А.И. Деникин: «Министерство внутренних дел – некогда фактически державшее в своих руках самодержавную власть и

вызывавшее всеобщую ненависть – ударились в другую крайность: оно, по существу, самоупразднилось. Функции ведомства фактически перешли в распыленном виде к местным самозванным организациям» [3, с. 130-131].

Под «самозванными организациями» А.И. Деникин имел в виду, прежде всего, Советы, становившиеся, по существу, органами власти на местах. По решению Советов менялась местная администрация, руководство милицией, подчиненные им вооруженные отряды выполняли и функции охраны общественного порядка.

Проведенная в сентябре 1917 г. проверка деятельности милиции Москвы и Петрограда показала, что она полностью дезорганизована. В некоторых районах милиция практически перестала существовать. Проблема охраны общественного порядка и борьбы с преступностью стала одной из важнейших для Временного правительства.

Пытаясь спасти положение, 11 октября 1917 г. военный министр Временного Правительства издал приказ, который предусматривал привлечение действующей армии к обеспечению порядка внутри страны». Командиры воинских частей по требованию комиссаров Временного Правительства должны были направлять на службу в милицию лучших офицеров и солдат, «преимущественно георгиевских кавалеров», ибо в данный момент особо ответственная служба должна находиться в руках лучших людей. Но приказ этот не был реализован, так как Временное Правительство к этому моменту не только фактически распылило свои властные полномочия, но и утратило доверие в глазах широкой общественности.

Известный деятель Временного Правительства В.Д. Набоков признавал, что оно не сумело преодолеть последствий «всероссийского похода против городских», в результате которого весь полицейский аппарат был разбит вдребезги, а милиция новой властью фактически не была образована, что и сыграло очень большую роль в общем процессе «разложения России».

Не случайно к весне 1917 г. в массовом сознании и умонастроениях различных социальных групп стала ощущаться не только усталость, но и раздражение от обещаний и ничего неделания властей. Общественное мнение все больше склонялось к необходимости «сильной руки», которая сможет остановить вал преступности, привести в жизнь законопослушного обывателя стабильность, порядок и уверенность в завтрашнем дне.

Октябрь 1917 г. был во многом подготовлен февралем 1917 г., точнее вялостью Временного правительства и его неспособностью удержать власть, эффективно противодействовать разгулу хаоса, анархии и социальной деградации.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. в результате вооруженного восстания означал создание социально-экономической и политической системы, базирующейся на принципиально иных основаниях, нежели в царской России или при Временном правительстве.

С первых же шагов Советского правительства упор был сделан на решение узловых проблем, хроническая запущенность которых предопределила крушение как самодержавной, так и в последующем демократической власти в России. Преступность, алкоголизм, употребление наркотиков были объявлены пороками старого строя и подлежали решительному искоренению. При этом прежние регуляционные и регламентирующие механизмы были решительно отброшены, как неспособные противостоять гигантскому росту социальных аномалий и, прежде всего преступности.

Революционный аскетизм В.И. Ленина и «старой гвардии» большевиков в первые годы после октября 1917 г. во многом выступал цементирующей основой нового политического режима. Конечно, это не могло гарантировать абсолютного социального спокойствия среди широких слоев населения – слишком серьезно оказалась разбалансирована система жизнеобеспечения крупных городов, велика инерция протестного потенциала различных социальных групп.

В начале 1918 г. рабочие многих промышленных центров начали выступления против той власти, которую осенью 1917 г. они поддержали и фактически привели к власти. Толчком послужили события 5 января 1918 г. в Петрограде, когда для разгона рабочей демонстрации были использованы части Красной гвардии, которые применили по манифестантам огнестрельное оружие [1, д. 915, л. 1].

Мероприятия большевиков по «наведению порядка» в стране и противодействию преступности коснулись практически всех сфер жизнедеятельности общества. По признанию руководителя Совета Народных Комиссаров (СНК) В.И. Ленина, политический режим, свергнувший Временное правительство, представлял собой режим, не ограниченный никакими законами и опирающийся на насилие.

Декрет об отмене смертной казни, принятый сразу же после отстранения от власти Временного правительства на втором Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов просуществовал недолго. 25 ноября 1917 г. в обращении СНК «Ко всему населению о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина и Дутова» говорилось: «Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку революционного народа» [2, с. 154-155].

В этот период в публичных выступлениях и речах Ленина все чаще звучат жесткие предложения к саботажникам, взяточникам, преступникам, контрреволюционерам. Именно в тех условиях впервые уголовная преступность была поставлена в один ряд с политическими противниками, открыто выступившими против новой власти. А всякое выступление против советской власти, будь то кража с предприятия или убийство партийного функционера или просто члена партии являлось, в соответствии с

идеологией нового строя – преступлением, направленным на подрыв революции. И наказание должно было быть самым суровым и неотвратимым во благо революции.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-9550. Коллекция листовок советского периода. Оп. 10.
2. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Крушение власти и армия. Февраль-сентябрь 1917 г. Париж, 1921.
4. Мулукаев Р.С. Полиция в России (XIX - начало XX вв.). Нижний Новгород, 1993.
5. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996.
6. Постановление Временного правительства об учреждении милиции. Пг., 1917.
7. Право. 1917. № 9.
8. Право. 1917. № 13.
9. Черняев В.Ю. Гибель думской монархии. Временное правительство и его реформы / Власть и реформы. СПб., 1996.

***Вольский М.В.,**
аспирант
Воронежского государственного
аграрного университета
имени императора Петра I*

ТЮРЕМНАЯ СЛУЖБА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ 1917 г.

Внимание исследователей истории Отечества, всех тех, кто интересуется военной историей России, и ее правоохранных структур, в настоящее время, от части, обращено к вопросам прошлого уголовно-исполнительной системы России, в связи с ее реформированием. И это не случайно, так как нас привлекает опыт государственного строительства в Российской Империи периода конца XIX – начала XX вв.

Интересен тот факт, что в указанный период система службы в российских тюрьмах проходила этапную эволюцию не одно десятилетие. В основе данного процесса была служба в тюремном ведомстве, основанная на принципах постепенности и длительности относительно предшествующего стажа службы в должности.

Стаж службы в определенной должности признавался одним из принципов, который обеспечивал подготовленность тюремных чинов к службе на любой должности. Справедливо полагалось, что чем больше стаж службы в той или иной должности, тем более квалифицированным являлся специалист. Таким образом, тюремный служащий мог постепенно продвигаться по служебной лестнице.

Так, в середине XIX века Министерство внутренних дел принимает ряд нормативных актов по реформированию вопросов прохождения службы в полиции, в том числе по тюремным учреждениям. В соответствии с данными положениями нижние полицейские чины получили право на продвижение вверх по карьерной лестнице.

При безупречном отношении к исполнению своих служебных обязанностей рядовые сотрудники получали возможность дослужиться до звания унтер-офицера (при условии «примерного поведения и успешной сдаче квалификационного экзамена»). Однако это было под силу не всякому служащему чиновнику [5, с. 177].

В циркуляре Главного тюремного управления (ГТУ) от 20 февраля 1904 г. № 5, предусматривающем вопросы формирования штатного состава начальников исправительных арестантских отделений особо отмечалось, что при назначении этих должностных лиц следует соблюдать такую постепенность, чтобы лиц, менее практически подготовленных, определять начальниками сравнительно небольших мест заключения, а затем, если они проявляли себя удовлетворительно, переводить на более ответственные и лучшие должности [5, с.117].

При этом для привлечения достаточного количества способных к тюремной деятельности людей, рекомендовалось организовывать твердо и поддерживать неуклонно порядок прохождения тюремной службы так, чтобы каждый мог рассчитывать на беспристрастную оценку его стараний и на получение должности, соответствующей его способностям, в случае открытия вакансии. Для обеспечения этого рекомендовалось даже ввести институт кандидатуры, при котором в Главном тюремном управлении формировались бы особые списки кандидатов для наиболее оптимального замещения тюремных должностей. Тем самым можно было бы сформировать обширный штат опытных кандидатов и поднять качественный состав должностных лиц на значительную высоту.

Так, с целью сосредоточения в ГТУ сведений о тех чинах тюремного ведомства, которые признавались достойными назначения на должности начальников мест заключения VI и VII классов, в ГТУ каждый год доставлялись сведения о таких лицах по прилагаемой форме для внесения их в кандидатский список, что являлось своего рода резервом кадров на выдвижение.

Чины тюремных учреждений могли быть перемещаемы на службу из одного места заключения в другое по своему ходатайству и при условии согласия на то начальств этих мест заключения, с сохранением приобретенных ими на службе прав и преимуществ. Обо всех таких кандидатах запрашивались надлежащие сведения по месту их прежней службы или через полицию.

Наиболее тщательно вопрос кадровых перемещений регламентировался применительно к тюремной страже, как к категории служащих, в наибольшей степени подверженных текучести кадров.

Порядок и процедура прохождения службы чинами тюремной администрации и надзора фиксировались документально по правилам общего делопроизводства и с особенностями, закрепляемыми в циркулярных отношениях. О службе каждого надзирателя должно было заводиться в тюремной конторе особое дело, куда вносились все документы, относящиеся до его службы: копии со всех о нем приказов или ссылки на номера их в книге; документы, удостоверяющие личность и сведения о прежней его службе и поведении; данная надзирателем подписка; сведения о размере залога и квитанция о сдаче последнего на хранение и переписка, относящаяся к его служебной деятельности. Кроме этого, начальник места заключения вел книгу приказов о чинах надзора, куда вносились распоряжения: об определении надзирателя на службу с указанием размера установленного оклада содержания и источника его выплат; о переводе с одного оклада на другой; о наложении взысканий с кратким указанием мотивов; о наградах и других поощрениях с указанием их вида и мотивов; об увольнении в отпуск или учебный сбор и увольнение от службы с указанием причин [4, с. 11-12].

Независимо от этого, о каждом тюремном надзирателе начальнику тюрьмы надлежало вести послужной список по установленной форме, примененной к спискам чиновников, куда вносились все сведения о службе.

Ведение кадрового делопроизводства в отношении самих смотрителей (начальников) тюрем производилось по аналогичным правилам [1, д. 543, л. 98-104]

При этом послужные списки начальников тюрем по общему правилу должны были находиться в Губернском правлении, в тюремном отделении, где введена инспекция. О лицах же, определение которых зависело не от Губернского начальства, послужные списки велись в Центральном управлении на основании сведений, доставляемых губернскими тюремными инспекциями.

Увольнение тюремных чинов от службы могло иметь место по их собственному желанию, по болезни и в порядке взыскания. При этом в отношении тюремной стражи отмечалось, что данные чины, относящиеся к своему делу небрежно, или «вовсе не проявляющие склонности к изучению специальных условий надзора за арестантами, не должны быть вовсе оставляемы на местах и, наоборот, надлежит с особою осторожностью и осмотрительностью допускать увольнение от службы в виде взыскания таких надзирателей, которые проявляют в общем честное, добросовестное и усердное отношение к своему делу, хотя бы в отдельных, второстепенного свойства случаях, они и обнаруживали некоторые недостатки. Тюремная администрация должна принять на себя труд формирования надежного надзирательского персонала и подавать ему собственным своим усердием и исполнительностью пример добросовестного отношения к служебному долгу» [3, с. 363].

По усмотрению начальника места заключения тюремный надзиратель мог быть уволен и в том случае, если он по состоянию здоровья не способен нести службу, о чем тюремный врач или фельдшер должны вынести соответствующее заключение. Наем дополнительных надзирателей взамен заболевших, но еще не уволенных и получающих жалование, мог быть «отнесен только на особо каждый раз испрашиваемые кредиты».

Самовольное оставление службы лицом, принадлежащим к составу тюремной стражи, вопреки принятому им на себя письменному обязательству, давало право на удержание внесенных им залоговых денег.

Таким образом, регулирование условий перемещения по службе, в особенности в пореформенный период, имело своей целью обеспечить замещение вакансий наиболее опытными лицами, по принципу постепенного роста их служебного положения. Порядок организации службы был направлен на повышение качества несения тюремной службы и снижения оттока кадров, в первую очередь, лиц тюремной стражи первого года службы.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив. Ф.1286. Департамент полиции исполнительной МВД. Оп.7.
2. Ершов Ю.А. Особенности кадрового обеспечения полицейских учреждений и дореформенной России. // Законность, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 9-10 апреля 1998 г. ч. II / Под. ред. О.М. Латышева, В.П. Сальникова. СПб., 1998.
3. Циркуляр Главного тюремного управления от 17 апреля 1889 г. №8. Практическое разъяснение // Тюремный вестник. 1893. №9.
4. Циркуляр Главного тюремного управления от 5 февраля 1891 г. №5 // Тюремный вестник. 1893. Приложение к № 1.
5. Циркуляр Главного тюремного управления от 20 февраля 1904 года № 5 //Тюремный вестник. 1904. № 2.

Ельников С. А.,
магистрант исторического факультета
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

СУДЖА И СУДЖАНСКИЙ УЕЗД ПОД GERMAHO- УКРАИНСКОЙ ОККУПАЦИИ В 1918 г.

Проблема германо-украинской оккупации территории города Суджи и уезда, не нашла должного отражения в научных публикациях и краеведческой литературе. Для понимания, какой характер носила оккупация, следует кратко обратиться к предшествовавшим событиям.

После подписания Брестского мира, правительство Советской России по 6-й статье договора обязывалось вывести все войска с территории

Украины, признать Украинскую Народную Республику и установить государственные границы. Эти вопросы были подняты еще на переговорах в Бресте, но советская делегация, сославшись на отсутствие соответствующих полномочий, отказалась их обсуждать.

Украинская Народная Республика как государственное образование (Украинская Держава) просуществовала семь месяцев (с апреля по декабрь 1918 г.). Возглавлял ее гетман П.П. Скоропадский, марионеточный правитель в руках Германии и Австро-Венгрии.

Восточной границей своего государства Скоропадский видел территории, которые принадлежали Курской губернии. Это ее западные и юго-западные уезды. В апреле 1918 г. немецко-украинское наступление было продолжено. После этого советское правительство прислало в Курск, представителей мирной делегации, для заключения перемирия.

4 мая 1918 г. перемирие было достигнуто в районе с. Коренево находившегося в руках немецкого командования. 14 июня 1918 г. украинская и советская стороны перешли к обсуждению государственной границы. К тому времени демаркационная линия между РСФСР и Украинской Державой проходила через Сураж – Унечу – Стародуб – Новгород-Северский – Глухов – Рыльск – Колонтаевку – Суджу – Беленихино – Купянск. Таким образом, часть Суджанского уезда вместе с Суджей оказалась оккупированной немецкими и украинскими войсками [3, с.358].

После длительных и упорных переговоров стороны договорились: при определении границы руководствоваться этнографическим принципом, учитывать весь комплекс политических, экономических и региональных интересов местного населения.

Украинские власти сразу преступила к освоению новых территорий и формированию подвластных им местных органов власти. Вся сущность организации гетманской власти на местах склонялась к приспособлению механизмов власти Российской Империи к развитию собственного государства.

С самого начала своих властных полномочий Украинская Держава преступила и к назначению администрации и в, так называемых, спорных районах, государственная принадлежность которых еще не была определена окончательно международными соглашениями. К их числу относился и Суджанский уезд [3, с.359].

О том, что украинская власть и германское командование еще до оформления соглашения о границах между Украинской Державой и Советской Россией стало организовывать местное управления на спорных территориях, свидетельствуют архивные документы.

Так еще 18 мая 1918 г. было опубликовано совместное постановление немецкого и украинского военных комендантов г. Суджа о возобновлении деятельности органов местного самоуправления, судебных и продовольственных органов, милиции, в котором указывалось:

«1) Председателю съезда мировых судей Григорию Ивановичу Харламову и мировым судьям: Ефрему Антоновичу Ступакову и Роману Васильевичу Куликову немедленно преступить к выполнению своих служебных обязанностей, в противном случае они будут привлечены к судебной ответственности, [...] что бы суд функционировал в полной мере и грабители не разгуливали на свободе. 2) Земская управа должна работать в прежнем составе, а недостающих число членов Земского собрания доизбрать [...]. 3) Начальника уездной милиции назначает Земская управа, которая и ответственна за его действия, [...] причем милиция г. Суджи подчиняется уездной. 4) Продовольственная управа должна продолжать свою деятельность в составе до большевистского восстания, а потому немецкий комендант отказывается от своего председательствования. Проверка отчетности, а также деятельности Суджанской Продовольственной управы подлежит Харьковской губернской Продовольственной управе. [...] 6) За разрешением разных вопросов обращаться исключительно к Украинскому Коменданту, который будет разрешать все дела, ставя в известность немецкого коменданта...» [3, с.360-361].

Коснулось это и Земской управы на заседании от 30 мая 1918 г. На экстренном уездном Земском собрании украинский и немецкие коменданты (немецкий комендант имел больше полномочий), выступили за восстановление прежней местной власти. В частности, немецкий комендант заявил, что германские войска пришли для того, чтобы помочь Гетману и они выполняют эту работу с той мощью, какой они обладают. Было оглашено и обращение германского командования: «Объявление для Коренево, Сумы, Белополья и Суджи. Для защиты населения означенных уездов и восстановления порядка во всех частях Управления, предписывается сим под угрозой смертной казни следующее: 1) Все распоряжения большевиков, приказы и угрозы считать не действительными. 2) Все большевиками организованные комитеты считать аннулированными. Старостам изгнать из сел всех исполнителей таких комитетов, им в помощь будут направлены Германские войска. 3) Все бывшие прежде на службе чиновники должны по утверждению с моей стороны или украинских властей снова исполнять свои обязанности. 4) Так как украинская судебная власть пока не существует все лица, сопротивляющиеся требованиям и подлежащие уголовному преследованию, будут подвергаться законам Германского военного суда. А также за все действия против войск или только их членов будут преследоваться законами Германской Империи, и за сопротивление против всяких распоряжений Германского командующего войсками. Распространяется это на район: Суджа – Коренево – Рыльск – Сумы – Белополье. Комендант района Фон-Розенберг» [1, д. 96, л.2-2об.].

Но исполнение распоряжений оккупационных сил затруднялось в связи с тем, что Суджанский уезд не полностью попал под оккупацию. Это было отмечено гласным уездного земского собрания Никифоровым:

«Население беспокоится и уклоняется пока от исполнения своих обязанностей по отношению к Уездному Земству» [1, д. 96, л.2об.].

Очень сложная ситуация сложилась и с разоружением местного населения. Немецкий комендант Суджи вынужден был издать следующее распоряжение: «Украинское правительство немецкому войску провести нужное для умирения страны обезоруживание. [...] Если бы везде приказы были выполнены, то уже теперь все оружие и вся амуниция должны были быть сданы: этого не произошло. [...] Последнее требование отдать имеющееся оружие и амуницию будет исполнено. Сроком назначается 20-е сего мая [по старому стилю. – С.Е.]. Кто после этого дня еще будет владеть оружием, тот будет арестован и наказан заключением в смиренный дом или тюрьму до 3-х лет» [1, д. 96, л.3].

Следует указать, что местное население и самостоятельно стремилось подчиниться власти гетмана, так как пограничье и демаркационная зона создавали угрозу для разгула разбойничьих банд и грабежу местного населения. Сами суджане мотивировали свое решение о включение уезда целиком в состав Украинской державы, такими положениями, содержащимися в обращении к министру иностранных дел Украинской Державы: «1. Пограничная линия рассекает Суджанский уезд на Юго-Западную (украинскую) и Северо-Восточную (большевистскую) части. Такое деление нарушает интересы г. Суджи и уезда, так как в таком случае к Великодержавии отходит самая плодородная часть Суджанского уезда, питающая своим хлебом и город, и уезд. 2. Положение города Суджи как пограничного пункта Украины, создает для него угрозу со стороны разбойничьих банд и заставит Суджанское Городское самоуправление, нести непосильные расходы. 3. Население города и уезда на $\frac{3}{4}$ по происхождению украинское и по своим экономическим и культурным стремлениям издавна тяготеет к Украине» [3, с. 362].

Немецкие оккупационные власти ввели для города квартирную повинность, которая в основном она заключалась в доставке керосина, для освещения квартирных помещений.

Украинская же власть установила правила передачи хлеба урожая 1918 года: «1) Все количество хлеба продовольственного и кормового, урожая 1918 года за вычетом запаса, устанавливаемом Министерством продовольствия для продовольствия и хозяйственных нужд владельца, поступает в распоряжение Украинской Державы. 2) Под хлебом разумеется: рожь, пшеница, просо, гречиха, чечевица, фасоль, горох, кукуруза, ячмень, овес, всякого рода мука, отруби, крупы и отходы производства из поименованного хлеба, а также масличные семена и жмыхи всякие. [...] 4) Весь хлеб, поступающий в распоряжение государства, подлежит сдачи в назначенное время по твердым ценам. 5) У владельцев хлеба, отказывающихся от добровольной сдачи хлеба, хлеб изымается принуждением с понижением твердых цен на тридцать процентов. В случае

обнаружения скрытого хлеба, твердые цены уменьшаются на пятьдесят процентов» [3, с.369].

Набеги гайдамаков в сентябре 1918 г. способствовали активизации партизанской войны в южных и юго-западных уездах губернии. Австро-германские части все более походили на вооруженных мародеров. В ноябре–декабре 1918 г. они начинают отвод войск.

11 ноября 1918 г. Германия подписала акт о перемирии, что означало ее фактическую капитуляцию. Для Советской России появилась возможность аннулировать Брестский мир. 13 ноября 1918 г. ВЦИК РСФСР официально заявил, что считает договор недействующим. Началось освобождение районов, оккупированных немецко-украинскими войсками. В телеграмме из Курска в Орел в штаб 9-й дивизии говорилось: «22 ноября 1918 г. Сообщаю: седьмой Суджанский повстанческий 21 ноября, перейдя демаркационный участок, три подрайона занял Рыльск. Пушкарная, Коренево от гайдамаков очищены» [2].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области. Ф. Р-1010. Учреждения периода оккупации Курской губернии немецко-гайдамацкими войсками и армией Деникина. Оп. 1.
2. Раков Н.В. Рыльск в период германо-украинской оккупации 1918 г. // <http://old-kursk.ru/book/rylsk/ra224.html> (дата обращения: 22.12.2016 г.).
3. Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре / сб. стат. и материалов /. Ред.-сост. А.И. Раздорский. Курск, 2015.

Зайцева И.Г.,

главный архивист

ГКУ «Государственный архив Нижегородской области»,

г. Арзамас

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Определяющим фактором изменения состояния внутренней экономики России накануне революции 1917 г. стала Первая мировая война. Статистические и отчетные документы архива позволяют достаточно точно увидеть проблемы регионов с продовольственным обеспечением населения, инфляцию, рост цен, повышение налогов, усиление работы промышленности на нужды армии.

Так, по сведениям, представленным к отчету Арзамасской уездной земской управы за 1915 г., благоприятные погодные условия способствовали тому, что собранный урожай по уезду можно было считать удовлетворительным (следует отметить, что даже несмотря на хороший

урожай, население уезда не было обеспечено хлебом, по словам управы, «благодаря малоземелью») [1, д. 1084, л. 4]. В докладе управы «О борьбе с дороговизной» чрезвычайному Арзамасскому уездному собранию 22 января 1916 г. говорится, что общий недостаток ржи в уезде составлял 116,5 тыс. пудов. Но это количество ржи управа не посчитала в качестве исходного при исчислении требуемого для ввоза в уезд по следующим причинам: во-первых, эта цифра требовала корректировки в связи с уменьшением поголовья скота в уезде; во-вторых, цены на ржаную муку в граничащих с Арзамасским Сергачском и Лукояновском уездах были значительно ниже, что позволяло их ввоз гужевым путем. Кроме того, закрытие казенной винной торговли и выдача пайков семьям призванных способствовали увеличению денежной массы у населения уезда примерно на 2 млн. рублей, что привело к увеличению покупательной способности населения. Принимая во внимание вышеприведенные доводы, было решено приобрести 50 тыс. пудов хлеба, а также вести операции по продаже других продуктов первой необходимости (сахара, низких сортов рыбы, пшеничной муки) [1, д. 816, л. 1320-1320 об.].

Таким образом, продовольственная ситуация в уезде в связи с войной значительно ухудшилась. Несмотря на это городская Дума рассмотрела ходатайство мясников и на заседании 3 января 1916 г. отменила составленную в декабре 1915 г. таксу на мясные продукты в г. Арзамасе [4, д. 516, л. 2 об.]. В апреле 1916 г. проводилась реквизиция рогатого скота в городе для нужд армии, и городской голова Н. М. Щегольков ходатайствовал перед Нижегородской губернской земской управой об освобождении хозяйств, в которых была только одна корова, поскольку «... при всеобщей дороговизне молоко составляет единственный доступный бедноте продукт питания...» [3, д. 1104, л. 5]. С 1 сентября 1916 г. в уезде были введены карточки для получения сахара [1, д. 1077, л. 315 об.].

В конце 1916 г. началась разверстка ржаного хлеба для снабжения армии. Совещанием при Арзамасской уездной земской управе с участием волостных старшин от 14 октября 1916 г. была определена обязательная поставка ржи в зависимости от засеянной площади. Так, с одной десятины следовало поставить 1 пуд ржи, с двух – 1,5 пуда, с трех – 2 пуда и т. д. [2, д. 419, л. 39]. В связи с тяжелым продовольственным положением некоторые села не желали подчиняться разверстке. Например, 22 декабря 1916 г. на сельском сходе крестьяне с. Кардавиле Арзамасского уезда, которые должны были поставить 1844 пуда ржи для нужд армии, постановили: «разверстку между домохозяевами ржаного хлеба произвести не желаем, так как в нашем селении более половины совсем хлеба не имеется, у которых не сколько быть может и имеется, но этот хлеб необходимо нужен нуждающимся семьям мобилизованных и взятым на войну за неимением рабочих рук к обработке земли и уборке хлеба...» [2, д. 419, л. 40].

На совещании, созванном Арзамасским уездным предводителем дворянства Г.С. Панютиным 11 января 1917 г., уездной управой и агрономом были представлены сведения, что у большей части населения уезда свободных остатков хлеба не имелось, о чем свидетельствовали статистические данные. Представители земства пришли к выводу, что «принцип всеобщей хлебной повинности утратил возможность проведения его в жизнь, т. к. население не было заранее предупреждено об обязательной поставке определенного количества хлеба» и «дело поставки хлеба настолько дискредитировано агентами уполномоченного Министерства земледелия, что авторитет земства и земских начальников в настоящий момент вряд ли может исправить дело». Совещание установило, что разверстать 209 812 пудов, причитавшиеся на Арзамасский уезд, было невыполнимо. Учитывая урожайность по волостям и душевой надел, фактически представлялось возможным собрать только 63 974 пуда. С другой стороны, по разверстке, произведенной Нижегородским губернским совещанием, с Арзамасского уезда следовало собрать 168 000 пудов ржи [1, д. 1100, л. 12-12 об.].

Если рассматривать сложившееся положение на более конкретном примере Пановской волости, то, ситуация складывалась следующая: во избежание принудительной реквизиционной поставки хлеба для армии, согласно предписанию земского начальника 3-го участка Арзамасского уезда, по последней льготной разверстке от 11 января 1917 г. на волость приходилось 4500 пудов ржи [2, д. 425, л. 4-4 об.]. Из предыдущего документа видно, что фактически по волости могло быть собрано только 3500 пудов, по разверстке губернского совещания следовало поставить 11 000 пудов.

Несколько лучше дело обстояло с реквизицией скота и лошадей в уезде. 27 октября 1916 г. было утверждено Положение о реквизиции лошадей при посредстве земских учреждений, более осведомленных об экономическом положении населения уезда. Таким образом, военноконская повинность была сохранена только на случай невыполнения наряда лошадей земством. На Арзамасский уезд по разверстке 1916 г. приходилось 164 лошади (по сельскохозяйственной переписи общее число рабочих лошадей старше четырех лет по уезду составляло 16 659), т. е. менее 1 % от общего количества.

Зимой 1916 г., в связи с войной, в г. Арзамасе наблюдалось очень существенное повышение цен на дрова. Поэтому городской управе пришлось принять целый ряд мер для урегулирования этого вопроса, используя как собственные силы, так и прибегнув к помощи нижегородского губернатора [3, д. 1081, л. 1-3]. С ходатайствами перед Министром земледелия по обеспечению топливом населения городской голова Н. М. Щегольков ездил в г. Петроград и г. Москву, пребывая при этом в двухнедельном отпуске [3, д. 1081, л. 43-43 об.].

Так же, по заказам военного ведомства между губерниями распределялось производство товаров, необходимых для снабжения армии. Нижегородское губернское земство постаралось привлечь к исполнению заказов самих производителей, «...чтобы этим добиться исключения старого порядка получения казенных заказов, основанного на связях, родстве, кумовстве и т. д...» [1, д. 1023, л. 50 об.]. С этой целью управляющий Нижегородской контрольной палатой занимался сбором сведений о заводах, фабриках и кустарной промышленности по уездам. Арзамасский уезд предложил изготовление юфтевых поясных и шинельных пехотных ремней, кожаных поясных патронных сумок, обозной упряжи, чугунных втулок, подков, колес, шерстяных перчаток и др. В связи с развитым в уезде кожевенным производством основное направление работ для нужд армии велось по изготовлению кожаных сапог и валеной обуви [1, д. 1023, л. 58-58 об.] Проводилась работа в уезде по закупке ивового корья и сырых кож для нужд армии. Арзамасскими заводчиками производилась выделка кож по нормировочным ценам. В 1915 г. в г. Арзамасе была создана городская общественная комиссия по изготовлению обуви и других предметов обмундирования для армии - в городе изготавливалось 1500-2000 пар сапог в неделю [3, д. 1004, л. 931-932 об.].

Школой ремесленных учеников с. Выездная Слобода Арзамасского уезда был принят заказ на изготовление 20 000 патронных сумок к 1 февраля 1916 г. по цене 1 руб. 20 коп. за штуку [1, д. 1023, л. 58-58 об.]. Работы по изготовлению 2 000 пар перчаток и 1 000 комплектов теплых вещей для армии уездной управой были распределены среди населения. Войлочной фабрикой И.М. Терина 22 февраля 1916 г. было изготовлено 2 000 штук потникового войлока по цене 18 руб. за штуку [1, д. 1023, л. 255], 500 штук произведено фабрикантом В.Ф. Вагановым [1, д. 1023, л. 274].

Реквизицией и оценкой предметов для армии занималась образованная в уезде Арзамасская уездная комиссия по реквизиции и оценке предметов для нужд армии. Председателем комиссии был уездный предводитель дворянства. Так, на заседании комиссии, состоявшемся 22 ноября 1916 г., был рассмотрен вопрос о реквизиции кожевенного товара, отправленного из г. Нижний Новгород на ст. Сызрань и задержанного в середине августа 1916 г. на ст. Арзамас I. Комиссией было реквизировано и передано в Арзамасскую земскую управу более 18 пудов подошвенной кожи завода Оскара Вильденберга, более 27 пудов кожи полуваля, годной для стелек и патронных сумок, и 6 пудов черной юфти завода Футина [1, д. 1101, л. 23-23 об.]. На заседании комиссии в декабре 1916 г. рассмотрен вопрос реквизиции еще одной партии кожевенного товара в 31 пуд, отправленного на ст. Сызрань [1, д. 1101, л. 30-30 об.]. Реквизированная кожа по согласованию с Нижегородской губернской земской управой была передана Выездновской ремесленной школе для изготовления кожаных сапог, патронных сумок и конской амуниции [1, д. 1023, л. 525].

23 сентября 1916 г. было принято решение об основании «Выездновской первой кустарной артели». Между 24 участниками заключен артельный договор со взносом 25 руб. и полной ответственностью всех членов. При учреждении артели расчет был сделан на получение работы по заготовке кожаной обуви для армии. С 15 октября артель приступила к работе по пошиву сапог [1, д. 1023, л. 470-471]. 20 января 1917 г. главноначальствующим Нижегородской губернии А.Ф. Гирсом было объявлено о наказании в виде ареста, заключения в тюрьму или денежного взыскания в размере до трех тысяч рублей за не предоставление сведений и невыполнение требований, указанных в п. 2 и п. 6 ст. 10 Положения об особом совещании по обороне государства по исполнению заказов и поставок предприятиями, а также предоставлению уполномоченным лицам возможности осмотра торговых и промышленных предприятий, предъявлению торговых книг и документов и др. [1, д. 1135, л. 17].

Цены на рабочие руки по уезду выросли к 1915 г. на 30-40 % в связи с призывом запасных и ратников ополчения на военную службу [1, д. 1084, л. 7]. Годовой доход работника составлял 200-250 руб. [1, д. 1084, л. 30.]. Для сравнения можно привести справочные цены на продукты в сравнении с 1912 г.: пуд мяса по уезду на январь 1912 г. стоил 4 руб., на январь 1915 г. – 4 руб. 80 коп., к декабрю цена поднялась до 10 руб.; пуд ржаной муки в январе 1912 г. – 1 руб. 25 коп., в январе 1915 г. – 1 руб. 27 коп., к концу года – 1 руб. 60 коп. Существенно выросли цены на дрова. Если в январе 1912 г. сажень березовых дров можно было приобрести за 4 руб., то на январь 1915 г. они оценивались в 5 руб., к концу года – 10 руб. Выросла и оплата труда. Если в январе 1912 г. по сведениям земская управы плата за поденную работу одному рабочему в день составляла 60 коп., с лошадью – 1 руб., то в конце 1915 г. – 1 руб. 10 коп., с лошадью – 3 руб. [1, д. 1045, л. 29 об. - 30, 46об. - 47]. Согласно сведениям о ценах на рабочие руки по Арзамасскому уезду на 1916 г. годовой доход работника составлял уже около 400 руб. [1, д. 1138, л. 185 об. -186].

Одновременно, в уезде выросли не только цены на рабочие руки, но и существенно увеличились налоговые сборы. В представленной на рассмотрение 52-му очередному Арзамасскому уездному земскому собранию смете на 2017 г. раскладка по уездному сбору выросла на 47,8 % и составила 442 597 руб.14 коп. (по сравнению с 1916 г., когда она равнялась 299 346 руб. 88 коп.) [1, д. 1077, л. 153]. Арзамасская уездная земская управа объясняла это увеличение дороговизной, прибавкой содержания служащих и увеличенными расходами, связанными с обстоятельствами военного времени.

Следует отметить, что земские сборы по обложению недвижимых имуществ в 1916 г. также выросли на 32 %. Вследствие увеличения этого сбора городское население оказалось в гораздо более тяжелом положении, чем сельское, поскольку из-за роста цен на сельскохозяйственную

продукцию, с одной стороны, и законодательным запретам увеличения цен на недвижимость и дефицит товаров, с другой, аренда городских лавок и иных торговых помещений стала приносить гораздо меньше прибыли, а их ремонт стал обходиться в 5 раз дороже в связи с подорожанием строительных материалов [1, д. 1077, л. 22 об. - 23].

Первая мировая война вынудила правительство России провести целый ряд преобразований в налоговой сфере. Основная их масса сводилась к простому увеличению налоговой ставки и привлечению новых объектов обложения под уже существовавшие сборы. Были введены два новых налога, которые носили подоходный характер. Первый - военный налог - носил временный характер. В 1915 г. он был введен на территории всей страны и просуществовал до 1918 г. Этим налогом облагались мужчины в возрасте до 43 лет, освобожденные от военной службы. В Арзамасском уезде было образовано Арзамасское уездное по военному налогу присутствие, определявшее оклад военного налога плательщика в соответствии с разрядом дохода, к которому он относился. Ставка налога при годовом доходе до 1 тыс. руб. составляла 6 руб. Большая часть населения Арзамасского уезда относилась к I разряду дохода, т. е. платила налог в размере 6 руб. Налог, не внесенный к указанному в ст. 23 Положения о военном налоге числу (т. е. до 15 октября каждого года), зачислялся в недоимку, взыскание которой входило в обязанности полиции. Окладные листы по военному налогу направлялись в волостные правления и должны были быть вручены в двухнедельный срок плательщикам по указанным адресам [2, д. 417, л. 23-24 об.].

Законом, утвержденным 6 апреля 1916 г., вводился подоходный налог. В циркуляре председателя Арзамасского участкового по подоходному налогу присутствия в волостные правления Арзамасского уезда от 15 февраля 1917 г. указывалось, что подоходный доход являлся самым сложным из всех существовавших на тот момент, поскольку учитывал суммы всех доходов, полученных плательщиком в предыдущем году. Домохозяев в городе обязали подавать списки проживавших, а также списки принадлежавших им жилых квартир. Хозяева торговопромышленных заведений подавали сведения о наемных рабочих; правительственные, общественные и сословные учреждения – о служащих; помещики и арендаторы имений – об управляющих и приказчиках. За непредставление сведений в срок устанавливался штраф до ста рублей. Если доход превышал 850 руб., то налогоплательщик заполнял по установленной форме бланк (заявление), в котором указывал все виды полученных доходов и расходов. Штрафы были достаточно высоки: за непредставление заявления в срок – до 200 руб., за непредставление заявления – до 300 руб., в случае сообщения неверных сведений – сумма дохода, не указанная в заявлении, увеличивалась в 10 раз [2, д. 418, л. 35-35 об.].

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее - ГАНО, г. Арзамас). Ф. 2. Арзамасская уездная земская управа Нижегородской губернии. Оп. 1.
2. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 4. Пановское волостное правление Арзамасского уезда Нижегородской губернии, с. Паново. Оп. 1.
3. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Арзамасская городская управа Нижегородской губернии. Оп. 1.
4. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 33. Арзамасская городская дума Нижегородской губернии. Оп. 2.

Кузина И.Л.,
*зав. отделом использования документов,
информационно-поисковых систем
и автоматизированных архивных технологий
Санкт-Петербургского ГКУ «Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга»,
канд. ист. наук*

МАНИФЕСТЫ И ДЕМОНСТРАЦИИ В 1917 ГОДА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПЕТРОГРАДЕ В ФОТОДОКУМЕНТАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КИНОФОТОФОНОДОКУМЕНТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В революционной России 1917 г. манифестации, митинги, шествия и демонстрации стали едва ли не повседневным явлением. Недовольство различных слоев общества существующим режимом привело к революционному взрыву в Петрограде. С началом забастовок в феврале 1917 г. люди прекращали работу и толпами выходили на улицу, открыто выражая протест и недовольство по поводу недостатка хлеба. Большинство оставших заводы рабочих почти все время находились на улицах и устраивали демонстрации. С пением революционных песен толпы людей двигались по улицам столицы. С каждым днем количество бастовавших увеличивалось и монархия пала с необычайной быстротой, за несколько дней. На протяжении всего революционного 1917 г. люди, упоенные своей способностью влиять на судьбу своей страны, выходили на улицы принять участие в величайших событиях российской истории. Эти события нашли отражение и в различных фотографических источниках.

Исследователи активно используют фотодокументы в качестве иллюстративного материала, однако не уделяют должного внимания к ним как самостоятельным источникам, хотя они обладают высокой информационностью. Фотодокумент способен мгновенно запечатлеть событие, факт реальной действительности, при этом момент съемки всегда совпадает с самим событием. Однако, несмотря на уже имеющиеся

разработки научно-методического обеспечения источниковедческого анализа аудиовизуальных документов [1], преобладает традиционное отношение к ним как дополнительному материалу к документам на бумажной основе. Вместе с тем, обращение к фотодокументу как историческому источнику позволяет глубже понять происходившие события, раскрыть важные детали, расширить исследовательское поле.

В собрании Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб) хранятся фотодокументы, запечатлевшие манифестации, демонстрации, митинги, парады, происходившие на протяжении всего революционного 1917 г. в Петрограде. В настоящее время весь негативный фонд по этой теме представлен на портале «Архивы Санкт-Петербурга». Примечательно, что именно с фотодокументов, зафиксировавших манифестацию, началась история собрания ЦГАКФФД СПб. 4 февраля 1926 г. вышел декрет СНК «О передаче Центральному архиву РСФСР негативов фотоснимков и кинофильмов, имеющих историко-революционный интерес» [2, ст.47]. В Ленинграде эту работу начал проводить Ленинградский центральный исторический архив (ЛЦИА), а в ноябре 1929 г. ее продолжил фотоотдел Ленинградского областного архивного бюро (ЛОАБ) [3, д. 73, л. 108], возглавляемый Д.М.Кузьминым. Первыми поступили в фотоотдел в 1929 г. работы фотолюбителя Д.Ф.Недосекина, ученого лесоведа Охтинского учебно-опытного лесничества. Это были три позитива, запечатлевшие манифестацию рабочих Охтинского порохового завода 18 июня 1917 г. Позднее коллекцию фотодокументов историко-революционной тематики обогатили работы фотографов династии Булла, Я.В.Штейнберга и др. Большая часть документов историко-революционной тематики, согласно распоряжению Центрального архивного управления Союза ССР, была передана в Москву в Центральный фотокиноархив. Тем не менее, ленинградским архивистам удалось дополнительно собрать и сохранить немало фотодокументов, которые сегодня хранятся в ЦГАКФФД СПб.

При определении групп документов данной тематики, следует определиться с терминами манифестация и демонстрация, отсюда будет складываться понимание, какие документы могут войти в эту группу. В словаре Ушакова манифестация и демонстрация даны как слова синонимы, обозначающими уличное шествие с целью заявления определенных политических требований, для выражения сочувственного отношения к каким-нибудь фактам политического характера или протеста против них. В 1917 г. любое массовое шествие принимало характер демонстрации, будь то парад юнкеров или похороны жертв революции на Марсовом поле. Поэтому фотодокументы, запечатлевшие эти события, также вошли в обзор документов по теме демонстрации и манифестации в 1917 г. в Петрограде. П.К.Корнаков относит демонстрации, похороны, военные парады (смотры), молебны, митинги, шествия, собрания в революционной России 1917 г. к ритуальным действиям, которые были эффективным способом решения

назревших проблем [4, с. 364-365]. Этот подход позволяет понять причины проведения такого количества демонстраций, манифестаций и различных шествий в течение всего 1917 г.

Среди фотоснимков, отразивших революционные события 1917 г., было выявлено 390 негатива и 115 позитивов, запечатлевших различного рода демонстрации, шествия, парады и манифестации. Можно выделить такие группы фотодокументов как демонстрации в первые дни Февральской революции, манифестации у Таврического дворца, на Знаменской площади, демонстрация женщин 19 марта, демонстрации подростков-рабочих и учащихся, парад юнкеров 19 марта на Дворцовой площади, манифестация эстонцев 26 марта, манифестация инвалидов и увечных воинов 17 апреля, манифестация украинских солдат, похороны Жертв революции на Марсовом поле, первомайская демонстрация, демонстрации 18 июня на Исаакиевской площади и на Марсовом поле, демонстрации в поддержку Учредительного собрания. Ознакомление с фотодокументами, позволяет представить спектр слоев и групп населения, принявших участие в революционных событиях.

На фотодокументах, запечатлевших первые дни после Февральской революции предстают рабочие Литейного района Петрограда, следующие колонной по Невскому проспекту с лозунгом «Да здравствует Демократическая Республика, Учредительное собрание, Народу Земля и Воля!» [5], воинские части, присоединившиеся к демонстрантам [6], солдаты и офицеры Петроградского гарнизона с лозунгом «Долой монархию!» [7], личный состав Петроградской усиленной автомобильной мастерской с броневиками перед отправкой к Таврическому дворцу с лозунгом «Да здравствует Демократическая республика» [8] и многие другие.

Таврический дворец, в котором на начало революционных событий заседала Государственная Дума, стал центром притяжения революционных масс и демонстраций. Уже 27 февраля в левом его крыле расположился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, а в правом, сначала, Временный комитет Государственной думы, а затем, до июля 1917 г., Временное правительство. Здесь же до августа 1917 г. заседал ВЦИК Советов. Изучая фотоснимки, можно увидеть, что на манифестацию у Таврического дворца собрались представители различных социальных групп: рабочие и женщины-работницы различных предприятий, студенты, солдаты и матросы.

Начав, по сути, революцию 23 февраля, женщины еще не раз выходили на улицы Петрограда с демонстрациями. 19 марта они вышли с политическими лозунгами. Тогда состоялась 40-тысячная демонстрация под лозунгами «Избирательные права женщинам», «Место женщин в Учредительном собрании», «Гражданки Свободной России требуют избирательных прав», «Слава женщинам борцам за свободу». В.К.Булла заснял моменты, когда колонна демонстранток проходила по Невскому

проспекту. Благодаря сохранившимся фотодокументам, мы можем представить, что происходило в этот день. Перед нами огромная колонна женщин с плакатами, замершие трамваи и автомобили, остановившиеся извозчики.

9 апреля 1917 г. в Петрограде прошел солдатский митинг, на котором был заявлен протест против вывода из города революционных войска Петроградского гарнизона, а также состоялась массовая демонстрация «солдаток», на которой женщины требовали увеличения казенного пайка. Эта женская манифестация была запечатлена В.К.Буллой. На снимках представлена большая колонна женщин с лозунгами требований о прибавке пайка семьям солдат. Один из лозунгов содержит призыв «Кормите дѣтей засчитников Родины» [9].

В демонстрации вовлекались и дети. В.К.Булла заснял колону рабочих Табачной фабрики Шапошникова и детей, несущих плакат, совместивший лозунг о введении 8-часового рабочего дня и отмене детского труда [10]. Фотоснимок Я.В.Штейнберга запечатлел учеников городского училища с лозунгом «Да здравствует бесплатное народное образование». Снимок сделан в помещении, на переднем плане стоят дети с учителями в окружении солдат. На фотодокументе отсутствует действие, группа статично стоит, однако плакат с лозунгом задает весь тон демонстративности, столь свойственной этим революционным дням. Скорее всего плакат был подготовлен к первомайской демонстрации. «Огонек» 1917 г. описывая первомайскую демонстрацию отметил, что «детские манифестации привлекали всеобщее внимание. На знамени детских манифестантов была надпись: «Да здравствует бесплатное народное обучение» [11].

19 марта состоялся парад юнкеров на Дворцовой площади под патриотическими лозунгами в поддержку войны. Принимал его командующий Петроградским Военным Округом генерал Л.Г.Корнилов. Фотодокументы этого события хранятся в ЦГАКФФД СПб как в негативах, так и позитивах. На позитивах представлены общие планы построения колон курсантов военных училищ на Дворцовой площади. Я.В.Штейнберг запечатлел юнкеров Николаевского кавалерийского училища во время парада [12, с.247]. Тогда же Булла заснял курсантов, проходящих колонной на параде с лозунгами «Во имя свободы война с германизмом до полной победы» и «Без победы нет свободы» [13].

Особая группа фотодокументов посвящена такому событию как похороны жертв Февральской революции в Петрограде. «В мировой истории не было еще манифестации таких размеров, как та, которую посчастливилось пережить населению Петрограда в день 23 марта...в похоронах участвовало больше миллиона граждан» - отмечал «Огонек» в 1917 г. [14, с.193]. В коллекции ЦГАКФФД СПб насчитывается 114 негативов и 18 позитивов, относящихся к этому событию.

По репортажным съёмкам можно восстановить все этапы этого мероприятия: шествие процессии по улицам города, возложение венков, митинг на Марсовом поле, сооружение братских могил и возвращение участников процессии с Марсова поля по Каменноостровскому проспекту. Ритуальное шествие было тщательно спланировано и подготовлено, над колонами манифестантов множество плакатов и транспарантов, солдаты и рабочие несут гробы с телами погибших защитников революции, вдоль дорог на протяжении шествия стоит оцепление, множество людей наблюдает за действием. На Марсовом поле запечатлены представители похоронной комиссии, члены Государственной Думы и Временного правительства, организаторы похорон и последние почести погибшим жертвам революции: сооружение братской могилы и возложение венков.

7 апреля, накануне первомайских праздников, состоялась манифестация увечных воинов. Оригиналы фотодокументов, хранящиеся в ЦГАКФФД СПб, автором которых является Я.В.Штейнберг, были опубликованы в «Огоньке» в апреле 1917 г. На них запечатлены солдаты-инвалиды, направляющиеся по Невскому проспекту к Таврическому дворцу, с плакатами, призывающими продолжать войну: «Война за свободу народов!!! До полного уничтожения германского милитаризма» [15], «Отечество в опасности. Пролитая нами кровь требует войны до победы. Товарищи-солдаты немедленно в окопы. Вернуть Ленина Вильгельму» [16] и ослепшие воины с плакатом «Ослепшие воины. Война до полной победы. Да здравствует свобода!» [17], а также инвалиды войны, расположившиеся в зале заседаний в Таврическом дворце [18].

26 марта прошла манифестация эстонцев с лозунгами «Да здравствует Автономная Эстония». По сохранившимся 17 ед. хр. фотодокументов, виден ее размах, колону возглавили эстонские солдаты, далее следовало гражданское население. На одном из документов запечатлена колонна женщин с национальным эстонским флагом [19].

Шествие украинских солдат под национальным флагом запечатлел В.К.Булла. В количестве 5 ед. хр. они также находятся в коллекции ЦГАКФФД СПб.

Особо следует отметить первомайскую демонстрацию. Это событие нашло отражение на 91 негативах и 14 позитивах в архиве. По степени организации это событие можно сравнить с организацией похорон жертв Февральской революции. Над демонстрантами плакаты и транспаранты, отражающие помимо праздничных приветствий самые разные лозунги: «Да здравствует праздник труда. Да здравствует социализм», «Да здравствует демократическая республика», «Земля и воля», «Берегите юную свободу» и др. Демонстранты запечатлены на Марсовом поле, Исаакиевской площади, Невском проспекте, Дворцовой площади. Это представители разных социальных групп, профессиональных союзов и политических партий. Мы видим группы держащие транспаранты от профессиональных союзов рабочих металлистов [20], садоводов [21], союза конторщиков [22],

монетного двора [23] и пр. На снимках рабочие, солдаты, интеллигенция, дети, женщины, студенты. Центром первомайского праздника стало Марсово поле, на котором было расставлено двадцать трибун. Кроме того, импровизированные трибуны устраивались на подъезжавших грузовиках. Знакомство с фотодокументами дает представление о том, что первомайский праздник 1917 г. был действительно всенародным.

18 июня началось последнее наступление русских войск в ходе Первой мировой войны. В фотодокументах отразился марш манифестантов по Невскому проспекту в поддержку наступления на фронте с лозунгами «Да здравствует наступление», и митинг в поддержку наступления на Исаакиевской и Мариинской площадях. На одном из документов Я.В.Штейнберг запечатлел колону совершенно разную по своему социальному составу. На переднем плане оказались дети и женщины, рядом с ними несколько мужчин - представителей интеллигенции. Среди массы народа лишь несколько человек в военной форме, двое солдат держат транспарант «Да здравствует наступательная армия 18 июня!» [24].

В этот же день на Марсовом поле у могилы жертв революции, проходила другая демонстрация под лозунгами «Вся власть Советам!», «Долой министров – капиталистов!» и «Нет сепаратного мира», превосходящая по массовости манифестацию в поддержку наступления на фронте. Данное о нашло отражение в фотодокументах. Присутствовавший на демонстрации Я.В.Штейнберг запечатлел разные группы демонстрантов, как с эсеровскими, так и большевистскими лозунгами.

Интересен фотодокумент, на котором официанты-манифестанты стоят с плакатами «Долой чаевые подачки», «Мы заставим уважать в официанте человека» и пр. [25]. Предположительное время демонстрации - июнь 1917 г. Сейчас сложно установить более точную дату, однако снимок очень хорошо передает дух революционного протеста, охвативший разнообразные слои общества, в данном случае, даже официантов, вышедших с подобными лозунгами.

3 июля 1917 года Первый запасной пулеметный полк, квартировавший в Петрограде, обеспокоенный слухами об отправлении на фронт, начал подготовку вооруженной демонстрации. Целью демонстрации было свержение Временного правительства. 4 июля в столице состоялась крупнейшая демонстрация под лозунгом «Вся власть Советам!». Вооруженное шествие солдат и матросов, прибывших из Кронштадта, должно было пройти по Невскому проспекту до Таврического дворца, где и заявить требование смены власти. Командующему Петроградским военным округом генералу П.А. Половцеву удалось организовать сопротивление: были вызваны войска с фронта, организованы верные правительству военные части и казаки. По всему Невскому проспекту произошли вооруженные столкновения, были убитые и раненые с обеих сторон. Одно из таких столкновений на углу Невского проспекта и Садовой улицы и было запечатлено В.К.Булла, на ставшем знаменитым снимке, негатив-

репродукция которого сейчас хранится в коллекции ЦГАКФФД СПб [26]. Этот эмоциональный и динамичный кадр до сих пор производит сильное впечатление. Перед нами разворачивается реальная трагедия, которую трудно понять из сухих статистических цифр погибших и раненных в июльские дни 1917 г. На нескольких позитивах запечатлены похороны казаков, убитых в ходе уличных вооруженных столкновений, проведенные с большим размахом Временным правительством.

Завершают тему демонстраций 1917 г. фотодокументы, зафиксировавшие манифестацию в день предполагаемого открытия Учредительного собрания. В этот день около 40 делегатов в Таврическом Дворце приняли решение отложить официальное открытие Собрания до прибытия достаточного числа депутатов. На Невском проспекте состоялась демонстрация в поддержку Учредительного собрания. На снимках демонстранты с плакатами «Вся власть Учредительному собранию! Государственный Банк» [27], «Добро пожаловать народные избранники» и «Вся власть Учредительному собранию. Привет лучшим гражданам земли русской» [28] - это представители интеллигенции (здесь мы не видим солдат и рабочих). Состав демонстрантов существенно отличен от состава предшествующих демонстраций, которые хотя и отличались пестротой, но, тем не менее, проходили с преобладающим количеством солдат и рабочих. По приказу большевиков мирная демонстрация в защиту Учредительного Собрания была расстреляна. Однако в фотодокументах ЦГАКФФД СПб этот факт не нашел отражения.

Обращение к фотодокументам, зафиксировавшим события 1917 г. в Петрограде, позволяет не со слов журналистов и мемуаристов, а самостоятельно увидеть участников происходивших действий, визуально представить события, эмоционально ощутить революционную атмосферу в столице. Обращение к фотодокументам дает исследователю новые возможности в осмыслении событий, запечатленных на них.

Источники и литература

1. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2015.
2. О передаче Центральному архиву РСФСР негативов фотоснимков и кинофильмов, имеющих историко-революционный интерес: декрет СНК от 4 февраля 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 7.
3. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-892. Архивный комитет Санкт-Петербурга. Оп. 1.
4. Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.
5. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (далее - ЦГАКФФД СПб). Д 1816.
6. ЦГАКФФД СПб. Ж 489.
7. ЦГАКФФД СПб. Д 1989.
8. ЦГАКФФД СПб. Е 2822, Е 2823.
9. ЦГАКФФД СПб. Д 3703.

10. ЦГАКФФД СПб. Г 101.
11. Огонек. 1917. № 16.
12. ЦГАКФФД СПб. Г 14538.
13. ЦГАКФФД СПб. Д 1841.
14. Огонек. 1917. № 13.
15. ЦГАКФФД СПб. Д 19801.
16. ЦГАКФФД СПб. Д 19806.
17. ЦГАКФФД СПб. Д 19803.
18. ЦГАКФФД СПб. Д 19805.
19. ЦГАКФФД СПб. Д 1986.
20. ЦГАКФФД СПб. В 1875.
21. ЦГАКФФД СПб. Д 19795.
22. ЦГАКФФД СПб. Д 19793.
23. ЦГАКФФД СПб. Д 1930.
24. ЦГАКФФД СПб. Д 18957.
25. ЦГАКФФД СПб. Г 18750.
26. ЦГАКФФД СПб. Г 195, Ар 338532.
27. ЦГАКФФД СПб. Г 14580.
28. ЦГАКФФД СПб. Г 192.

Ласочко Л.С.,
*ст. научный сотрудник отдела
научно-исследовательской работы и
информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»*

ПОРТРЕТ РУКОВОДИТЕЛЯ: ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР Г.Б. ШТЮРМЕР

10 июня 1916 г. на основании Высочайшего приказа по гражданскому ведомству в должность Курского вице-губернатора вступил Георгий (Юрий) Борисович Штюмер, 36-летний надворный советник, сын премьер-министра России, потомственного дворянина Б.В. Штюмера [2, д. 8020, л. 57об.].

К моменту вступления в должность Георгий Борисович имел уже весьма солидный послужной список.

Георгий (Юрий) Борисович Штюмер родился 14 февраля 1880 г. в Санкт-Петербурге в семье потомственного дворянина Штюмера Бориса Владимировича. Юношеские годы провел в Ярославле, куда его отец был назначен на должность губернатора. Воспитанник Ярославской гимназии Штюмер по окончании курса наук в Ярославском Демидовском юридическом лицее в 1904 г. со степенью кандидата прав был определен на службу в Министерство внутренних дел. Первоначально исполнял обязанности секретаря Департамента общих дел, а затем был переведен помощником столоначальника. За усердие и отличие в 1904 г. был произведен в титулярные советники, а в 1907 г. (уже за выслугу лет) - в

коллежские советники со старшинством. В эти же годы был избран членом – сотрудником Ярославского естественно-исторического общества.

Еще будучи студентом Ярославского Демидовского юридического лица Г. Б. Штюмер 7 января 1901 г. обвенчался с княжной Екатериной Алексеевной Долгорукой. В этом же году у них родилась дочь Елизавета. Семейная жизнь, однако, не сложилась: 5 ноября в 1905 г. Святейшим Синодом брак с княжной Долгорукой был расторгнут.

3 февраля 1909 г. Г. Б. Штюмер был назначен советником Пензенского губернского правления. В течение года ему неоднократно пришлось исполнять обязанности Пензенского вице-губернатора. Одновременно он состоял действительным членом Пензенского общества поощрения рысистского коннозаводства, Пензенского Отдела Императорского общества правильной охоты, являлся членом-сотрудником Общества поощрения трудолюбия в г. Пензе, был утвержден в звании члена – соребнователя уездного комитета Попечительства о народной трезвости и ряда других общественных организаций. В апреле 1910 г. согласно поданному прошению был уволен со службы.

С января 1912 г. местом службы Г. Б. Штюмера стал город Одесса. Он был зачислен в штат Канцелярии Одесского градоначальника. 6 февраля 1912 г. был назначен секретарем Одесского комитета попечительного о тюрьмах общества, а уже 14 марта Высочайшим приказом утвержден Императором в звании Директора этого комитета. Надо отметить, что, находясь в должности секретаря, Г.Б. Штюмер жалования не получал. Как и в прежние годы Георгий (Юрий) Борисович состоял членом многих благотворительных обществ: Одесской еврейской больницы, Одесского отделения Центрального комитета Московского совета детских приютов, являлся Почетным членом Одесского городского Попечительства детских приютов и др. За выслугу лет в мае 1913 г. Штюмер был произведен в надворные советники со старшинством. В этот же период ему была пожалована светло-бронзовая медаль в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. на Владимирской ленте, а также выдано свидетельство на право ношения на груди светло-бронзовой медали, учрежденной в память 300-летия царствования Дома Романовых.

В августе 1913 г. состоялось венчание директора-секретаря Одесского тюремного комитета, 33-летнего надворного советника, потомственного дворянина Георгия (Юрия) Борисовича Штюмера и дочери отставного генерал-лейтенанта, дворянки Екатерины Дмитриевны Офросимовой.

В Одессе Штюмер прослужил недолго. 17 сентября 1913 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству он был назначен советником Симбирского губернского правления. В эту должность он вступил 14 октября 1913 г. Как и прежде, в Одессе, состоял действительным членом Симбирского отдела Российского Общества Красного Креста, членом Симбирского уездного училищного совета от МВД, почетным

членом Симбирского губернского попечительства детских приютов, членом-секретарем Правления общества о Симбирском Доме Трудолюбия.

В связи с началом первой мировой войны в тыловые районы губерний стали поступать потоки раненых. Повсеместно стали организовываться общества помощи пострадавшим от военных действий. Штюмер Г.Б. был включен в состав Симбирского губернского отделения, состоящего под Августейшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, Особого комитета по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванным на военную службу, а также был избран на должность управляющего делами Симбирского отделения комитета Её Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. В феврале 1914 г. Георгию Борисовичу был пожалован орден Святой Анны третьей степени, а 6 декабря 1914 г. он был награждён орденом Святого Станислава 2 степени.

Весьма обширную географию мест службы Г. Б. Штюмера до прибытия его в Курск пополнила Вологда, куда Высочайшим приказом от 6 апреля 1915 г. он был назначен неперменным членом Вологодского губернского по земским и городским делам присутствия.

О службе Г. Б. Штюмера в Курске известно немного. Вступив в должность вице-губернатора, с первых дней службы он «показал себя прекрасно подготовленным администратором, обладающим безукоризненными личными качествами и тактичностью», что давало основание считать его, «ценным и надёжным помощником губернатора» [2, д. 8020, л. 58]. Так характеризовался Курским губернатором А.К. Багговутом, вновь прибывший чиновник.

Спустя полгода с момента вступления Г. Б. Штюмера в должность, в Департамент общих дел МВД были препровождены несколько иные, более сдержанные сведения «о служебных и нравственных качествах»: «очень горяч, по молодости лет нет достаточной выдержки. Служебные обязанности свои несёт исправно, со старанием» [2, д. 8020, л. 66об. - 67].

Документы, хранящиеся в фонде Канцелярии Курского губернатора, подписанные вице-губернатором Г. Б. Штюмером от лица губернатора, свидетельствуют о том, что непродолжительное время (с 10 июня 1916 г. до 1 апреля 1917 г.) ему пришлось исполнять функции правителя губернии. За столь короткий срок он не мог себя в чем-то особенно проявить, однако, в истории Курской губернии Г.Б. Штюмер стал последним должностным лицом, подписавшим документы от лица губернатора – с 1 апреля 1917 г. под документами стоит подпись военного комиссара губернии.

После Октябрьских событий 1917 г. семья Штюмеров оказалась в Севастополе, откуда эмигрировала в Константинополь. С 25 апреля 1921 г. местом их пребывания, как и многих других соотечественников, стало Королевство сербов, хорватов и словенцев – это была 1-я сербская эвакуация. Местечко Земун близ города Белград приютило

Юрия Борисовича и Екатерину Дмитриевну Штюмер. Известно, что Юрий Борисович служил на заводе «Икарус» [4, д. 1921, л. 2238]. Сведения о нем обрываются в 1932 г.

Копии документов из Государственного архива Российской Федерации, Государственных архивов Ульяновской и Ярославской областей, которые легли в основу публикации, были получены от правнука Георгия (Юрия) Борисовича Штюмера Валентина Николаевича Витебского, собравшего материалы, позволившие по крупицам восстановить биографию его прадеда.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6792. Управление делами русской эмиграции в Сербии. Белград. Оп. ш.
2. Государственный архив Курской области. Ф. 1. Канцелярия Курского губернатора. Оп. 1.

*Михайлова Ю.М.,
студентка 3 курса факультета ФСК
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
(научный руководитель к.ф.н., доцент Шумакова Ю.И.)*

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА О РЕВОЛЮЦИИ (ПО МОТИВАМ ТВОРЧЕСТВА Г.В. ДОБРЖИНСКОГО)

Революция 1917 года – историческое событие XX века, изменившее ход мировой истории, судьбу России. Она расколола страну на две противоборствующие части: одни встречали её с пламенным восторгом, надеждами и ожиданием позитивных перемен; другие – с ненавистью, едко и цинично комментируя происходящее. Информация о событиях тех дней нашла широкое отражение на страницах периодической печати. Заметим, что в 1917 г. газеты и журналы выходили более чем в 180 городах России.

Главными темами были политические дебаты, критика власти, сводки с фронтов Первой мировой войны, которая длилась уже более 2-х лет. Безусловно, публицистика активно реагировала на актуальные исторические события, оказывая значимое воздействие на читателя. Так, в статьях, заметках, эссеистике подробно описывалось отречение Николая II от престола; в газете «Русское слово» от 1917 г. было написано «*Старый режим умер. Император Николай II отрекся от престола!*» [3].

Одно из интереснейших жанровых явлений в периодике 1917 г. был политический фольклор, который использует традиционный народный язык, образы, стиль. Примечательно, что новая власть благоволила так называемому «новому фольклору», всячески поддерживая его, транслируя через разные культурные тексты [4].

Меня заинтересовала политическая сказка писателя Г.В. Добржинского «Сказка о царе-Недоумке и вельможах-умниках», напечатанная в 1917 г. в газете «Курская жизнь» (№ 45–49). К большому сожалению, о творчестве этого писателя современному читателю практически ничего неизвестно. Однако в словаре «Писатели современной эпохи. Библиографический словарь русских писателей XX века» есть упоминание об этом авторе. Итак, что нам удалось о нем узнать?

Добржинский Гавриил Валерианович (1883–1946), противник монархического строя, был выходцем из помещичьей семьи. С самого детства он помогал крестьянам, освобождая их от недоимок. В 16 лет был арестован за чтение запрещенной крестьянской литературы. Творческая деятельность Добржинского началась в 18 лет, когда в газете «Россия» вышел его рассказ «Отблеск». В 1905 г. он, студент Московского университета, участвовал в революционных событиях. В боях на баррикадах Добржинский получил травму, в результате которой полностью потерял зрение. После этих трагических событий он был сослан в Архангельск, а затем в Астрахань.

Вернувшись домой, молодой писатель продолжил свою деятельность: начал писать рассказы, которые посылал в различные издательства, надеясь на внимание читателей к своим произведениям.

В 1911 г. Добржинский начинает издавать свои произведения в «Саратовского вестника» под псевдоним «Дизз». За десять лет упорной работы он написал огромное количество статей, фельетонов, стихов, очерков.

Революцию 1917 г. Добржинский встретил в своем родном городе Саратове. В течение всей своей творческой деятельности он был искренне предан идеям революции, создавая в своих произведениях светлый образ новой жизни. Во время Гражданской войны Гавриил Валерианович был на польском фронте, печатался в газетах «Красный боец» и «Красный воин». Добржинский является автором сказок, рассказов, романов, драматических произведений: («Бабушка Варя» (1928), «Слуга дьявола» (1931), «Гость» (1937), «Дети» (1937), «Взлет» (1939)) [5, с. 115].

Как мы видим, творческая биография писателя была довольно насыщена и продолжительна, он активно издавался в 20–40-е гг. XX в., был востребованным и нужным своей эпохе литератором. Однако в настоящее время большинство его произведений находятся в архивах, не переиздаются и неизвестны современному читателю.

Сложная судьба и у найденной нами сказки. Ее невозможно найти в доступной форме для чтения ни в библиотеках города Курска, ни в Интернете. Интересно, что произведение сохранилось в частных коллекциях, в том числе, у родственников писателя.

Впервые «Сказка о царе-Недоумке и вельможах-умниках» была опубликована в Петрограде в 1917 г. партией социалистов-революционеров. После чего произведение переиздавалось ещё несколько раз в России (в

1919 г. и в 1923 г.). Однако постепенно о ней забыли. Возможно, это связано с тем, что интерес к политическим темам, в частности к свержению старой власти, постепенно угас к 30-м гг. Для нового политического строя, особенно после Гражданской войны, было важно поддерживать и транслировать идею единения и сплоченности. Веяние постреволюционного времени – «культурная революция» – была направлена на переустройство духовного сознания нового общества под четким контролем государства. В связи с этим начинают создаваться новые мифы и образы: о пролетарском писателе – «инженере человеческих душ», о мудром вожде, о новом человеке – строителе нового светлого будущего [1, с. 214].

Сказка Г.В. Добржинского, опубликованная в 1917г., была актуальна для своего времени – революционного, ожидающего кардинальных изменений и смены политического курса. Сюжет «Сказки о царе-Недоумке и вельможах-умниках» прост: недовольный народ задумал переворот, свергает Царя-Гороха. Как мы видим, сказочные события «повторяют» события, происходящие во время правления последнего русского императора Николая II. Сказка изложена в сатирической форме, иногда – гротескной форме.

Начало произведения интересно, тема переворота и изменений, о которых думают мужики, становится доминантой повествования. Обратимся к тексту.

Начало: раз, два, три, четыре....

Мужики сидят в трактире,
Чай горячий сытный пьют
Да про волю речь ведут;
Жить с ней-матушкой не худо,
Да взялось-то все от куда?
Как надумался народ
Совершить переворот? [2]

Главная идея сказки – борьба народа с царем Горохом и его вельможами «в русском славном царстве, православном государстве». Согласно тексту, «неучтивый народ» пытается свергнуть правившую власть во имя Свободы. На подмогу к нему приходят освободители, помощники: «конь» и «войско» – избавители земель русских от царского гнёта. В финале народ побеждает, его мечты и надежды сбываются.

Весьма интересны в данном произведении исторические параллели: народ, ожидающий как спасение отречение «царя-недоумка», неспособного и глупого. Так, в 26-й главе сказки Добржинского «зверь-народ» обращается к «царю Гороху» с требование отречься от престола. Обратимся к тексту.

Проживем и без царей, –
Отрекайся поскорей...
Есть у нас одна Царица,
То жена Царя Народа,
С гордым именем – Свобода –
Ты ж отставку получай... [2].

Связь с историческим событием очевидна: 2 марта 1917 года Николай II под давлением комитета Государственной думы и Петроградского совета подписал манифест об отречение от престола в пользу брата Михаила Александровича.

Вполне вероятно, что появление «Сказки о царе-Недоумке и вельможах-умниках» в газете «Курская жизнь» неслучайно, ведь она отвечала всем требованиям революционного времени. Однако остается загадкой, каким образом данное произведение оказалось в руках курских издателей. Возможно, редактор М.Е. Ливанов был лично знаком с писателем и журналистом Г.В. Добржинским, поскольку оба принадлежали к партии социалистов-революционеров.

Таким образом, в будущем возможны новые открытия и объяснения многих загадочных аспектов, связанных не только со «Сказкой о царе-Недоумке и вельможах-умниках», но и жизнью и творчеством Г.В. Добржинского.

Источники и литература

1. Березовая Л.Г., Берлякова Н.П. История русской культуры. В 2-х ч. Часть 2. М., 2002.
2. Добржинский Г.В. Сказка о царе-Недоумке и вельможах-умниках // Курская жизнь. 1917. №45 - 49.
3. Отречение Николая II. По страницам газеты Русское слово за 4 марта. 1917 г. Часть 1. // Русское слово. 1917. №50. URL: http://nik1911.ucoz.ru/blog/otrechenie_nikolaja_ii_po_stranicam_gazety_quot_russkoe_slovo_quot_zh_4_marta_1917_g_chast_1/2013-03-15-184.
4. Панченко А. Русский политический фольклор. Исследования и публикации. М., 2013.
5. Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь русских писателей XX века. Том 1/ Под редакцией Б. П. Козьмина. М., 1992.

Пинаева И.В.,
преподаватель ОБПОУ «Курский автотехнический колледж»

СРЕДНИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ Г. КУРСКА В КОНЦЕ 1916 - НАЧАЛЕ 1918 гг.

Революционные события февраля и октября 1917 г. в России повлекли за собой серьезные потрясения и колоссальные изменения в жизни страны. Эти изменения затронули не только столичные крупные города, но и провинцию, в том числе, город Курск. Постепенно изменения коснулись и сферы образования.

Цель данной работы - основываясь на архивных материалах, рассмотреть жизнь средних учебных заведений города Курска в

предреволюционный и революционный период (конец 1916 г. - начало 1918г.), отследить происходившие процессы, выявить изменения.

Рассматривая сферу среднего образования в Курске в указанный период, прежде всего, обратимся к образовательному процессу в женских гимназиях. Из пяти женских гимназий, существовавших в городе, в данной работе внимание уделено двум - Курской второй женской гимназии и Курской женской гимназии, учрежденной педагогическим комитетом.

Согласно Отчету Курской второй женской гимназии, основанной в 1900 г., по состоянию на 1 января 1917 г. в гимназии насчитывалось 7 «нормальных классов», 1 дополнительный, 7 параллельных и 2 приготовительных. Число учениц составило 867 человек. Социальный состав ученического коллектива был весьма разнообразен: 135 потомственных дворянок, 183 дочери личных дворян и чиновников, 53 дочери лиц духовного звания, 98 дочерей почетных граждан и купцов, 232 девушки из мещан и цеховых, 165 крестьянок, 1 иностранка. Конфессиональный состав был также неоднороден: 770 православных, 21 ученица римско-католического вероисповедания, 4 представительницы иных христианских конфессий, 72 девушки иудейского вероисповедания [1, д. 65, л. 5]. Состояние здоровья большего числа учениц можно назвать удовлетворительным. К 1 января 1917 г. из 867 учениц прошли медицинский осмотр 849, из них было отмечено хорошее питание 183 учениц, среднее питание 591 ученицы и плохое питание 75 учениц, что соответственно, свидетельствовало об уровне жизни семей, в которых воспитывались гимназистки. Также в результате осмотра были выявлены различные заболевания: в 96 случаях - близорукость, в 75 - искривление позвоночника, нервное расстройство было выявлено у 21 ученицы, на частые головные боли жаловались 242 гимназистки [1, д. 65, л. 24].

В библиотеке гимназии насчитывалось 3790 названий различных книг. Кабинеты профильных дисциплин были обеспечены соответствующим оборудованием. Здание гимназии имело электрическое отопление. Обязательными дисциплинами для изучения были: Закон Божий, русский язык, арифметика и методика арифметики, чистописание, математика, история, естественная история (с IV класса), физика, география, космография. В число необязательных дисциплин, оплачивавшихся отдельно, входили: французский и немецкий языки, гигиена, рисование, хоровое пение, танцы, сокольская гимнастика и занятие рукоделием и искусствами.

Стоимость обучения в гимназии составляла в 1915 г. - 54 руб. 46 коп. в год за одну ученицу, в 1916 г. - 57 руб. 88 коп., обучение в VIII специальном классе стоило 60 руб. в год [1, д. 65, л. 8]. В 1917 г. плата за обучение была увеличена. Это было обусловлено повышением поурочного вознаграждения преподавателям: согласно циркулярному предложению Харьковского учебного округа от 24 марта 1917 г. № 7225 на 1917 - 1918 уч. гг. было решено повысить плату преподавателям, имеющим

высшее образование, до 75 руб. за годовой урок, имеющим среднее образование - до 60 руб. соответственно. Преподающим в VIII специальном классе плата за годовой урок была повышена до 100 руб. Данные изменения были приняты протоколом заседания Попечительского Совета Курской второй женской гимназии 1 мая 1917 г., что в свою очередь привело к повышению платы за обучение в среднем на 15 руб. и составило с I по VII классы - 65 руб. в год, в VIII специальном классе - 75 руб. в год [1, д. 66, л. 8].

Пособия для содержания учащихся поступали от Курской Земской управы (300 руб. за 1916 г.), Курской Губернской Земской управы (67 руб. 50 коп. в год), от Курского Дворянского Депутатского собрания (287 руб. в год), от Родительского комитета (1712 руб. в год) и от Курского отделения комитета Великой княжны Татьяны Николаевны (2502 руб. 50 коп.). Всего же за 1916 г. учащиеся Курской второй женской гимназии получили пособия на сумму 4884 руб. 50 коп. [1, д. 65, л. 20].

Почётной попечительницей гимназии являлась графиня Екатерина Николаевна Клейнмихель, начальницей гимназии - Мария Александровна Блюм, председателем педагогического совета - Виктор Николаевич Блукет. В педагогический коллектив входил 51 человек, в их числе: преподаватели, многие из которых имели университетское образование или окончили высшие женские курсы, классные надзирательницы, письмоводительница, врач гимназии Анна Нестерова, преподававшая также гигиену [2, д. 16, лл. 2 - 3 об.]. Стоит отметить, что в условиях военного времени, вызванных Первой Мировой войной, персонал гимназии производил отчисления из своего содержания на нужды раненых и больных воинов, содержал кровати в лазаретах. Педагогический коллектив на свои средства открыл и содержал приют для осиротевших детей, делал пожертвования в пользу пострадавших жителей царства Польского и Сербии. Учащиеся гимназии непрерывно привлекались к изготовлению одежды и белья для воинов, неоднократно устраивались сборы пожертвований для разнообразных военных нужд [1, д. 65, л. 11].

В 1917 г. материальное положение гимназии ухудшилось. Согласно смете прихода и расхода сумм, на 1917 г., принятой протоколом заседания Попечительского Совета от 23 октября 1917 г., гимназия получала следующие доходы: от Городской управы за 1916 г. - 1950 руб., за 1917 г. - 1950 руб.; пособие из сумм МНП (Министерство народного просвещения) - 2000 руб. Суммы сбора за обучение составляли 60275 руб. за обязательные предметы и 8875 руб. за необязательные предметы. Одновременно, 80 воспитанниц гимназии были освобождены от платы за обучение (на сумму 5200 руб.). Всего же доходы гимназии составили 75221 руб. за год, а расходы - 73950 руб. В сумму расходов вошли содержание личного состава сотрудников гимназии, средства на содержание библиотеки и закупку учебных пособий для кабинетов, а также хозяйственные расходы (аренда помещения гимназии - 9600 руб. в год, пользование водой - 500 руб. в год,

освещение и отопление - 6000 руб. и т.д.) [1, д. 68, л. 4]. В связи с значительным повышением цен на отопление и освещение в 1917 г., Попечительский Совет гимназии, опасаясь, что получаемых средств не хватит для оплаты расходов, обратился в Министерство Народного Просвещения с ходатайством об ассигновании пособия на содержание параллельных классов. Примечательно, что Губернское земство предложило гимназии помощь на следующих условиях: ежегодно ассигновать 4000 руб. и избрать своих представителей в члены Попечительского Совета при условии не принимать в гимназию дочерей евреев. Но руководство Курской второй женской гимназии на это предложение не согласилось, так как оно противоречило Положению от 24 мая 1870 г. о женских гимназиях и прогимназиях, учрежденных для всех вероисповеданий [1, д. 68, л. 5].

Судя по журналам заседаний педагогического совета Курской второй женской гимназии, революционные события в 1917 г. мало затронули повседневную жизнь гимназии. Однако 1918 г. постепенно стал вносить свои коррективы. Так согласно журналу заседания педагогического совета от 4 января 1918 г. одним из вопросов, обсуждаемых на педсовете было предложение Центрального Бюро Союза Союзов служащих правительственных и общественных учреждений Курской губернии по вопросу о вступлении служащих 2-й женской гимназии в Союз Союзов и принятии участия в выборах в Курский Совет Рабочих Депутатов. На заседании педсовета 22 января 1918 г. обсуждалось отношение Курского комиссариата по отделу просвещения от 18 января № 880, в котором предлагалось пополнить состав педагогического совета гимназии представительницами от учениц старших классов, начиная с пятого, по две от каждого класса. Было принято постановление: принять данное решение к сведению и исполнению [1, д. 67, л. 10]. В состав педсовета помимо председателя, начальницы, преподавателей, классных надзирательниц и представителей родительского комитета вошли также представительницы учащихся: от пятых классов - Чистякова, Мусатова, Мальцева, Минакова; от шестых - Озерова, Антонова, Мартынова, Стрекалова; от седьмых - Скворцова, Водолажская, Глазова, Курдюмова; от восьмых классов - Мусатова, Мартынова, Борман, Дмитрук [1, д. 67, л. 19]. Таким образом, было положено начало изменению структуры управления гимназией, с введением в состав педсовета представительниц от учениц. В результате управление приобретало демократические черты.

В феврале 1918 г. в состав педагогического совета 2-й женской гимназии Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов были делегированы П.П. Степанченко и Д.Л. Штейнберг, тогда же Комиссариатом по отделу просвещения для установления более тесных связей с гимназией в качестве уполномоченного лица был назначен И.М. Ломакин [1, д. 67, л.13].

Изменения коснулись и перечня преподаваемых предметов. На заседании педсовета 19 февраля 1918 г. было принято к исполнению решение Комиссариата просвещения от 16 февраля № 1761 о прекращении преподавания в учебных заведениях Закона Божия, как обязательного предмета [1, д. 67, л.14].

Также была изменена структура управления гимназией. Согласно решению комиссара по просвещению от 31 января 1918 г. № 1634 должность начальницы гимназии была упразднена. Одновременно были учреждены должности председателя, товарища председателя и секретаря педагогического совета. На заседании педсовета 25 февраля 1918 г. были проведены выборы на указанные должности. В результате, председателем педагогического совета был избран В.Н. Блукет (67 голосов), товарищем председателя - М.А. Блюм (66 голосов), секретарем - В.К. Мейнике (66 голосов) [1, д. 67, л.19].

Постепенно сотрудники гимназии стали включаться в общественную жизнь. Так решением педсовета от 12 апреля 1918 г. по просьбе общего собрания учащихся средних учебных заведений г. Курска преподаватель пения С.М. Аркадьева была делегирована от 2-й женской гимназии в комиссию по организации клуба учащихся [1, д. 67, л. 26 об.].

Из переписки руководства 2-й женской гимназии с Исполкомом Курского Совета рабочих и красноармейских депутатов за 1918 г. следует, что профиль деятельности гимназии постепенно стал меняться и расширяться. С осени 1918 г. в вечернее время (с 6 часов вечера до 10 часов вечера) помещение гимназии предоставлялось под вечерние курсы для подготовки руководительниц детских садов. В здании гимназии также была размещена школа I-й ступени. Был изменен и статус гимназии - с октября 1918 г. в документах вместо названия «Курская вторая женская гимназия» фигурирует название «Школа 2-й ступени» или «Бывшая вторая женская гимназия». Новое учебное заведение, появившееся в ходе реорганизации, расположилось в здании бывшей второй гимназии [1, д. 70, л. 9].

Были внесены коррективы в идеологическое воспитание учениц. Так распоряжение Отдела народного просвещения Городского совета № 6677 от 22 октября 1918 г. требовало от руководства бывшей второй женской гимназии немедленно распорядиться о снятии икон, портретов бывшей царской фамилии и гербов «находящихся в помещении Советских школ» [1, д. 70, л. 9].

Таким образом, последствия революционных изменений постепенно проявились в повседневной жизни Курской второй женской гимназии: изменилась структура и система управления, был скорректирован перечень изучаемых предметов, внесены идеологические поправки, изменился статус самой гимназии.

В рассматриваемый период Курская женская гимназия, учрежденная Курским педагогическим комитетом, только начинала свою работу. Создание гимназии было связано с событиями Первой Мировой войны,

приведшими к возникновению потока беженцев из западных регионов страны. Так как многие девушки-беженки не могли найти место в учебных заведениях г. Курска, члены Педагогического комитета решили организовать для них гимназические классы. Работу по созданию гимназии возглавил директор Курского Кутузовского реального училища Статский Советник - Николай Подпрядов, начальницей гимназии стала София Александровна Блюм, 66 преподавателей учебных заведений г. Курска предложили свою помощь безвозмездно [1, д. 77, л. 12]. В сентябре 1915 г. гимназия была открыта в помещениях Торговой школы и Первого начального училища. По состоянию на 1 января 1916 г. в гимназии обучались 222 ученицы, к 1 января 1917 г. число гимназисток возросло до 488 человек. Ученицы принадлежали к разным социальным слоям: 4 потомственных дворянки, 90 дочерей личных дворян и чиновников, 5 девушек духовного сословия, 28 дочерей почетных граждан и купцов, 178 девушек из семей мещан и цеховых, 2 казачки, 157 девушек из крестьянских семей, 2 иностранки и 22 девушки, социальная принадлежность которых в документах не указана. Гимназистки придерживались разных религий: 310 православных, 71 ученица римско-католического вероисповедания, 20 - лютеранского, 87 учениц исповедовали иудаизм [1, д. 77, л. 5 об.]. На 1 января 1917 г. в гимназии насчитывалось 7 «нормальных классов», 6 - параллельных и один подготовительный. Из 322 учениц, поступивших в гимназию в 1916 г., 116 - представители местного населения и 206 беженок [6, д. 77, л. 17]. В 1916 - 1917 гг. в гимназии обучались 60 полячек-беженок и 48 беженок-евреек, насчитывалось 80 беженок из Гродненской губернии. Ученицами гимназии стали девушки-беженки из Минска, Староконстантинова, из Ровно и Двинска, из Брест-Литовска и Варшавы, из Слуцка, Риги, Слонима, Тирасполя [1, д. 81, л. 27].

Средства на содержание гимназии, учрежденной педагогическим комитетом, поступали из разных источников: из Государственного казначейства в 1916 г. поступило 1250 руб., сбор за обучение составил 8682 руб. 14 коп. Другие источники давали доход 131 руб. 30 коп. Суммы совсем небольшие, учитывая, что гимназия не имела своего учебного здания и вынуждена была платить аренду. Плата за обучение в гимназии составляла: 40 руб. в подготовительном классе и 50 руб. в год с I по VII класс. Многие ученицы по их собственной просьбе или просьбе родителей были освобождены от платы за обучение частично или полностью в связи с тяжелым материальным положением. Так в первой половине 1917 г. 94 ученицы подали прошение об освобождении от платы за обучение. Большое число гимназисток обратилось к руководству гимназии с просьбой снизить плату за обучение. В 1918 г. число учениц, не имевших возможности заплатить за обучение, возросло до 190 человек [1, д. 81, л. 11 об.].

Учитывая тяжелое материальное положение многих учениц, Курское отделение комитета Великой княжны Татьяны Николаевны оказывало им материальную помощь. Так в 1916 - 1917 гг. помощь была оказана 90 гимназисткам на сумму 1864 руб. На эти деньги были куплены: 21 шуба (стоимостью от 15 до 30 руб.), 47 пар ботинок (стоимостью от 12 руб. 50 коп. до 17 р. 80 коп.), 20 пар калош (стоимостью от 6 руб. до 8 руб. 50 коп.), 29 фартуков (стоимостью от 3 руб. 20 коп. до 5 руб. 37 коп.), 6 шапок (стоимостью от 2 до 6 руб.), 2 пары перчаток (стоимостью от 2 руб. 30 коп. до 5 руб. 55 коп.) [1, д. 81, л. 45].

Согласно смете расходов Курской женской гимназии, утвержденной педагогическим комитетом на 1917 г., доход гимназии составил 42645 руб. 33 коп. В эту сумму вошли пособие от Министерства Народного Просвещения - 1250 руб., сборы за обучение - 24530 руб., а также остаток от 1916 г. - 16865 руб. 33 коп. [1, д. 78, лл. 4 об. - 5]. Полученные средства смогли покрыть расходы гимназии за 1917 г. Большая часть расходов уходила на содержание личного состава служащих гимназии. Также требовали средств содержание прислуги, отопление и освещение, пополнение кабинетов, арендная плата за помещения и другие хозяйственные расходы.

Сотрудники гимназии старались оказывать посильную помощь семьям военных, призванных на службу. Так, согласно материалам Попечительского Совета Курской женской гимназии, за 1916 г. было собрано 622 руб. 28 коп. для детей убитых и увечных воинов [1, д. 79, л. 1]. Кроме того, учителя гимназии ежемесячно отчисляли 2% своей зарплаты для содержания приюта Педагогического комитета. Например, сумма отчислений из средств начальницы гимназии С.А. Блюм в феврале 1917 г. составила 2 р. 50 коп, а в декабре - 2 р. 69 коп. Преподаватель русского языка М.Н. Жердева в феврале 1917 г. перечислила на содержание приюта 1 р. 20 коп., в декабре 1917 г. - 2 р. 43 коп. Всего же в феврале 1917 г. сотрудники гимназии перечислили на содержание приюта 23 р. 98 коп., в декабре 1917г. - 39 р.89 коп. [2, д. 108, лл. 13 об., 37 об.].

Таким образом, средние учебные заведения г. Курска в непростое для страны революционное время продолжали плодотворно работать, осуществляя не только свои прямые, образовательные и воспитательные функции, но и участвуя в общественной жизни и благотворительности, постепенно привыкая к реалиям нового времени.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее - ГАКО). Ф. 183. Женские гимназии г. Курска. Оп. 1.
2. ГАКО. Ф. 183. Женские гимназии г. Курска. Оп. 2.

Фукленков С.А.,
*архивист отдела обеспечения сохранности
и государственного учёта документов
Санкт-Петербургского ГКУ «Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга»,
канд. ист. наук*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Накануне Октябрьской революции 1917 г. население Новгородской губернии переживало сложные времена. Нехватка удобной земли, низкого качества почвы, неблагоприятный климат приводили к тому, что своим хлебом крестьяне могли жить только несколько месяцев. Частыми были неурожаи. Поэтому большинство хозяйств было вынуждено заниматься различными промыслами, чтобы прокормиться, и чтобы найти деньги на различные выплаты. Распространён был отхожий промысел, как среди крестьян, так и мещан. С 1914 г. добавились тяготы и лишения, связанные с начавшейся войной. Это с неизбежностью, писал В.П. Данилов, обрекало народные массы на крайние бедствия, отчаяние и озлобление [4].

Ещё до начала войны социальная жизнь в губернии, была довольно напряжённой. Известны сообщения, что до 20% обращающихся за врачебной помощью крестьян имели болезни на почве систематического голодания [5, с.12]. Характеризуя крестьянскую жизнь по поступавшим с мест письмам, М. Н. Сурин писал: «...русский народ, через хроническое голодание на пороге физического и психического вырождения. Дебелый русский тип вырождается в тщедушное существо; исчезают положительные характеры; новый русский человек то апатично равнодушен к себе и всему, то нервно восприимчив, вспыльчив без причины» [13, с. 9]. Довоенные новгородские газеты часто писали о пьянстве, драках, убийствах в деревнях, которые были вызваны водкой, праздниками, а также картёжной игрой, быстро распространявшейся в тот период по деревням. Причиной этих бесчинств назывался низкий «умственный и хозяйственный уровень народа», который необходимо было повысить [8, с. 4; 9, с. 2]. Рост пьянства не удалось остановить и во время войны, когда был введён запрет на продажу спиртного. Крестьяне продолжали пить. Причём пили, зачастую, спиртные напитки очень низкого качества [6, с. 126].

Мобилизация, объявленная с началом войны, затронула в первую очередь крестьянство, которое составляло основную массу русской армии, её «нижние чины». В некоторых уездах губернии мобилизации подверглось до 50% трудоспособного мужского населения [7]. Соответственно деревня лишалась большого числа рабочих рук.

Семьям мобилизованных правительство гарантировало выдачу пособия. Это должно было помочь особо бедствующим хозяйствам, а также вселить уверенность в уходящих на фронт крестьян, что с их семьями будет всё в порядке.

Однако уже в конце 1915 - начале 1916 гг. во многих уездах стало нарастать недовольство по поводу удержания продовольственных пособий. Стали отмечаться злоупотребления местного начальства в отношении выдачи пайков семьям солдат. У многих крестьян к тому времени накопились задолженности по продовольственной ссуде, полученной от государства в периоды неурожая в разное время. Долги были массовые. Вернуть их в условиях военного времени было практически невозможно. Не было возможности у крестьянских семей выплачивать и подати. Этим воспользовалось местное волостное начальство, которое стало удерживать продовольственные пособия для солдатских семей в счёт погашения долгов. Попытки воспротивиться такому самоуправству были крайне редкими [6, с.137].

Практически уже с первых месяцев войны начались проблемы со снабжением продовольствием оставшихся в тылу. Железная дорога оказалась загружена военными грузоперевозками, поэтому она не справлялась с поставками продовольствия и предметов первой необходимости для мирных жителей. Многие уезды губернии оказались отрезанными от хлебных районов страны.

К середине 1915 г. война была уже настолько ненавистна населению, что даже старухи начинают «непочтительно отзываться о царе» [11, с. 5]. Отсутствие табака, махорки, недостаток сахара, дороговизна хлеба – всё это вызывало недовольство. Как сообщали приставы из Тихвинского уезда в конце 1915г., крестьянское население относилось «безучастно» к политической жизни в стране. Их настроение характеризовалось как «унылое и пришибленное». Крестьян интересовали только распоряжения правительства о регулировании цен на предметы первой необходимости. В то же самое время в среде интеллигенции, наоборот, помимо неудовольствия мерами, принимаемыми правительством в борьбе с дороговизной, замечалось в первую очередь «скрытое неудовольствие распоряжениями об отсрочке созыва Государственной думы» [11, с. 6]. Однако уже в январе 1916г. в рапортах указывалось, что продолжавшееся повышение цен на продукты первой необходимости сильно влияло на настроения населения. Оно начинало нервничать, «порождая разные неблагоприятные для торговцев слухи». К февралю закончился табак. Население стало курить различные «суррогаты»: мох, сушёный «испитой» чай и раскрошенную бумагу из-под сахара. В марте население выражало сильное недовольство недостатком «предметов первой необходимости», поставки которых стали идти с большими перебоями [11, с. 7].

В Череповецком уезде крестьяне были недовольны мясниками, которые давали за коров «дешёвые цены», пользуясь тем, что «крестьянину

некуда податься», т.к. «кроме, как на мясо, коров не покупают». Поэтому и приходилось продавать скот «за какую придётся цену», чтобы купить хлеб [10, 1915, № 51].

К общим тяготам довоенного и военного времени добавился продовольственный кризис и принудительные заготовки сельскохозяйственной продукции. Уже в августе 1915 г. были введены твердые цены на хлеб для правительственных закупок (на военные нужды). В декабре 1916 г. кризис правительственных заготовок привёл к введению хлебной разверстки, которая обязала к хлебным поставкам как зерновые, так и незерновые губернии. К поставкам была привлечена и незерновая Новгородская губерния, населению которой ежегодно недоставало около 15 млн. пудов ржи [2, д. 2430, л. 2].

Из Белозерского уезда сообщалось, что «недостаток продовольствия для людей и корма для скота принял угрожающие размеры. По свидетельству старожилов, такой напасти не было и в голодные годы, когда действительно хлеб достать было неоткуда» [10, 1915, № 38].

Однако осенью 1917 г. в Вестнике Новгородского губернского земства была опубликована статья о ситуации с продовольствием в г.Белозерске, где говорилось, что за 3 года войны хлеб там удавалось закупать «своевременно и в достаточном количестве», и что вопрос с поставками хлеба возник только к сентябрю. А осенью 1916 г. «благодаря объединению земством покупок хлеботорговцев» вообще удалось заготовить столько хлеба, что его хватило до осени, а не до весны, как это обычно бывало [1, с. 38]. Хлеб здесь доставлялся по водным путям, поэтому его старались закупить так, чтобы хватило до следующей навигации. Это в свою очередь давало уезду альтернативный способ доставки, когда возник кризис железнодорожного транспорта и связанные с ним проблемы в снабжении продовольствием.

Тем не менее, к осени 1917 г. заготовка продовольствия сильно затруднилась и в г. Белозерске. Хлеб, объявленный государственной собственностью, приобретался и распределялся губернским продовольственным комитетом, у которого нужно было получить право на покупку. Для Новгородской губернии хлеб закупался в Казанской, Саратовской, Симбирской, Уфимской и Полтавской губерниях. Закупку производили агенты губернской продовольственной управы. Они отправляли хлеб в г. Рыбинск, где уполномоченный продовольственной управы распределял хлеб по уездам. Агенты, направленные в Казанскую губернию осенью 1917 г. сообщали, что крестьяне хлеб имеют, но отказываются им его продавать по твёрдым ценам. Поэтому закупить его по такой цене можно было только «при помощи вооружённой силы». [1, с. 38]. Исходя из сложившейся ситуации уездный продовольственный комитет выпустил воззвание к населению уезда, где рекомендовалось экономнее расходовать хлеб, не тратить его на корм скоту, не расходовать его на варку пива и беречь картофель. В целях экономии хлеба Комитет постановил

ходатайствовать о запрете на ввоз и продажу хмеля, который использовался для варки пива, а также запретить вывоз картофеля до тех пор, пока не будет поставлен хлеб. [1, с. 39].

К осени 1917 г. продовольственный кризис охватил практически всю территорию Европейской России, включая фронт. По мнению В.П.Данилова голод стал реальным и наиболее сильным фактором развития событий по стране в целом [3].

В выражаемом крестьянами недовольстве не было политических требований. Все их они сводились к хозяйственным и нежеланию воевать. Крестьянство было мало знакомо с тем, что происходило в столице вокруг конфликта Думы и правительства. Как доносил в конце 1916 г. в одном из последних донесений из Тихвинского уезда уездный исправник, «в среде сельского населения речи депутатов Государственной Думы ... не проникали» [14, л. 12]. Поэтому, когда в столице в феврале 1917 г. произошли волнения, переросшие в революцию, крестьянский Северо-запад молчал и выжидал.

В уездах Новгородской губернии отсутствие хлеба многие крестьяне были склонны объяснять «грязными делами» кооператоров и спекуляцией торговцев. В их адрес, как вспоминают современники, со стороны крестьян слышались угрозы [11, с. 21].

В хозяйствах, занимавшихся промышленным земледелием, стали появляться тенденции к удержанию хлеба для обмена его на товары, необходимые в крестьянском быту, либо к повышению цен на хлеб. Как пишет А.Н. Назаров, тот факт, что одни крестьяне стали бедствовать и у них появилась нужда в продуктах питания, а другие стали утаивать хлеб, свидетельствует о начавшемся расколе в крестьянском мире [6, с. 141]. Однако, как нам думается, здесь вернее было бы говорить не о начале, а о продолжении раскола. Ситуации, когда одни испытывали нужду в продовольствии и товарах первой необходимости, а другие в это же время жили в достатке - случались и раньше, как в годы войны, так и в неурожайные годы. Тем не менее, в годы войны богатые и успешные семьи не переставали складываться, о чём может свидетельствовать продолжавшийся процесс закрепления земли в собственность. Так, в Новгородской губернии в 1914 году хуторских и отрубных участков было образовано 4131, а в 1915 году – 5799 [6, с. 141].

Большая часть крестьян Новгородской губернии арендовала землю. По имевшимся у статистического отделения при губернской земской управе данным по 7 уездам, арендой занималось в среднем около 48% крестьянских дворов (от 41% в Новгородском уезде до 56,8% дворов в Боровичском) [2, д.245, л. 10].

Много земельной площади крестьянами покупалось. Так, площадь купчих крестьянских земель с 1863 по 1917г. увеличилась более чем в 5 раз [12, с. 14]. По масштабам покупок земли крестьянами в начале XX в. Новгородская губерния занимала одно из первых мест в России. По составу

купчие земли отличались от наделных: они содержали в 5 раз меньше пашни, в 1,5 раза меньше покосов. При этом лесных угодий было почти в 2,5 раза больше [12, с. 15].

Таким образом, к осени 1917 г. на территории губернии сложился целый ряд социально-экономических проблем и противоречий. Одни из этих вопросов не были решены ещё в предыдущую эпоху, другие пришли вместе с начавшейся войной. Тем не менее, объединяло их то, что разбираться и решать их предстояло уже новой власти.

Источники и литература

1. Вестник Новгородского губернского земства. 1917. № 9.
2. Государственный исторический архив Новгородской области. Ф. 98. Новгородская губернская земская управа. 1865-1917 гг. Оп. 3.
3. Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902 – 1922 гг. [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ladim.org/st007.php>
4. Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России (1861 – 2001 гг.) [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.ladim.org/st006.php>
5. Истомина Э.Г. Демянск. Новгород, 1968.
6. Назаров А.Н. Русское крестьянство Озёрного края в 1905 – феврале 1917 гг. Опыт исследования общественного сознания. СПб., 2011.
7. Новгород и Новгородская губерния в годы Первой мировой войны. Раздел 2 [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.expo.novarchiv.org/novgorod-i-novgorodskaya-guberniya-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny/78-razdel-2>
8. Новгородская жизнь. 1910. №140. 19 мая.
9. Новгородская жизнь. 1910. №171. 5 сентября.
10. Новгородский север. Общественно-литературная газета. 1915-1916.
11. Равдоникас В.И. Тихвинский уезд в годы революции. Тихвин, 1925.
12. Розов Е.К. Землевладение и повинности новгородских крестьян в 1861-1916 годы // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2000.
13. Сурин М.Н. Что говорят крестьяне о нуждах деревни. – М., 1907.
14. Тихвинский историко-мемориальный архитектурно-художественный музей. Д. «Наш край в секретных донесениях 1914-1916».

Чаплыгин В.П.,
доц. каф. истории России
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
канд. ист. наук

ПРЕДПОСЫЛКИ КАТАСТРОФЫ 1917 г. В РОССИИ

Истоки революционных событий 1917 г. зародились задолго до них. Правящая элита, и в первую очередь император Николай II, оказались не в состоянии провести реформы сверху, чтобы стабилизировать ситуацию в

стране. Россия со второй половины XIX в., а может быть и раньше, оставалась страной, где были сосредоточены основные противоречия того времени. Не решенный аграрный вопрос, противоречия между трудом и капиталом, между самодержавием и всем народом и другие объективно превращали царскую империю в слабое звено. Актуальность темы исследования определяется тем, что катастрофа первого десятилетия XX в., несомненно, является ключевой для дальнейшего понимания хода отечественной истории. Такое значимое социальное явление не могло не породить различные оценки и суждения. Причем они часто носят полярные характеристики.

В советское время эти события трактовались как глубочайший структурный кризис, выход из которого положила Октябрьская революция. Причем она однозначно оценивалась как социалистическая, которая открыла для всего мира возможность перехода к коммунизму. Соответственно были и факты. Это приход к власти РСДРП(б), которая разрабатывала не только теоретические вопросы строительства социалистического общества, но и пыталась реализовать их на практике. Кроме того, постоянно стимулировала революционные процессы по всему миру всеми легальными и нелегальными средствами, причем без учета национальных особенностей государств. Однако методы, используемые большевиками, в первую очередь, в своей собственной стране, трудно было назвать социалистическими по своей сути. Кроме того, общественная практика пока еще не знает воплощения социалистической идеи в какой-либо стране. Во многом социалистическая идея остается общественным идеалом справедливого общества. Он был рожден конфликтами и противоречиями жесткой и жестокой предшествующей человеческой действительности.

Несостоятельность оценки Октябрьской революции как социалистической была очевидной уже и в советское время. Такие дальновидные историки, как А.П.Бутенко, П.В.Волобуев предлагали оценивать октябрь 1917 г. как рабоче-крестьянскую, демократическую революцию. Это были не только новаторские, но и радикальные идеи для своего времени. Они способствовали разрушению партийных догм, стереотипов и создавали условия для объективного анализа октябрьских событий. Эта точка зрения во многом перекликается с первой. Хотя авторы отказываются характеризовать революцию прямо социалистической, они, тем не менее, считают, что она открыла путь для перехода в будущем к социализму в России. Задача после революции заключалась лишь в том, чтобы формировать предпосылки для этого перехода. Ошибкой же большевиков, они считают то, что они стали форсировать сам переход непосредственно к социализму, в то время как страна не имела для этого условий. Фактически, мы видим осовремененную первую позицию.

Третьей точкой зрения является оценка октябрьских событий, как военного переворота. Она не нова и появилась едва ли не сразу после

революции. Такой крупный деятель большевистской партии, как А.Богданов называл вооруженное восстание «солдатским восстанием», «сдачей социализма солдатчине» [2, с.354]. Подобная оценка довольно распространена в современных СМИ. Действительно большевики имели поддержку армии и флота. Так, если на выборах в Учредительное собрание они получили 22,5% [9, с.99], то на Северном фронте за них проголосовали 61% голосов, на Западном – 67%, на Балтийском флоте – 57,5%, в Петроградском гарнизоне – 79,2%, в Московском гарнизоне – 79,5% голосов [3, с. 550].

Факты говорят о том, что роль вооруженных сил в момент взятия власти велика. Однако очевидно и другое, что долго продержаться, в такой многоукладной и многонациональной стране как Россия с населением в 170 миллионов человек только на штыках невозможно. Следовательно, были другие факторы, обусловившие предпосылки катастрофы 1917 г. да и сам ход развития как самой октябрьской революции, так и послереволюционное развитие, которые эта точка зрения не учитывает.

Близка к вышеуказанному мнению и позиция, рассматривающая Октябрьскую революцию как заговор, узкой кучки большевистских лидеров, навязавших стране трагический путь развития. Такая оценка появилась сразу после Октября и имела сильное влияние в монархических кругах. Позднее она закрепилась в зарубежной историографии и перекочевала к нам на страницы газет, особенно «демократического» толка в середине 80-х – начале 90-х гг. XX в. Естественно, в любой революции присутствуют элементы заговора. Ведь власть никогда не попадает в руки случайно. Ее берут: вооруженным или мирным путем, то это другой вопрос. Опыт подсказывает, что заговор, как правило, может быть успешным лишь в условиях стабильности общественной системе, или при наличии широкой массовой поддержки (но это уже не заговор). Достаточно вспомнить заговор генерала Корнилова в августе-сентябре 1917 г. Заговорщики потерпели поражение, не сделав ни одного выстрела. Страна была в эпицентре структурного кризиса, власть находилась в стадии распада, и заговор, не имевший массовой поддержки, был обречен заранее.

Есть ряд историков и публицистов, которые оценивают революционные события и последовавшую за ними национальную катастрофу как анархический бунт, революцию люмпенов. Отсюда, по их мнению, ее разрушительный характер, который отбросил Россию далеко назад. Эта точка зрения превалирует у радикальных западников. Очевидно, нельзя назвать ни одну революцию, в которой не принимали бы участие люмпенизированные элементы. Именно они первыми начинают погромы, экспроприации и т.п. Это и понятно. Ведь во время кризиса люмпены стремятся обрести социальный статус и благополучие за счет общества, без труда. Да люмпены способны разрушать, но не способны созидать. Однако после Октября 1917 г. и особенно после гражданской войны в России (1918-

1920 гг.) идет созидание, и общество было создано очень прочное и устойчивое.

Таковы наиболее частые оценки революционных событий 1917 г. В них довольно явно просматривается присущий нашему обществу синдром гражданской войны. Они не дают возможности во всей полноте и трагической цельности понять опасность той пропасти, на краю которой находилась наша страна.

Национальная катастрофа 1917 г. несет на себе яркий отпечаток менталитета народа, демонстрирует трагическую роль социокультурного раскола российского общества еще со времен Петра I. В ней удивительным образом соединились и мощное стихийное выступление, и верхушечная борьба за власть, и тайные интриги, и перевороты, удавшиеся и неудавшиеся (июльские события, корниловский мятеж), и люмпенские погромы, и не способность правящей элиты подняться выше, своих узкокорыстных интересов.

На наш взгляд, для правильной оценки такому масштабному явлению, как революционные события февраля-октября 1917 г. требуется отдалиться от него на значительный период времени. Должно пройти определенное время хотя бы для того, чтобы на анализ, оценки и выводы перестали влиять идеологические и политические пристрастия, присущие многим писавшим о революции авторам. Пришло время перестать ругать или славить это время. Естественно, ошибочно судить о революции по тем целям и задачам, которые ставили перед собой ее вожди и организаторы. Для объективного понимания революционных процессов нужно меньше обращать внимание на программы политических партий, их официальные заявления, декларации и лозунги, и больше стремиться понять глубинную сущность нашей катастрофы и ее главные действующие силы. Корни такого катаклизма не могут лежать на поверхности. Причины революционных потрясений таились в глубинных основах жизни русского общества, его ценностях и традициях. Поэтому для понимания истинного характера происходивших в России революционных процессов недостаточно опираться на анализ геополитических интересов, целей различных социальных групп, внешних влияний, честолюбивых устремлений политиков и т.п. Требуется детальное изучение проблем, связанных с культурой которые, всегда, сохраняя свое значение, приобретают наибольшую остроту в кризисные моменты.

Корни такой ситуации автор видит в социокультурном расколе общества. На него обращал внимание еще Н. Бердяев. Он считал, что противоречивость русской души определяется сложностью исторической судьбы, столкновением и противоборством в ней восточного и западного элементов. Не последнюю роль сыграл географический фактор. Именно на территории России сошлись Европа и Азия. По определению Л.И. Семенниковой, «при крутых поворотах исторические вихри сдвигали страну то ближе к Западу, то ближе к Востоку. Россия представляет собой

как бы «дрейфующее» общество на перекрестке цивилизаций магнитных полей» [8, с. 109].

Сплав двух цивилизаций порождает особую цивилизацию. Ее невозможно понять без менталитета народа. На становление менталитета славянского этноса оказала влияние скифская культура. [7, с.45] Скифы населяли степи Северного Причерноморья и активно взаимодействовали с праславянскими земледельческими племенами. В III веке н.э. скифы восприняли от Ирана в качестве главного божества Мазду в религиозной оболочке манихейского учения. Для него характерно восприятие мира с помощью семантических, бинарных противоположностей. Например, свет - тьма, небо - земля, истина - ложь, добро - зло. Мифологичность этого учения способствовала популярности манихейской доктрины, прежде всего там, где еще была жива или господствовала архаичная мифологическая традиция. [5, с.103] Несомненно, славяне заимствовали элементы этого учения. Наиболее зримо это проявилось в языческой реформе 980 г. Владимира. В результате ее был создан пантеон языческих богов. В него вошли Перун, Макошь, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргл. Последние четыре божества в той или иной мере связаны с иранской языковой стихий. [7, с. 438] Манихейство, привлекало простотой объяснений сложных общественных реальностей. Люди, которые отпали от добра, могут приобщиться только к злу. Поэтому все проблемы можно решить через уничтожение носителей зла. Они могут принимать форму классов, сословий, отдельных групп, личностей, даже государственности в целом. Может быть, здесь находится первооснова вековой вражды богатых и бедных? А в России тяга к уравнительности всегда была огромной. Поэтому большевистские семена социальной розни упали на благодатную почву. Да и сейчас население подвержено гипнозу простых решений.

Влияние манихейства на славянскую и русскую культуру можно проследить в литературных произведениях и особенно в фольклоре. Последний для нас имеет особо важное значение. Так как в нем преломляется представление нации о внешнем и внутреннем мире.

В устном народном творчестве постоянно присутствует антитеза «Правда-Кривда», происходит прямолинейное противопоставление добра и зла, эмоции героев даются в черно-белом варианте: либо радость, либо скорбь и т.п. В литературе, Правда и Кривда также вступают в бескомпромиссную борьбу. Правду победить нельзя в принципе. На земле она может временно уступить Кривде, однако, при этом она улетает на небо, где Кривде уже нет места. Борьба за Правду, по мнению А.И. Клибанова, «представляет собой предвосхищение совершенного состояния рода человеческого на земле». [4, с.9] Не здесь ли истоки постоянного поиска Правды в России? Противопоставление Правды и Права? Совести и Закона?

Первоначальный дуализм в культуре был характерен для всех народов. Но идея синтеза полярности пробивала себе дорогу сначала в элитарную культуру, а затем становилась достоянием широких слоев

населения. Уже Аристотель оптимальное поведение видел посередине, равно удаленной от двух крайностей. В русской же литературе преобладал бинарный подход. Достаточно вспомнить названия лучших произведений XIX века. «Война и мир» Л. Толстого, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Горе от ума» А. Грибоедова.

Проблему преодоления крайностей в России поставили только в конце XIX - начале XX вв. В первую очередь, необходимо отметить концепцию всеединства В. Соловьева, идеи о срединной культуре Н. Бердяева. Однако этот поиск оказался не востребованным практикой. После Октябрьского восстания 1917 г. в России к тому времени возобладал лишь один полюс. Отсутствие традиций срединной культуры привело к тому, что в российском массовом сознании один полюс ассоциируется с идеалом, с которым человек хочет слиться, а другой рассматривается как чуждый. В результате, если в обществе начинается процесс модернизации, то он воспринимается как инородное явление, разрушающее уже освоенную культуру. Она представляется, по мнению А.Ахиезера, «как самоудовлетворенность психического и культурного самоощущения сложившимися отношениями, образом жизни и т.д. Это состояние связано с привычными ритмами окружающего мира. Дискомфортное состояние воспринимается как противоестественное, вызывающее отвращение, ужас, как хаос, разрушающий жизнь. Это ощущение нарастающего хаоса может носить индивидуальный и массовый характер, охватить значительные группы людей. Оно может вызывать шок, растерянность, потерю способности своевременно принимать решения» [1, с.66].

Попытки царского правительства внедрить в общество единый тип самосознания не имели успеха. Достаточно вспомнить уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность». «Почва» и «Цивилизация» говорили на разных языках. Интеллигенция, которая была призвана внести эту формулу в массовое сознание, находилась в оппозиции режиму, а другие социальные слои, например, национальная буржуазия, оставались к подобным теоретическим исканиям толерантными.

К началу XX в. русское общество так и не успело выработать некую сумму общих представлений о себе самом, которую разделяли бы все его слои. Это в значительной степени обусловило духовный кризис в России, создало благоприятную почву для восприятия представителями различных общественных групп, идей, обосновывающих и закрепляющих расчленение социального организма по классовому признаку, для распространения этого принципа на ее культуру, т.е. духовные ценности. Именно разобщенность населения России обусловила широкий отклик, который находила в среде крестьян, рабочих, части мелкой буржуазии концепция двух России: России самодержавия, эксплуататоров, тунеядцев и России угнетенных тружеников, бунтующая, революционная. По тем же причинам широкое распространение у нас получила теория «двух культур», классовой борьбы как главного двигателя исторического процесса. Эти идеи были обязаны

своим глубоким внедрением в российское общественное сознание не только своим создателям, но и той почве, на которой они прививались. Организованное сверху уничтожение церквей, продажа за рубеж ценнейших произведений искусства, разгром крестьянами помещичьих усадеб, сожжение уникальных библиотек во многом были явлениями одного порядка.

Этот период, на наш взгляд, необходимо воспринимать в его сложной и трагической целостности. Социальную катастрофу можно сравнить с бушующим лесным пожаром, который уничтожает десятки гектар насаждений, но одновременно удобряет почву, тем самым создаются условия для появления новой поросли.

Страна интуитивно искала выход из сложнейшего структурного кризиса и нашла его в октябрьской революции. Она по своему характеру, несомненно, была демократической. Ее главным содержанием было стремление России к демократии, социальному прогрессу. Страна в трудной борьбе пыталась найти новые формы демократической организации. «Россия как особый социокультурный и геополитический феномен является, по мнению А. Кара-Мурзы, зоной повышенного исторического риска» [6, с.23]. Его особенность заключается в том, что Россия, как никакая другая страна, всегда вынуждена заниматься не тонкой настройкой своего социального организма, когда из неплохих вариантов можно выбрать оптимальный, а всегда выбирает из плохих вариантов такой, который бы не привел к катастрофе. Практически это всегда означало, что власти придерживающиеся предпочитали ограничиваться «недеянием» и тем, кстати, провоцировали на деятельном фланге революционную партию, стремящуюся снести всю систему «до основания» [6, с.26].

Встает закономерный вопрос: «Почему катастрофа произошла именно в 1917 г.? Для ответа на него необходимо знать, что в центре России доминировала передельная община. В результате ежегодно происходили переделы земли. Это делало малоэффективным внедрение передовой агротехники. Ведь к общинной земле относились, как к батраку: минимально кормили, не очень заботились, но старались выжить по максимуму. Для изменения отношения крестьян к своим наделам, в 1893 г. был принят закон, который ограничивал передел земли раз в 12 лет. Следующий передел был осуществлен в 1905 г. - получили революцию с требованием «черного передела» помещичьих земель. Подавили революцию в крови, провели реформы и успокоились, но помещичьи-то земли оставили в собственности у их прежних хозяев, а крестьяне по-прежнему страдали от малоземелья. В целом ситуация только ухудшилась. Зимой 1917 г. 9 млн. крестьян мерзнут в окопах, а в их деревнях вот-вот начнется новый передел - в результате произошла Февральская революция. Эсеры пообещали передать помещичьи земли крестьянам; но проходит полгода, и ничего, кроме болтовни с трибун о войне до победного конца, крестьяне в шинелях не слышат. А большевики не дремали и, используя

политическую недееспособность Временного правительства, провозгласили простые, доступные и долгожданные лозунги землю крестьян, фабрики рабочим, мир народам и т.д. Это и привлекло на их сторону большинство населения и позволило им победоносно совершить Октябрьскую революцию.

Исторический опыт подсказывает, что наша страна будет всегда входить в каждый новый виток цивилизации, следуя своим законам и идя своим собственным путем.

Источники и литература

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997.
2. Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990.
3. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987.
4. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М., 1997.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. М., 1997.
6. Риск исторического выбора в России (материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. №5.
7. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
8. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995.
9. Спирин А.М. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г. // История СССР. 1988. №2.

Чаплыгина Н.И.,
доц. каф. истории России
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»,
канд. ист. наук

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ РАСКОЛ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 г.

Актуальность исследования проблемы определяется значимостью данного события не только для прошлого, но и для настоящего времени. Революционные события 1917 г. в России впервые перевели теоретические споры о социализме в плоскость практических задач. Отсюда не преходящий интерес историков, философов, политологов и специалистов других специальностей к их изучению. В первую очередь, конечно к выявлению причин их породивших. Автор уверен, что эти причины имеют глубокие корни не только в политике, экономике, но и в культуре. Они зародились задолго до 1917 г. Революции прежде свершаются в головах людей, общественном сознании и лишь затем на улицах. Решающая роль в радикализации сознания принадлежит не только социально-экономическим факторам, но и культурным.

Они зародились задолго до 1917 г. Революции прежде свершаются в головах людей, общественном сознании и лишь затем на улицах. Решающая

роль в радикализации сознания принадлежит не только социально-экономическим факторам, но и культурным. Практически весь XIX в. стал веком модернизации. Наиболее наглядно он проявлялся в западноевропейских государствах. Здесь активно шла индустриализация - использование машин в производстве. Промышленный переворот привел к росту городов, началась урбанизация. Одновременно ускорялся научно-технический прогресс. Началась демократизация политических структур, секуляризация (обмирщение сознания), рост образования и изменение социального статуса женщины. В XIX в. были сделаны научные и технические открытия, которые привели к изменению образа жизни людей: к концу века были изобретены пароход, локомотив, телеграф, телефон, газовое и электрическое освещение, фотография и кинематограф.

Россия не стояла в стороне от этих тенденций. В результате реформ второй половины XIX в. наше государство также активно европеизировалось. Однако большая часть населения оставалась верно патриархальной культуре и негативно относилась к новациям. Внедряемые западные идеи, нравы и т.п. Петром I, Александра II и др. монархами в основном воспринимались верхушкой общества, что еще больше отдаляло элиту от основной части народа. Причем модернизация у нас не была вызвана внутренними потребностями. Она как правила вызывалась угрозами извне. В первую очередь опасностью утраты национальной независимости. Она возникает во время Северной, Крымской и др. войн. Стремление остаться независимой, а по возможности и великой державой, чтобы быть конкурентоспособной с передовыми странами приводило к усилению раскола внутри российского общества. Очевидно, другой альтернативы у выше перечисленных самодержцев просто не было. Ведь возникала реальная угроза существованию всего государства.

Крупные военные столкновения начала XVIII, середины XIX вв. показали не только техническую, военную отсталость, но и заметный экономический разрыв в уровне развития с ведущими европейскими державами. Геополитические интересы и обострение конкуренции в Европе требовали быстрого технического перевооружения. Нашей стране нужен был быстрый скачок, и правительство стимулирует ускоренный рост промышленности. Это в свою очередь, требовало перехода к более эффективному свободному наемному труду и достаточного количества работников более высокой культуры. Петр I смог совершить модернизацию в основном на феодальной основе. Крепостных просто приписывали для работы на мануфактурах. В то время как на Западе на них работали уже в основном свободные люди. Они стали локомотивами развития капиталистических отношений. У Александра II такой возможности уже не было. Поэтому после долгих колебаний его правительство вынуждено было приступить к буржуазным реформам и поощрению развития капиталистических отношений. Следовательно, царская империя только во второй половине XIX в. с многовековым опозданием по сравнению с

западноевропейскими странами, начала переход от патриархальной системы хозяйствования к начальным формам капитализма.

Однако менялась не вся Россия, а только незначительная ее часть. Вековые традиции и устои, сохранявшиеся еще со времен московского царства и вся патриархальная культура, восставала против ценностей наступавшей европейской цивилизации: это не давало стране двигаться вперед быстрыми темпами. Наибольшее сопротивление буржуазные реформы встречали в аграрном секторе. Здесь сплелись в тугой узел многие застарелые и самые сложные проблемы. Прежде всего – крепостное право и общинное землепользование.

В Западной Европе освобождение крестьян проходило естественным путем и заняло достаточно длительное время. В России же, как было указано выше, реформы, диктовались не столько внутриэкономическими потребностями, зрелостью и готовностью всего общества, сколько внешнеполитическими задачами, этическими и психологическими установками господствующего европейского меньшинства. Поэтому реформы приходилось проводить в сжатые сроки административными, насильственными методами. Главная проблема заключалась в том, что большинство и помещиков, и крестьян не были готовы к новым формам хозяйствования. Лишь немногие, самые богатые и предприимчивые помещики были готовы к применению прогрессивных методов ведения сельского хозяйства. Без них трудно было обеспечить прибыльность после отмены крепостного права.

Крестьяне всегда мечтали о свободе и хотели лучшей жизни. Но они не хотели жертвовать материально ради этой свободы и многие из них не были готовы к эффективной самостоятельной хозяйственной деятельности. Большинство крестьян не обладали необходимыми для ведения прибыльного хозяйства знаниями, культурой, материальными средствами, техникой и технологией. Многие из них все еще обрабатывали землю примитивными орудиями – сохами, не имели даже плугов. При таком низком уровне сельскохозяйственного производства главной бедой крестьян стало малоземелье. В этих условиях крестьянская реформа привела к трагическим последствиям и разорению многих крестьян.

Тем не менее, после отмены крепостного права буржуазные отношения получили значительное развитие. Быстро развивались горнодобывающая промышленность, металлургия и машиностроение, создавалась разветвленная сеть железных дорог. «Промышленное производство с 1860–х гг. и вплоть до Первой мировой войны увеличилось в среднем на 5% в год. За пятнадцатилетний период накануне Первой мировой войны среднегодовой прирост валового национального продукта в России был выше, чем в странах Западной Европы» [7, с.322]. По протяженности железных дорог Россия уступала только США. В 1909–1913гг. темпы роста производства в ряде отраслей промышленности были выше, чем в странах Европы и США. В значительной степени новый

промышленный подъем обуславливался огромными промышленными заказами на военные нужды. Вся государственная мощь была направлена на обеспечение небывалого промышленного развития. За 60-90-е гг. XIX в. объем промышленного производства увеличился в 8 раз. Получили развитие фондовые и товарные биржи, число которых быстро росло. В итоге в России появилась влиятельная часть населения, охваченная буржуазными отношениями, т.е. появилась новая буржуазная часть России.

Уже при Екатерине II начали понимать всю опасность экспансии европейской культуры. Проблема была в том, что образование и культура приобретались не большинством народа, а лишь его незначительной частью и в очень короткий исторический срок. Заимствуя чужую культуру и даже чужой язык, меньшинство – дворяне и интеллигенция – так сильно оторвалось от подавляющего большинства народа, что фактически, вместе с выходцами из других стран, образовало как бы другой, овладевший европейской культурой народ, который славянофил А. Хомяков, сравнивал с европейской колонией, брошенной в страну дикарей. В итоге в стране появилась еще одна культура – европейская, но не в чистом виде, а с национальными особенностями. Ее можно назвать русско-европейской. Однако одновременно с «европейской» Россией продолжала существовать и старая. Она жила в архаичном состоянии Московии. В. О.Ключевский характеризует данное состояние так: «Западное влияние разрушило эту нравственную цельность древнерусского общества. Оно не проникало в народ глубоко, но в верхних его классах, по самому положению своему наиболее открытых для внешних влияний, оно постепенно приобретало господство. Как трескается стекло, неравномерно нагреваемое в разных своих частях, так и русское общество, неодинаково проникаясь западным влиянием во всех слоях, раскололось... Тогда стали у нас друг против друга два мирозерцания, два враждебных порядка понятий и чувств» [3, с.107].

Западноевропейцы избежали таких радикальных разрывов в своей культуре между образованным меньшинством и собственно населением. Кстати П.Я.Чаадаев также предупреждал об опасности последствий заимствований европейской культуры. Он в частности писал: «У нас нет развития собственного, самобытного, совершенствования логического: старые идеи уничтожаются новыми, потому что последние не истекают из первых, попадают к нам бог знает откуда; наши умы не бороздятся неизгладимыми следами последовательного движения идей, которые составляют их силу, поэтому мы заимствуем идеи уже развитые. Мы растем, но не зреем, идем в перед, но по какому-то косвенному направлению, не ведущему к цели. Мы подобны детям, которых не учат рассуждать: возмужав, они не имеют ничего собственного... Это естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании» [11, с.58].

Проблема состоит в том, в России заимствовали не отдельные передовые идеи в науке и техники. Это объективный процесс. А культуру в

целом. В итоге это приводило к тому, что люди стали как бы чужими (иностранцами) в своей стране. Возможно, между этим европеизированным меньшинством и большинством этноса возникли острые противоречия непонимания, которые впоследствии привели к целой пропасти. Однако, слишком велик был соблазн создать сильное государство как можно скорее, даже путем заимствования чужой культуры. За несколько десятилетий страна завершает промышленный переворот, начатый еще Николаем I.

Наиболее зримо новые явления стали проявляться в стране к концу XIX в. Под влиянием собственной модернизации менялась и сама художественная культура. Она теперь определялась не только церковным диктатом и модой придворных кругов. Изменение социальной структуры общества, особенно после крестьянской реформы 1861 г., повлекло за собой изменение восприятия искусства в обществе. Ведь возникают новые социальные слои состоятельных и образованных людей, способных самостоятельно оценивать произведения искусства, ориентируясь только на требования вкуса.

Процесс модернизации в такой многоукладной и многонациональной стране, как Россия, протекал трудно, противоречиво и усложнял имеющиеся социальные противоречия. Они на рубеже веков были настолько обнажены, что сами просились на холст или на страницы романа. Именно поэтому здесь, как ни в одной другой европейской художественной школе, прямое выдвижение на первый план социальных проблем стало отличительной чертой реализма. Одновременно сложность, запутанность взаимоотношений людей друг с другом и с обществом в целом требовали глубокого психологического анализа. Это мы видим в произведениях И.Бунина, А.Горького, Ф.Достоевского, Л.Толстого, И.Тургенева, А.Чехова и многих других. Культурные условия исследуемого периода расширили возможности индивидуального начала в художественном творчестве. Статус художника приобрел крупное общественное звучание. Если в эпоху Просвещения философы становились писателями, то на рубеже веков писатели сравнивались с философами по глубине анализа общества и четкой выраженности нравственной позиции. Величайшие писатели и художники этого времени являлись духовными лидерами своего времени и нравственным барометром общества.

Для объективного анализа следует отметить то, что одновременно с легальной литературой существовала и нелегальная. С легкой руки писателя и террориста С.Степняка - Кравчинского в русский язык вошло понятие «подпольная Россия». Так назывались его очерки «Подпольная Россия» (1882). Нелегальная литература породила огромное количество художественных текстов, которые играли важную роль в появлении и развитии радикального сознания. Целое поколение молодых людей штудировали одну и ту же «обязательную беллетристику», кодировавшую их сознание, формулировавшую их эстетические вкусы и потребности, их ценностный мир. В общественное сознание настойчиво внедрялся образ

героя, который отдает себя в жертву во имя благородной идеи. Это делает его жертву несравнимо ценнее, чем жизнь, скажем, убитого им министра или губернатора. Поэтика героя подпольной России была воспринята как поэтика общественного героя. Например, Мария Спиридонова, которая в 22 года смертельно ранила советника губернского правления Г. Луженовского. В тюрьме над ней издевались надзиратели [12, с.395]. Всей стране стали известны слова ее адвоката на процессе: «Перед вами не только униженная, больная Спиридонова. Перед вами – больная и поруганная Россия». Максимилиан Волошин посвящает ей свое стихотворение «Чайке».

...На чистом теле след нагайки
И кровь на мраморном челе...
И крылья вольной белой чайки
Едва влачатся по земле...
Душа погибла в непогоду...
Погибла в мрачной темноте -
За меньших братьев, за свободу
Распятой жертвой на кресте.

Сегодня трудно себе представить, но под давлением общественного мнения смертный приговор ей был заменен бессрочной каторгой в Сибири.

Отчасти легальная и вся нелегальная литература постепенно сформировала не только терпимое, но даже восторженное восприятие террористического акта в общественном сознании страны. П.Струве уже в начале XX в. заметил это изменение и особо обращал внимание на ненормальную радость, охватывавшую российского обывателя при известии об очередном террористическом акте. «Нигде абсолютно никакого негодования против самого факта убийства, отмечал он, и даже мало удивления...». [8, с.91]

Кстати портрет героини подпольной России М.Спиридоновой часто при обысках находили в простых крестьянских избах. Он был вместе с иконами и освещался лампадкой. Образ террориста принимал сакральный характер. А далекий от политики обыватель попадал в поле притяжения радикального общественного сознания, которое постепенно, внешне незаметно готовило к будущим выступлениям против существующего строя. Насколько оно было мощным можно проиллюстрировать, например, на кличках лошадей-победителей. (См. таблицу 1).

Таблица 1. Извлечения из «Списка лошадей, бежавших и выигравших на всех ипподромах России с 1 января 1901г. по 1-е апреля 1909г.» [5, с.6]

Имя лошади	Год присвоения имени	Местонахождение ипподрома
Баррикада	1905	Москва
Бомба	1900	Тула
Бомба	1905	Москва

Бомба	1905	Москва
Жертва	1905	Томск
Забастовщик	1905	Москва
Заговорщик	1905	Москва
Идея	1905	СПб
Партия	1906	Москва
Провокатор	1906	Москва
Радикал	1905	Троицк
Террор	1905	Москва

Из таблицы видно, что такие термины, как баррикада, бомба, забастовщик, которые произносились шепотом, только близким людям еще в 60-70-е годы XIX в., через 40-50 лет становятся не только общеупотребительными, но и модными. Традиционное русское общество быстро осваивает лексикон подпольной России. В итоге постепенно стирались грани дозволенного. Именно литература взрастила семена радикального сознания, которые дали свои плоды в 1917 г. Вся поэтика тогдашней культуры работала на создание идеала общественного героя. Для него не существует жалости ни к людям, ни к самому себе. Примером, могут служить строчки из стихотворения Андрея Белого «Опять он здесь, в рядах борцов»:

... Не дрогнет он. Безумный взгляд
Его лицо не перекосит,
Когда свой яростный снаряд
Жандарму под ноги он бросит.
Швырнуть снаряд не тяжкий труд
(Без размышленья, без боязни).
Тюрьма. Потом недолгий суд,
Приготовление к смертной казни.
Команду встретит ровный взвод,
Зальются трелью барабаны.
И он взойдет на эшафот
Взойдет в лучах зари багряной.

В самой легальной литературе происходят серьезные изменения. В ней одновременно с реализмом возникают и развиваются художественные направления, во многом противоположные ему и потому длительное время называвшиеся декадансом (упадком).

Это акмеизм, кубизм, символизм, футуризм и т.п. Эти направления акцентировали внимание на субъективности восприятия картины мира художником, отражали стремление к духовной свободе, трагическое предчувствие надвигающихся социальных катастроф. Их видные представители открыто сомневались в том, что духовные ценности могут быть сдерживающим началом агрессивной сущности человека. Например, в условиях общественного кризиса возникает и такое течение, как футуризм. Он зародился в Италии около 1909 г., как эстетическое и литературно-художественное движение, воплотившее крайне левые идеи революционно-

анархистски настроенной части итальянского общества. Его идеологи, стремясь создать «искусство будущего», декларировали отрицание традиционной культуры и ее художественных, моральных ценностей. Сходность социально-экономической ситуации в Италии и России, очевидно, способствовала быстрому восприятию идей нового течения и у нас. Оно отрицало традиционную культуру, пропагандировало эстетику механизированного труда. Это нашло свое отражение в их поиске новых поэтических форм. Они часто подменяли естественный язык заумно-произвольными звуко сочетаниями. Например

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеяньствуют смеяльно,
Что смеются смехами,
О, засмейтесь усмеяльно.

Попытка отместить свое прошлое, свою культуру тоже способствовала радикализации общественного сознания. Попытка сознательной России научиться жить и думать по-новому после первой русской революции, переосмыслить свое отношение к обществу и государству (рождение идеологии «малых дел», концепции общественности, мирного обновления и т.д.) не нашли широкой поддержки. И исподволь готовило население страны к структурным изменениям, которые наступили в революционные дни 1917 г.

Как известно Февральская революция начиналась стихийно. Ее причиной был острый структурный кризис, который обострился неудачами в Первой мировой войне. Ее успеху способствовало недовольство самодержавием национальной элиты, особенно либерально-буржуазных элементов. В ней по мере нарастания накала борьбы постоянно усиливается роль рабочих, солдат, мещан, т.е. «патриархальной России» со своим мировоззрением, чаяниями и своим видением будущего страны. Одновременно падает влияние элиты, т.е. «европеизированного меньшинства», которое имело иные политические и др. ценности. Причем к октябрю его влияние становится ничтожным.

Практически сразу начинается физическое уничтожение европеизированной элиты. Причем первыми жертвами становятся офицеры. В своих мемуарах Н.Суханов обращает внимание на особое душевное состояние солдат конца февраля 1917 г. Он пишет: «Многочисленные инциденты, имевшие место в этот день (27.02.1917г. – прим. автора), указывают, что многие офицеры, командовавшие частями Петроградского гарнизона, не были расположены к репрессивным мерам против демонстрантов, а солдаты, бывшие под их командой, испытывали какую-то тревогу. До известной степени эта тревога была оправдана, не столько по причине общей ожесточенности солдат против офицеров, сколько вследствие заметной тенденции демонстрантов хватать и убивать офицеров на улицах, избегая при этом вооруженных столкновений с солдатами. Раненых и убитых среди офицеров и унтер-офицеров было много, хотя

большая часть офицеров находились или дома по болезни, или обсуждала политическую ситуацию в офицерских собраниях» [9, с.61]. Близкие характеристики февральским дням мы можем найти и во многих других воспоминаниях об этих событиях.

Свидетельство очевидцев говорят нам о том, что для демонстрантов солдаты были свои, а офицеры чужие. Чужие настолько, что их надо убить. Хотя они не угрожали им, а многие сочувствовали революционным лозунгам и уже не верили прежнему режиму. Вряд ли эти факты можно объяснить только классовой ненавистью. Причина лежит глубже. Офицеров убивали потому, что они представляли иную чуждую большинству культуру. После Октября начнут расправляться с интеллигенцией. Наверное, прав Н.Головин, который считает: «Офицерство отличалось от рядовых не происхождением, не состоянием, но уровнем культуры с точки зрения солдата-крестьянина каждый образованный – тот, кто когда-то учился в средней школе, пусть даже ее не закончив, - «был интеллигентом», т.е. «барином», «хозяином» [1, с.101]. Подводя как бы итог, он продолжает: «Не самой малой из российских бед было то, что с точки зрения ее населения в целом получение образования выше основ грамоты немедленно делало из человека чужака, а, следовательно, потенциального врага...» [6, с.67].

Очевидно в революционных событиях 1917 г. противоречие залегало не в социальной сфере, а в области культуры. Тот, кто был носителем европейской культуры был изначально чужаком, врагом, которого необходимо было уничтожить. Здесь стоит обратить внимание на то, что большевиков с их классовой враждой еще нет. Все происходит стихийно, однако офицеров уже убивают. Разве это не гражданская война?

Временное правительство было сформировано как раз из этого «европеизированного меньшинства». Первоначально его поддерживали буржуазия, либеральное дворянство, офицерство, демократически настроенная интеллигенция. Однако параллельно появилась новая власть в лице Советов. У нее была реальная сила, в отличие от формальной власти Временного правительства. В результате уже в первой половине 1917 г. «европеизированное меньшинство» начинает терять свое влияние на революционные события. А. Керенский распускает как «контрреволюционную» Госдуму. А ведь она до февральской революции была главной легальной оппозиционной самодержавию силой. Недалековидность «европеизированного меньшинства» четко прослеживается из заявления первого председателя Временного правительства Г. Львова: «Мы все бесконечно счастливы, что нам удалось дожить до этого великого момента, что мы можем творить новую жизнь для народа – не для народа, а вместе с народом... Будущее принадлежит народу, выявившему в эти великие дни свой гений. Какое великое счастье жить в эти великие дни! ...» [2, с. 43]. «Счастье» фактически оказалось очень коротким, так «как вместе с народом» у европеизированной элиты не было будущего. Судьба многих из них оказалась трагической.

В период между Февралем и Октябрем в правящем слое началась борьба различных враждующих групп и партий. Все они, как правило, обращались к народу. К сожалению, народные массы, находясь в архаическом состоянии Московской Руси, не могли быть ни союзниками, ни даже попутчиками либерально-буржуазного лагеря.

Временное правительство оказалось неспособным практически решать доставшиеся от царизма проблемы. Либералы и социалисты, преобладавшие во всех трех правительствах, принадлежали к старой европеизированной элите, которая наивно верила в свой народ, в его творческие способности и разум. Идеалисты, которые витали в облаках, совершенно не понимали действительность, обвиняя во всем только самодержавие, и хотели превратить свою страну в передовую европейскую державу. Они считали, что после свержения царизма необходимо предоставить свободу населению. Их не тревожила опасность двоевластия, т.к. Советы они считали органами народа. Самые злободневные вопросы о форме правления, о войне, о земле и т.д. Временное правительство оставляло на рассмотрение Учредительного собрания. А его созыв оно постоянно затягивало, понимая, что либералы сейчас не пользуются поддержкой у населения. Поэтому его банкротство было банкротством русского либерализма, доказательством отсутствия у отечественных либералов «почвы» и поддержки простого народа.

Большевики же для крестьян, рабочих, солдат, матросов были роднее, понятливее их политических противников. Они видели правду и справедливость на стороне большевиков, в речах, лозунгах, политике. Иначе большевики никогда не смогли бы удержать власть столь длительный срок. Преимущество большевиков и главная их сила были в том, что они были с народом, а народ был с ними. Довольно точно дал характеристику предшествующего состояния социокультурного раскола общества и движущим силам революционных событий 1917 г. философ С. Франк: «Замечательной, в сущности общеизвестной, но во всем своем значении нецененной особенностью общественно-государственного строя было то, что в народном сознании и что в народной вере была непосредственно укреплен только сама верховная власть царя; все же остальное: сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии – все это, в том или ином отношении, держалось лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании... Произведения этой культуры висели над почвой, непосредственно с ней не соприкасаясь и не имея в ней собственных корней... Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу все остальное – вся русская общественность и культура, ибо мужицкой России она была не понятна, чужда и по состоянию – не нужна [10, с.212, 213].

Н.Мальденштам, которая всегда чутко улавливала общественные настроения пишет: «Это не литература, а робкая попытка описать сдвиг сознания, испытанный, вероятно, множеством людей, преступивших роковую черту. Этот сдвиг выразился, прежде всего, в полном безразличии ко всему, что оставалось позади, так как появилась абсолютная уверенность, что все мы вступили на колею бесповоротной гибели. Одному, может быть, отпущен еще час, другому – недели или даже год, но конец один. Конец всему – близким, друзьям, Европе, матери... Я говорю именно о Европе, потому что в «новом», куда я попала не существовало всего того европейского комплекса мыслей, чувств и представлений, которыми я до сих пор жила. Другие понятия, другие меры, другие счета... Сейчас исчезла тревога и пропал страх. Их заменило острейшее сознание обреченности ... есть только сроки до осуществления этого бесповоротного, которое подстерегает всех нас с нашей Европой, с нашей горсточкой последних мыслей и чувств» [4, с.45].

В политическом хаосе, который сложился в стране в февральские дни, очевидно с новой силой дала о себе знать гигантская пропасть между европейским меньшинством и патриархальным большинством. Вызванный войной острейший структурный кризис обострил вековой конфликт этих двух форм культуры. Это опасное соединение привело к трагическим революционным событиям 1917, которые завершаются братоубийственной гражданской войной.

Источники и литература

1. Головин Н.Н. Российская контрреволюция. Кн.1. М., 1993.
2. Жевахов Н. - Воспоминания. Том 2. Март 1917 – Январь 1920. М.,1991.
3. Ключевский В.С. Курс русской истории. Лекция I.VIII. М., 2010.
4. Мальденштам Н. Воспоминания//Юность. 1988. №8.
5. Могильнер М. На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907-1914гг.). М., 1997.
6. Пайпс Р. Русская революция. Кн.3. Россия под большевиками. 1918-1924. М., 1996.
7. Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004.
8. Струве П.Б. Смерть В.К. Фон-Плеве, впечатления и отклики //Ковалевский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. М., 1925. Кн.4.
9. Суханов Н.Н. Записки о революции. – М.: Издательство: Республика, 1991. – 245с.
10. Франк С.Л Из размышлений о русской революции. //Новый мир. 1990. №4.
11. Чаадаев П.Я Философические письма (Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1). М.,1991.
12. Чаплыгина Н. И. Интеллигенция и становление женского движения в России (на примере политических лидеров Е.К.Брешко-Брешковской и М.А. Спиридоновой) //Интеллигенция в потоке времени: размышления и судьбы /Межвузовский сборник научных трудов. Курск, 2004.

О ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Газета предназначена, прежде всего, для оперативного информирования читателя о текущих событиях, поэтому считается, что спустя уже несколько дней размещенная в ней информация устаревает. Действительно, в первые дни после выхода в свет газета пользуется наибольшим читательским спросом. Однако и в последующие годы она остается востребованной читателями. Газета устаревает лишь отчасти: с течением времени из средства оперативной информации она превращается в ценный исторический источник. В последние годы работники архивов и библиотек отмечают повышение исследовательского интереса к газетам прошлых времён.

Трудно очертить круг сведений, которые могут быть найдены исследователем в старых газетах. Это не только хроника общественной жизни, аналитические статьи известных публицистов, фельетоны журналистов и т.д. Специалисты по генеалогии ищут в газетах биографические статьи к юбилеям, сообщения о бракосочетаниях, разделе имущества, некрологи и т.д. Искусствоведы – сообщения о театральных премьерах и гастрольях, рецензии на спектакли. Литературоведы – забытые тексты известных литераторов, многие из которых делали свои первые шаги именно в газетах. Для историков и краеведов газета представляет собой летопись общественной жизни страны, региона, города, расписанной буквально по дням.

Нестабильная, постоянно меняющаяся ситуация 1917-1920 гг. отражалась и на издании газет, и на их учете. Организовать сколько-нибудь планомерно сбор многочисленных газет в годы революций и Гражданской войны не было объективных возможностей. Именно поэтому ни одна даже самая крупная библиотека не располагает всеми наименованиями и полными комплектами газет этого периода, как «советскими», так и «несоветскими». Поэтому любые сохранившиеся полные комплекты и отдельные номера приобретают особую ценность.

Началом библиографических работ следует признать списки периодических изданий за 1917-1918 гг., составленные Л.К. Ильинским (Список повременных изданий за 1917 год. Ч. 1. Алфавитный список повременных изданий / Сост. по материалам Российской книжной палаты проф. Петроград. ун-та Л.К. Ильинский. Пг., 1919. 186 с.; Список повременных изданий за 1918 год / Сост. по материалам Российской книжной палаты Л.К. Ильинский. Пг.: Государственное издательство, 1922. 287 с.).

В 1990 г. Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина (ныне – Российская Государственная библиотека совместно с Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека) и Всесоюзной книжной палатой (ныне – Российская книжная палата) был издан четырехтомный сводный каталог «Газеты первых лет Советской власти 1917-1922» [1-4]. Этот капитальный справочник отразил 3842 названия газет указанного хронологического отрезка. При этом в предисловии к изданию отмечалось, что каталог содержит описания газет, издававшихся на территории РСФСР и союзных республик с момента установления Советской власти по 1922 г., за исключением периодов «белогвардейских мятежей и временной оккупации отдельных территорий в годы гражданской войны». В отдельных случаях в Сводном каталоге сведения о выходе газеты обрывались после падения советской власти в том или ином городе, и пользователям каталога было неясно, прекратился ли выход газеты, сохранились ли в каких-то хранилищах более поздние номера.

Речь шла, прежде всего, либо о газетах антисоветской направленности, либо издававшихся на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам в период гражданской войны.

К середине 1990-х гг. положение было, в известной мере, исправлено. В 1994 г. Российская государственная библиотека издала каталог «Газеты 1917-1922 годов в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки» [5]. Однако это издание носит скорее информационный характер, было лишено научно-библиографической проработки, отсутствовали данные об издающих организациях, типографиях, редакторах и издателях. Не были проработаны вопросы преемственности изданий. Таким образом, каталог РГБ скорее следует отнести к предварительным материалам, предшествующим подготовке детального каталога.

Коллектив Российской национальной библиотеки поставил перед собой задачу выявить и отразить весь репертуар газет того времени, оказавшихся за пределами Сводного каталога и Каталога РГБ. Итогом работы сотрудников библиотеки стало издание «Несоветские газеты (1918-1922 гг.): Каталог собрания Российской национальной библиотеки» [6]. В этот каталог включены все имеющиеся в фондах Российской национальной библиотеки собственно белогвардейские газеты, то есть издававшиеся военными и гражданскими учреждениями и организациями газеты антисоветской направленности. Наряду с ними в каталоге отражены газеты, издававшиеся организациями, учреждениями, лицами, не пропагандировавшими антисоветских идей, но публиковавшими свой печатный орган на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам в 1918-1922 гг. Одного этого факта было достаточно, чтобы газеты впоследствии попали в отдел специального хранения, а сведения о них не были включены в Сводный каталог.

Составители стремились привести максимально возможные сведения о редакторах и типографах; об изменениях их состава по мере выхода газет; о связях газет с другими, издававшимися вместо или в перерыве издания, о переименованиях, об издательствах и издающих организациях и т. д. Все это потребовало тщательного содержательного анализа всех без исключения сохранившихся номеров и позволило подготовить солидный именной указатель, «очеловечивающий» в буквальном смысле слова издательскую деятельность в первую очередь на территориях, подконтрольных антибольшевистским правительствам, до недавнего времени вообще не попадавшую в поле внимания исследователей.

Исследовательская работа по подготовке указателя потребовала привлечения большого круга дополнительных источников по истории Гражданской войны, анализа многих справочных и библиографических изданий, как дореволюционных (например, военных), так и более поздних, в первую очередь связанных с русской эмиграцией. Все это делает представленный указатель не только важным библиографическим, но и ценнейшим источниковым пособием по истории Гражданской войны в России.

История России периода гражданской войны требует всестороннего объективного освещения и изучения. Одним из важнейших условий этого является введение в научный оборот ранее закрытых по идеологическим причинам источников. К числу таковых в первую очередь относятся «несоветские» газеты тех лет, содержащие уникальные сведения и факты.

В условиях фактической дезорганизации регионов и постоянного «информационного голода» газета становилась основным источником (пусть и далеко не объективным) о событиях, происходящих в местной жизни, стране и мире. Кроме того, газета зачастую была единственным средством доведения до широких масс законов и официальных нормативных актов, поскольку их размещали на своих полосах не только печатные органы властных структур, но и общественно-политические и беспартийные издания. Не менее важной была идеологическая функция печати: в условиях жесткого обострения социальных противоречий в обществе каждому политическому режиму, общественному объединению или партии для достижения победы необходимо было разворачивать широкомасштабную агитационно-пропагандистскую работу в целях привлечения на свою сторону населения России.

Достаточно широкий анализ курских газет 1917 г. дан нами в отдельных публикациях [7], а также отражен в тексте доклада, помещённого в настоящем сборнике.

Территория Курской губернии находилась под контролем Вооруженных сил на Юге России в июне – декабре 1919 года. В губернском городе белые пребывали в период с 20 сентября по 19 ноября 1919 г. (новый стиль). За этот короткий срок в Курской губернии стало выходить пять газет. Две из них («Вечернее время» и «Россия»), хоть и печатались в

Курске, считались общероссийскими. Три другие – «Курские вести», «Курские губернские ведомости» и «Курская народная речь» – были местными. После оставления Курска и отступления на юг «Вечернее время» и «Россия» выходили в Белгороде с продолжающейся нумерацией.

«Курские губернские ведомости», «Вечернее время», «Россия» выходили в двухстраничном варианте, «Курские вести» – в четырёхстраничном. «Курская народная речь» выпускалась как на 2-х, так и на 4-х страницах. Цена одного номера в Курске составляла 2 – 2 руб. 50 коп. («Россия», «Курские губернские ведомости»), в других городах и на станциях железной дороги – 2 руб. 50 коп. – 3 руб. («Россия»).

Состав материалов курских газет включал в себя все жанры газетной публицистики: статьи и заметки, корреспонденции, обзоры, комментарии, газетную информацию, очерки, репортажи, фельетоны, а также произведения беллетристики, в основном рассказы и стихотворения. Значительное преобладание имели информационные материалы. Через них газеты восполняли информационный голод общества и формировали общественно-политические настроения людей. На первой странице газет, как правило, помещалась передовица. Фельетон, рассказ или очерк обычно занимали «подвал» газетной страницы. В «шапку», кроме названия газеты, как правило, выносились объявления о работе редакции и условиях подписки. Представлены были в газетах сообщения собственных и специальных корреспондентов газет. Большое число газетных материалов были анонимными или подписывались псевдонимами.

Среди основных отделов и рубрик газет выделялись официальный и неофициальный отделы, а также отдел объявлений. В официальном отделе печатались законы, распоряжения, постановления, приказы и декреты центральных и региональных властей, органов местного самоуправления (земств, городских дум и т.д.), правительственных учреждений, военного командования, руководства политических партий и общественных объединений, правлений кооперативов, оперативные сводки штабов, резолюции собраний биржевых комитетов, торгово-промышленных кругов, союзов предпринимателей.

Самыми большими разделами неофициальных отделов газет являлись три: «Телеграммы», «Из газет» («Из иностранных газет», «Из местных газет», «Обзор газет», «Отклики печати» и др.) и «Радио» («Большевистское радио», «Сообщение радио» и др.). Телеграммы российских и иностранных информационных агентств, сообщения радиоперехвата, а также перепечатки и обзоры отечественной и иностранной прессы составляли основу газетных полос. Кроме указанных разделов, данные материалы включались практически во все другие рубрики, встречавшиеся на газетных страницах.

Среди издаваемых в Курске газет особняком стояло издание агитационного поезда «Призыв». Газета позиционировала себя как «ежедневная политическая и литературная». Редакторами газеты были Ал.

Ксюнин и Вл. Турок (Вилли). Издатель – Ал. Ксюнин. Кроме этой привычной информации на титуле было написано: «Стоянка – ст. Курск. Типография 1-го агитационного поезда».

Прибытие 1-го агитпоезда им. генерала Корнилова или, как писали газеты – «агио-поезда» (начальник поезда Л.И. Ксюнин) стало одним из примечательных событий города. Центр Курска был тут же оклеен газетами «Призыв», отпечатанной прямо в поезде «летучей» (передвижной) типографией. В здании бывшего Дворянского собрания состоялись выступления молодых ораторов и концерт. В устной газете выступили известные журналисты Н.Н. Брешко-Брешковский, Вилли (Вл. Турок), А.М. Волин, Н.В. Некрасов, Ал. Ксюнин и др. В воскресенье 29 сентября состоялся концерт артистов оперы и балета (В.Л. Ленский, З.Я. Яковлева, А.А. Анчаров, Я.И. Розенфельд, Э. Плевицкий, О. Арский и др.) под руководством антрепренёра П.И. Виноградова. Кроме того, в состав «бронепоезда культуры» входил вагон-кинематограф, где демонстрировалась хроника борьбы с большевизмом, и передвижная типография.

5 октября 1919 г. с работой агитационного поезда ознакомился генерал А.П. Кутепов. Он внимательно осмотрел все вагоны, задержавшись в вагоне-типографии, где шла вёрстка газеты «Призыв».

В газете «Призыв» имелись как обычные рубрики («Новые победы», «Очищение России», «Союзники и враги»), так и большие портретные рисунки с краткими биографиями руководителей Белого движения на Юге России: Л.Г. Корнилова, М.В. Алексеева, А.И. Деникина, И.П. Романовского, А.П. Кутепова, П.Н. Врангеля, В.З. Май-Маевского, В.И. Сидорина, В.Л. Покровского, А.Г. Шкуро. Им посвящался специальный тематический выпуск газеты. В разделе «Герои Курска» были размещены пафосные статьи о генералах Тимановском и Кутепове. В этом же номере была напечатана и статья «Тираны» о Ленине и Бронштейне (Троцком). Последнему посвящались карикатура и романс на слова некоего Будимира.

На карикатуре Троцкий был изображён в корзине спущенного воздушного шара с надписью: «Советская республика», пронзённого штыками, видимо, белогвардейскими. Эпиграфом стихам служила фраза: «Красная Москва спешно готовится в эвакуацию. Из советского радио».

К официальным изданиям относились «Курские губернские ведомости», выходившие в Курской губернии с 1838 года. Сохранился только № 1 возрождённых «Курских губернских ведомостей». Вероятно, что это был единственный напечатанный номер, хотя дата выхода газеты – 20 октября 1919 г. относительно далека от даты оставления белыми Курска. «Курские губернские ведомости» печатались в электрической типографии Губернского управления, располагавшегося в здании присутственных мест по Набережной улице [8]. Газета не имела редактора, т. к. помещала только официальные материалы и частные объявления. Номер в печать подписал

вице-губернатор Б. Кошкин, чью подпись подтверждал («скрепил за редактора») Василевский.

«Курские губернские ведомости» состояли из двух частей. В первой – официальной части были помещены: телеграмма помощника Начальника управления юстиции на имя старшего председателя Харьковской судебной палаты за № 4330 о правилах замещения должностей отсутствующих членов судебного ведомства в местностях, освобождённых от большевизма, «Временные правила о сдаче в аренду полевых угодий в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего вооружёнными силами на Юге России, утверждённые Главнокомандующим 21 сентября 1919 года», обязательное постановление Курского губернатора Римского-Корсаковского от 5 октября 1919 г. о предупреждении и борьбе с заразными болезнями, сообщения об утере документов, пригильном скоте и невостробованных грузах. В неофициальной части содержались частные объявления о потере и краже документов.

«Вечернее время» издавалась Б.А. Сувориным, сыном А.С. Суворина, который создал и возглавил один из первых в России газетно-издательских концернов. Начав выпускать «Новое время» в 1876 г., он в 1882-м основал издательство и наладил книжную торговлю. В издательстве, кроме книг, выходили «Русский календарь» и справочные издания «Весь Петербург», «Вся Москва» и «Вся Россия». Помимо своего основного детища – «Нового времени» – А.С. Суворин издавал и финансировал «Земледельческую газету», газеты «Московский телеграф», «XX век», «Русская земля», «Маленькая газета», «Вечернее время», журналы «Исторический вестник», «Русское обозрение», «Наборщик и печатный мир», «Конский спорт», «Лукоморье» и др. Кроме типографии, оснащенной самыми современными машинами, Суворин владел 30 тыс. десятин леса и бумажной фабрикой, что давало возможность обеспечивать концерн бумагой.

«Вечернее время», наследница суворинской газеты того же названия, под редакцией сотрудника «Нового времени» А.Л. Ксюнина, придерживалась, как и ее прародительница, правительственной линии. Кроме того, в донских газетах запрещалось публиковать материалы, критикующие действия кубанской краевой власти. Одна из крупнейших газет юга России «Вечернее время» (Ростов-н/Дону) была закрыта за публикацию статьи А.Л. Ксюнина, содержащую резкие высказывания в адрес кубанской власти. Не помогло даже заступничество генерала А.М. Драгомирова. Он пытался защитить газету, так как статья была написана по заказу отдела пропаганды и развивала взгляды Особого совещания на характер Гражданской войны. При этом донские власти не допускали в газеты материалы, содержащие информацию о действиях цензуры, так как они могли вызвать «излишние толки в обществе» [9].

В первом курском номере «Вечернего времени», датированном 2-м октября 1919 года, Б.А. Суворин поместил редакционную статью «К моим читателям»: «Наконец-то, к великому моему счастью, моя газета,

дорогое мне «Вечернее время» появляется в Курске. Кажется, во время самой дикой и безалаберной самостоятельности никто не требовал отторжения от России Курска. Даже «великодушные» немцы оставили его нам. Вот почему тихий, когда-то пыльный Курск особенно мне дорог. Мы уже в настоящей центральной России среди войск славного первого корпуса так доблестно и неудержимо несущего свои победные знамёна к Москве.

Когда я перенёс свою газету из Новочеркасска в Ростов, я писал о том, что в то время Добровольческая армия шла ещё по неизведанным тропинкам к счастью своей Родины. Ростовский период «Вечернего времени» уже совпал с очищением нашим славным вождем ген. Деникиным Кубани и Терека и выводил нас на большак. С Харьковом Армия вышла на широкую Московскую дорогу.

Курск один из великих этапов славного похода на Москву и, открывая свою газету в этом русском городе, я лишний раз не могу не вспомнить весь путь, пройденный нами. Глубокий поклон моему славному первому конкурсу Добровольческой Армии и его командиру ген. Кутепову. Надеюсь, что нам удастся посильно, хотя несколько скрасить жизнь этим героям, которые совершают свой великий подвиг» [10].

О характере отношений прессы с военной властью Б.А. Суворин поясняет в материале, посвященном интервью с А.П. Кутеповым: «Говорим об открытии «Вечернего времени» в Курске, о нашем «походе на Москву». А.П. Кутепов указывает на великую роль печати, идущей с Добровольческой Армией» [10].

В «Вечернем времени» публиковали свои статьи и заметки (часть авторов под псевдонимами) ряд журналистов и корреспондентов: К. Острожский, А. Березуцкий (воспоминания партизана), «А.». Его, Руслан, А. Бурнакин (стихи, проза), Ю.Г. (спецкор в Батуми), Юрий Слёзкин, А. Ренников (фельетоны), К.М., Костюченко, Алекс. Валентинов (репортажи из Ставки Верховного главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России), Анин, Иван Буханцев, Гавриил Буханцев и др. Сам владелец газеты (он находился в Ростове на Дону) вёл рубрику «День за днём» и помещал другие статьи аналитического, полемического или обзорного характера за подписью инициалами «А. Б.» и, вероятно – «А».

После оставления белыми войсками Курска газета выходила в Белгороде, продолжив нумерацию курских выпусков. Заметим, что самостоятельные выпуски «Вечернего времени» осуществлялись также в Харькове и Ростове н/Д. Редакция и контора газеты размещалась на ул. Смоленской в 3-х номерах гостиницы «Европейская» [11]. В белгородском выпуске содержалось объявление о редакционных вакансиях: «Редакции нужны разъездные агенты на жалованье и проценты на участки: Белгород – Готня – Сумы, Ворожба, Белгород – Волчанск – Купянск, Белгород – Суджа – Коренево, Белгород – Ржава» [11].

«Россия», в дальнейшем переименованная в «Великую Россию», отражала воззрения умеренных монархистов. Руководил ею Н.Н. Львов, с

нею были связаны деятели Совета государственного объединения. Газета поддерживала Добрармию, позволяла себе легкий монархический уклон. Главным редактором газеты «Россия» в курский период был В.В. Шульгин. Он совместно с З.Г. Иозефи являлся и издателем газеты. Редакция и контора «России» первоначально временно размещалась в г. Курске по ул. Херсонской, 35 [12], а затем – Херсонская, 15 [13].

В газете имелись постоянные рубрики: «Наступление на Москву», «Телеграммы» (информационные агентства РУССАГЕН, ПРЕСС-БЮРО), «По России», «В совдепии» (ПРЕСС-БЮРО). Материалы размещались за подписями: Владимир Эльснер (фельетоны), Франц Лубицкий, Н. Езерский, В. Штейн, Михаи Чунихин, Ан. Савенко, Н. Веригин, С. Рянский, С.В., Н. С – ин и других.

После эвакуации в Белгород редакция и контора «России» располагались по улице Гражданской, 42 в доме Самойлова. Тираж газеты печатался в белгородской типографии наследника Галдина [14].

Газетная периодика в годы революции и Гражданской войны в значительной степени способствовала формированию общественных стандартов в оценках происходящих политических процессов. Наряду с неофициальной информацией (слухами), сознательной дезинформацией пресса являлась средством идеологической войны противоборствующих сторон. Но это не единственно значимая сторона прессы для исторических исследований. Для историка газетная периодика выступает не только как вспомогательный, но, порой, как единственный исторический источник периода «русской смуты» 1918-1920 гг.

* * *

Библиографические описания газет в представленном каталоге расположены в алфавите их наименований и выполнены в соответствии с действующими в нашей стране ГОСТами по описанию и сокращению слов.

Одноименные газеты приводятся в алфавите мест их издания. За единицу учета в настоящем каталоге приняты все выходившие номера газеты с момента издания до прекращения, при этом в спецификации сведения давались только о номерах, относящихся к учетному периоду. При перемене заглавия эти сведения отражались в области примечаний, от всех измененных заглавий делались отсылки к основному, под которым приведено полное описание. Составители, как правило, рассматривали газету как одно издание, если при перемене заглавия сохранялась преемственность нумерации (валовой или погодной) или года издания, а также, если при изменении заглавия газеты, начиналась новая нумерация и заново приводился год издания, а впоследствии восстанавливались выходные данные газеты, относящиеся к периоду издания ее под прежним заглавием.

Библиографические записи в каталоге приводятся в указанной последовательности. После номера записи приводится заглавие. Как правило, газеты описаны под заглавием последнего сохранившегося за учетный период номера. В сведения, относящиеся к заглавию, включены наименования организаций, издававших газету, данные о тематике или читательском назначении газеты. В этом же элементе описания приведены данные о редакторах, издателях и составителях, относящиеся к номеру (номерам), по которым составлялось описание. Сведения о лицах, принимавших участие в подготовке других номеров газеты, отражены в примечаниях.

В области нумерации приведены сведения о точных датах основания и прекращения газеты в пределах учетного периода (год, число и месяц выхода первого и последнего номеров). В случае полного или частичного отсутствия этих данных вместо них приведен вопросительный знак в квадратных скобках – [?]. Если газета издавалась до начала учетного периода, указана дата начала выхода; при продолжении издания после учетного периода ставился знак тире (–).

В области выходных данных отражены сведения о месте (местах) издания, издательстве и периоде, за который имеются номера. Далее приведены сведения о типографиях. Место (места) издания указаны по последнему номеру газеты в пределах учетного периода, отраженному в каталоге и послужившему основой для составления описания. Изменения места издания в пределах учетного периода оговариваются в примечаниях. От заглавий газеты с иным, чем это принято за основное описание, местом издания даны ссылки к номерам основных записей в каталоге.

В области примечаний указаны все расхождения в элементах описания, относящиеся к учетному периоду. Во всех случаях, когда это было возможно установить, приведены сведения о реорганизации газеты, связи ее с другими изданиями, перерывах в издании газеты, приложениях к ней. Указаны все связи со Сводным каталогом и записями газет, связанными между собой, в пределах настоящего каталога.

При первом и последнем номере каждого года указана дата их выхода. В случае изменения нумерации внутри года приведены даты последнего номера предыдущей публикации и первого номера последующей.

Ненумерованные выпуски обозначены датами выхода газеты. При наличии в газетах дат по-старому и новому стилю они приводятся в описании в той последовательности, как обозначены в газете.

В «Репертуаре периодических изданий Курской губернии периода революций и Гражданской войны» использованы следующие сокращения при обозначении мест хранения изданий:

РКП – Всероссийская книжная палата;

ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека (Россия, Москва);

НБ ГАРФ – Научная библиотека Государственного архива Российской Федерации;

НСБ ГАКО – Научно-справочная библиотека Государственного архива Курской области;

ОРЗ РГБ – Отдел Русского зарубежья Российской государственной библиотеки (Россия, Москва);

РГБ – Российская государственная библиотека (Россия, Москва);

РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург, Россия).

Составители настоящего каталога надеются, что этот указатель станет не только ценным источником по изучению истории периода гражданской войны в России. Мы хотели бы привлечь внимание всех лиц, общественных организаций, государственных учреждений (библиотек, музеев, архивов), располагающих любыми полными или разрозненными номерами курских газет 1917-1920 гг., и пригласить их к обсуждению вопроса о создании сводного каталога этих поистине редких изданий, в основу которого мог бы быть положен настоящий указатель.

Источники и литература:

1. Газеты первых лет Советской власти, 1917-1922 [Текст]: сводный библиографический каталог / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Всесоюзная книжная палата; [сост. О. Н. Нижнева и др.]. Москва, 1990. Ч. 1: А – И. 1990. 350 с.

2. Газеты первых лет Советской власти, 1917-1922 [Текст]: сводный библиографический каталог / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Всесоюзная книжная палата; [сост. О. Н. Нижнева и др.]. Москва, 1990. Ч. 2: И – К. 1990. 336 с.

3. Газеты первых лет Советской власти, 1917-1922 [Текст]: сводный библиографический каталог / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Всесоюзная книжная палата; [сост. О. Н. Нижнева и др.]. Москва, 1990. Ч. 3: Л – Р. 1990. 272 с.

4. Газеты первых лет Советской власти, 1917-1922 [Текст]: сводный библиографический каталог / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, Гос. публичная б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Всесоюзная книжная палата; [сост. О. Н. Нижнева и др.]. Москва, 1990. Ч. 4: С – Я. Вспомогательные указатели. 1990. 318 с.

5. Газеты 1917-1922 годов в фондах Отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки [Текст]: библиогр. каталог. М., 1994. Вып.1. 117 с.

6. Несоветские газеты (1918-1922 гг.) [Текст]: каталог собрания Российской национальной библиотеки. СПб., 2002. 168 с.

7. Раков В.В. Мы были вместе со временем [Курская губерния в 1917 году] // Страницы и лица: «Курская правда». 1917-2002. Курск, 2002. С. 6-10; Раков В.В. Источники по истории Курской губернии в 1917 году: К постановке проблемы // Новый взгляд на Октябрьскую революцию 1917 г.: Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Октябрьской революции. 19 октября 2007. Курск, 2007. С. 15-18; Раков В.В. Периодическая печать Курской губернии в период контроля Вооруженными силами на Юге России (июнь – декабрь 1919 года) // События и люди в документах курских архивов. Вып. VI: Сб. статей Курск, 2008. С. 78-89; Раков В.В.

Уездная пресса Курской губернии периода Революции и Гражданской войны: типологическая структура и количественные показатели // Курский край в истории Отечества: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 230-летию учреждения Курской губернии и 75-летию образования Курской области. Курск. 22 мая 2009. В 2-х частях. / Под ред. В.Л. Богданова. Ч. 1. Курск, 2009. С. 108-111; Раков В.В. Источники по истории Рыльского и Рыльского уезда периода революций и Гражданской войны // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре: Сб. материалов межрегиональной научной конференции (г. Рыльск, 3 июня 2011 г.) / Ред.-сост. А.И. Раздорский. Рыльск, 2012. С. 216-224 и др.

8. Курские губернские ведомости. 1919. 20 октября.

9. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917-1920 гг.). М., 2002. 272 с.

10. Вечернее время. Курск, 1919. 2 октября.

11. Вечернее время. Белгород, 1919. 10 ноября.

12. Россия. Курск, 1919. 1 октября.

13. Россия. Курск, 1919. 11 октября.

14. Россия. Белгород, 1919. 15 ноября.

В.В. Раков, зам. директора
по научно-исследовательской работе
ОКУ «Госархив Курской области».

РЕПЕРТУАР ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917 – 1920)

БЮЛЛЕТЕНЬ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМИТЕТА: Офиц. орган / Издатель: Инструкторско-информационный отдел Курского Губпродкома. Ред.: М. Чаплыгин. 1920, 7 нояб. – (?). Надзаголовок: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Адрес редакции: Губпродком, 2-й этаж, к. №5. Типография Губсовнархоза № 1. Тираж 840 экз. Курск, 1920. Продолж.

1920: № 1 (7 нояб.) – 19 (17 дек.)

Место хранения: НБ ГАРФ, РГБ, РНБ, НСБ ГАКО.

БЮЛЛЕТЕНЬ КУРСКОГО ГУБСТАТБЮРО. Курск, 1920. Продолж.

1920: № 1 (дек.).

Место хранения: НСБ ГАКО.

БЮЛЛЕТЕНЬ ГАЗЕТЫ «КУРСКАЯ БЕДНОТА» / Подзаголовок: Орган Курского губ. исп. ком. город. Сов. деп., губ. и город. комитета Р.К.П. (большевиков). 1-й год изд. Периодичность выхода не указана. Печатался на одной стороне листа. Курск, 1918.

1918: б/н (11 ноября)

Место хранения: НБ ГАРФ.

ВЕСЁЛЫЙ КУРЯНИН. Курск, 1918 – [?].
1918

Ист.: Известия Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Курска и губ. Курск. 1918. 16 июля.

ВЕСТНИК КУРСКОГО ЗЕМСТВА / Еженед. прил. к газ. «Курская быль». Ред. В.Г. Пушкарёв. 1907, 26 февр. – [?]. Курск, 1907-1917.

С 1909 изд. в форме журн.

1917: № 1.

Место хранения: РНБ, РГБ.

ВЕСТНИК ГЛАВНОГО ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА МОСКОВСКО-КИЕВО-ВОРОНЕЖСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ / Периодичность выхода не указана. 1-й год изд. Ред.: отв. ред. И.М. Липатников. Изд.: Гл. Военно-революционный комитет. Адрес ред.: Курск, Главное Управление дороги. Курск, 1918.

1918: № 1 (?) – № 40 (23 дек.).

Место хранения: – НСБ ГАКО.

ВЕСТНИК КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ОТДЕЛА. Курск, 1918 – [?].

Вых. 2 раза в нед.

1-й год издания.

1918. № 1 (27 окт.) – [?].

Место хранения: НСБ ГАКО.

ВЕСТНИК КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО ОТДЕЛА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ. Курск, 1920. Продолж.

1920: № 1 (окт.) – № 3 (дек.).

Место хранения: НСБ ГАКО.

ВЕСТНИК МОСКОВСКО – КИЕВО – ВОРОНЕЖСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ / Надзаголовок: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Отв. ред. И.М. Лопатников. Ред. и контора: Гл. здание управления дороги. Курск, 1919.

1919: № 1 (1 янв.) – № 9 (март) ...

Место хранения: НСБ ГАКО.

ВЕСТНИК СЛУЖАЩИХ М.-К.-В. ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ: Изд. Главного Комитета / Вых. два раза в месяц. Вр. ответ. Ред. Ф. Андрюшин. Ред.: Курск, ул. Херсонская, 19/6. Электрич. типограф. губерн. Правления. Курск, 1918.

* Загл.: с № 14 (15 мая) «Вестник Главного Военно-Революционного Комитета Московско-Киево-Воронежской железной дороги». Изд. еженед. Отв. ред.: Президиум Главного Комитета.

1918: ... № 7 (15 янв.) – № 40 (23 дек.).

Место хранения: НСБ ГАКО.

ВЕСТНИК ПО ПРОДОВОЛЬСТВУЮ: Орган Курского губернского продовольственного комитета. Курск, 1918 – 1919. Продолж.

* Н а з в.: 1919, № 1-2 «Курский вестник по продовольствию».

1918: № 1 (?) – № 4-5 (20 окт.).

1919: № 1/2 (5 сент.) – (?).

Ист.: Курская беднота. Курск, 1918. 29 окт.

ВЕСТНИК СОВЕТОВ КООПЕРАТИВНЫХ СЪЕЗДОВ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ. Курск, 1918.

1918

Место хранения: НСБ ГАКО.

ВЕСТНИК СОЮЗА СЛУЖАЩИХ МОСКОВСКО – КИЕВО – ВОРОНЕЖСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ / Изд.: Гл. Ком. Отв. ред. Ф. Андрюшин. Курск, 1917. Продолж.

* Ред.: № 1 Ф. Андрюшин; № 2 А. Озирный.

1917: № 1 (15 окт.) – № 5 (15 дек.).

Место хранения: РНБ, НСБ ГАКО.

ВЕТЕРИНАРНО-САНИТАРНАЯ ХРОНИКА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ / Сост.: Вет. отд. Кур. губ. зем. управы по сообщ. зем. и др. вет. врачей. Отв. ред. В.Г. Пушкарёв. Ред.: янв. – февр. 1917 К.А. Рапп, март – сентябрь (?). Курск, 1917.

*Изд. с янв. 1895 под загл. «Ветеринарная хроника Курской губернии».

1917: № 1 (янв.) – № (?) (сент.).

Место хранения: РНБ, НСБ ГАКО.

ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ / Выходит ежедн. Ред. Б.А. Суворин. Редакция и контора временно: Херсонская ул. № 35. Типогр. «Свободная речь». Издатель: Паевое т-во Б.А. Суворин. Курск, элек. тип. Т-во «Свободная речь». Курск, 1919

1919: № 1 (?) – № 27 (30 окт.).

Место хранения: ОРЗ РГБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ / Действующая армия. Редакция и контора временно: Белгород, Смоленская ул., Европейская гостиница, 14. Белгород, 1919.

* Продолжение газ. «Вечернее время». Курск, 1919.

1919: № (?) – № 34 (нояб.).

Место хранения: ОРЗ РГБ, НБ ГАРФ.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС: Орган левых социалистов-революционеров (интернационалистов) / Ред.-изд. М.Е. Ливанов. Епарх. типография. Курск, 1918.

1918: ... № 17 (17/4 мая) – (?).

Место хранения: РГБ, НСБ ГАКО.

ВЛАСТЬ СОВЕТОВ: Журнал. Курск, 1920. Продолж.

1920: ГАКО: № 1 – № 11-12.

Место хранения: ГАКО. Ф. Р – 323. Оп. 1. Д. 105. (№ 11-12).

ВЛАСТЬ ТРУДА: Журн. орг. Курск. губ. отд. Управления. Курск, 1919.

1919: ... № 2 (28 февр.) ...

Место хранения: НСБ ГАКО.

ВОЛНА: Орган Курск. губ. исп.. ком. гор. Совета раб. и красноарм. деп., губ. и гор. ком. РКП (б). Надзаглавие: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Адрес ред.: ул. Ленина, № 29 (во флигеле). Курск, 1919.

1919: № 1 (1 янв.) – 204 (19 сент.).

Место хранения: РГБ, НБ ГАРФ, ГПИБ, РНБ, РКП, Славянская библиотека (Чехия), НСБ ГАКО.

ВОЛЯ НАРОДА: Орган мест. обществ. Жизни / Изд. Совета раб. и солд. депутатов г. Белгорода. Ред. Л. Меранвиль [и др.]. Белгород, 1917.

С (?) июля 1917 изд. газ. «Известия Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов».

1917: № 1 (11 июня) – (...).

Место хранения: РГБ, РНБ.

ГОЛОС РЕВОЛЮЦИИ: Орган Курск. губ. исп. комитета Советов / Вых. ежедневн кроме послепраздн. дней. Ред. коллегия. Курск, 1918

1918: № 1 (11 июня) – (...).

Место хранения: РГБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК БЕЛГОРОДСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА / Издатель: Белгородский Революционный комитет. Ред.: Редакционная коллегия. Надзаголовок: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Ред.: Помещение Ревкома. 1-я типография Совнархоза. Белгород, 1919.

1919: № 1 (23 марта) – 3 (6 апр.)

Место хранения: РГБ, НБ ГАРФ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ СУДЖАНСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА. Суджа (Курск. губ.), 1917.

* 3 а г л.: 1917 № 9 «Суджанская жизнь».

1917: № 1 (1 мая) – 8 (9 июля).

Место хранения: РГБ, РНБ.

ЖУРНАЛ САДОВОДСТВА, ПЧЕЛОВОДСТВА И ОГОРОДНИЧЕСТВА: Орг. Губ. земельного отдела. Курск, 1919.

1919: (?) – (?).

Ист.: Волна. Курск, 1919. 8 июля.

ЗАРЯ КОММУНИЗМА: Двухнедельный журнал молодёжи / Орган Губ. и общегород. Комит. Росс. комм. союза молодёжи / Цена отдельного номера в городе 85 коп., на станциях жел. дор. и в других городах 1 руб. Курск, 1919.

1919: (?).

Ист.: Волна. Курск, 1919. 16 февраля.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ: Ежеднев. орган Кур. ком. партии социалистов-революционеров. Курск, 1917.

1917: № 1 (?) – (?).

Место хранения: ГПИБ, РНБ.

ЗНАМЯ АНАРХИИ: Орган Курской федерации анархических групп / Изд.: Курская федерация анархич. Группа. Ред.: Редакционная коллегия. Курск, 1918.

1918: ... № 3 (26 нояб.) ...

Место хранения: НСБ ГАКО.

ИЗВЕСТИЯ / Изд. Старооскол. уисполкома Советов раб. и крест. депутат. и комитета РКП (б). Старый Оскол (Курск. губ.), 1919 – [?].

* 3 а г л.: 1919 № 10 (27 июля) «Известия Старооскольского исп. комитета Совета раб. и крест. депутат., уезд. и гор. комитетов РКП (б)».

1919: № 1 (?) – (?).

Место хранения: РНБ.

ИЗВЕСТИЯ БЕЛГОРОДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ. Орган мест. обществ. Жизни / Изд.: Белгородский уезд. Исполнительный комитет Совета раб., крест. и красноарм. депутатов и уезд. комитет Р.К.П. (б). Белгород (Курс. губ.), 1917 – [?].

Изд. с июля 1917. В июне 1917 изд. газ. «Воля народа».

* 3 а г л.: 1918 – ..., 1920 (№ 6) ... 1921 (№ 4) «Известия Белгородского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и уездного комитета РКП (большевиков)». Ред.: Редакционная коллегия. Надзаголовок 1920: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Редакция 1920: Кабинет председателя уисполкома. Контора 1920: Здание Белгородского уисполкома, информационно-инструкторский подотдел отдела управления.

1917 № 1 (?) – 1920 (?)

Место хранения: 1917 – РНБ, РГБ, ГПИБ; 1918 – см. Список поврежденных изданий за 1918 год / Сост. по материалам Рос. книжной палаты Л.К. Ильинский. Пг., 1922; 1919 – (?); 1920 – РГБ, ГПИБ, НБ ГАРФ.

ИЗВЕСТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО НАРОДНОГО СОВЕТА И КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИССАРИАТА. Курск, 1917. Продолж.

* 3 а г л.: 1838, № 1 (7 янв.) – 1917, № 68 (17 июня) «Курские губернские ведомости»; 1917, № 22 (8 авг.) – № 70 (2 дек.) «Известия Курского губернского комиссариата и Исполнительного комитета Курского губернского народного совета»; 1917, № 71 (5 дек.) – № 72 (7 дек.) «Известия Курского губернского комиссариата. (Губернские ведомости)»; 1917, № 75 (143) (30 дек.) – 1918 (?) «Известия Курского губернского комиссариата при Революционном Совете (Губернские ведомости)».

1917: № 1 (69) (20 июня) – № 21 (5 авг.).

Место хранения: РНБ, НСБ ГАКО, РГБ.

ИЗВЕСТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КУРСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ. Курск, 1917.

1917: ... № 2 (4 марта) – № 9 (9 марта).

Место хранения: РНБ, НСБ ГАКО.

ИЗВЕСТИЯ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИССАРИАТА. Курск, 1917. Продолж.

* 3 а г л.: 1838, № 1 (7 янв.) – 1917, № 68 (17 июня) «Курские губернские ведомости»; 1917, № 1 (69) (20 июня) – № 21 (5 авг.) «Известия Исполнительного комитета Курского губернского народного Совета и Курского губернского комиссариата. (Губернские ведомости)»; 1917, № 22 (8 авг.) – № 70 (2 дек.) «Известия Курского губернского комиссариата и Исполнительного комитета Курского губернского народного совета»; 1917, № 75 (143) (30 дек.) – 1918 (?) «Известия Курского губернского комиссариата при Революционном Совете (Губернские ведомости)».

1917: № 71 (5 дек.) – № 72 (7 дек.).

Место хранения: РНБ, РГБ, НСБ ГАКО.

ИЗВЕСТИЯ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО КОМИТЕТА. Курск, 1917.

1917: № 1 (5/15 июня) – № 2 (?)

Место хранения: РНБ, НСБ ГАКО.

ИЗВЕСТИЯ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИССАРИАТА И ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КУРСКОГО НАРОДНОГО СОВЕТА. Курск, 1917. Продолж.

* З а г л.: 1838, № 1 (7 янв.) – 1917, № 68 (17 июня) «Курские губернские ведомости»; 1917, № 1 (69) (20 июня) – № 21 (5 авг.) «Известия Исполнительного комитета Курского губернского народного Совета и Курского губернского комиссариата. (Губернские ведомости)»; 1917, № 22 (8 авг.) – № 70 (2 дек.) «Известия Курского губернского комиссариата и Исполнительного комитета Курского губернского народного совета»; 1917, № 71 (5 дек.) – № 72 (7 дек.) «Известия Курского губернского комиссариата. (Губернские ведомости)»; 1917, № 75 (143) (30 дек.) – 1918 (?) «Известия Курского губернского комиссариата при Революционном Совете (Губернские ведомости)».

1917: № 22 (8 авг.) – № 70 (2 дек.).

Место хранения: РНБ, РГБ, НСБ ГАКО.

ИЗВЕСТИЯ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИССАРИАТА ПРИ РЕВОЛЮЦИОННОМ СОВЕТЕ (ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ). Курск, 1917. Продолж.

* З а г л.: 1838, № 1 (7 янв.) – 1917, № 68 (17 июня) «Курские губернские ведомости»; 1917, № 1 (69) (20 июня) – № 21 (5 авг.) «Известия Исполнительного комитета Курского губернского народного Совета и Курского губернского комиссариата. (Губернские ведомости)»; 1917, № 22 (8 авг.) – № 70 (2 дек.) «Известия Курского губернского комиссариата и Исполнительного комитета Курского губернского народного совета»; 1917, № 71 (5 дек.) – № 72 (7 дек.) «Известия Курского губернского комиссариата. (Губернские ведомости)».

1917: № 75 (143) (30 дек.) – 1918 (?).

Место хранения: РНБ.

ИЗВЕСТИЯ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ: Офиц. орган.: Прилож. к газ. «Курская правда». Курск, 1920. Продолж.

1920: № 1 (27 окт.) – 18 (30 дек.).

Место хранения: ГПИБ, РНБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО, ГАКО. Ф. Р – 323. Оп. 1. Д.105.

ИЗВЕСТИЯ КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА РКП (Б). Курск, 1920.

1920: № 1 (12 июля) – № 4 (18 авг.).

Место хранения: НБ ГАРФ.

ИЗВЕСТИЯ КУРСКОГО ОТДЕЛА ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ЗЕМЕЛЬНЫХ СОБСТВЕННИКОВ. КУРСК, 1917.

1917, 1 ненум. вып. (22 авг.).

Место хранения: РНБ, РГБ.

ИЗВЕСТИЯ КУРСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ / Ред.: № 71 (25 авг. / 7 сент.) – (?) И. Аронин; № 74 (29 авг. / 11 сент.). – 119 (27 окт. / 9 нояб.). И. Боровецкий. Тир. 3840 экз. Курск, 1917.

(1 (14) июня – ... дек.). Прилож.

* Изд. взамен «Курской военной газеты».

1917 РНБ: № 1 (?) – № [167] (?).

Место хранения: ГПИБ, НСБ ГАКО.

ИЗВЕСТИЯ КУРСКОГО ОБЪЕДИНЁННОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ. Курск, 1918.

1918: № 1 (?) – № 111 (9 июня).

Место хранения: РГБ, НБ ГАРФ, ГПИБ, НСБ ГАКО.

ИЗВЕСТИЯ ЛЬГОВСКОГО УЕЗДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ / Газета вых. ежед., кроме понед. и дней послепраздничных. Издатель: Совет. Ред.: Ред. коллегия. Льгов, Курск. губ., 1919. Продолж.

* 3 а г л.: 1918, № 30 (8 сент.) – 41 (27 сент.), № 50 (9 окт.) – № 119 (30 дек.). «Известия Льговского уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов»; 1918 № 42 (29 сент.) – 49 (8 окт.) «Известия рабочих и крестьянских депутатов Льговского уездного Совета».

1919: (?) – (?).

Место хранения: РГБ, НБ ГАРФ, РНБ, ГПИБ, РКП.

ИЗВЕСТИЯ ЛЬГОВСКОГО УЕЗДНОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ / Газета вых. ежед., кроме понед. и дней послепраздничных. Издатель: Совет. Ред.: Ред. коллегия. Льгов, Курск. губ., 1918, 1919.

* 3 а г л.: 1918, № 42 (29 сент.) – 49 (8 окт.) «Известия рабочих и крестьянских депутатов Льговского уездного Совета»; 1919, (?) – (?) «Известия Льговского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

1918: № 30 (8 сент.) – 41 (27 сент.), № 50 (9 окт.) – № 119 (30 дек.).

1919: № 1 (1 янв.) – ... № 119 (31 дек.).

Место хранения: 1918 – РГБ, РНБ, ГПИБ, РКП, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО; 1919 – РГБ, НБ ГАРФ, РНБ, ГПИБ, РКП, НСБ ГАКО.

ИЗВЕСТИЯ ПУТИВЛЬСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ. Путивль, Курск. губ., 1917.

1917: № 1 (?) РНБ: № 11 (26 авг.) – № [12 (8 окт.)].

Место хранения: РНБ.

ИЗВЕСТИЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ ЛЬГОВСКОГО УЕЗДНОГО СОВЕТА / Газета вых. ежед., кроме понед. и дней послепраздничных. Издатель: Совет. Ред.: Ред. коллегия. Льгов, 1918.

* 3 а г л.: 1918, № 30 (8 сент.) – 41 (27 сент.), № 50 (9 окт.) – № 119 (30 дек.). «Известия Льговского уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов»; 1919, (?) – (?) «Известия Льговского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

1918: № 42 (29 сент.) – № 49 (8 окт.).

Место хранения: РГБ, РНБ, НБ ГАРФ, ГПИБ.

ИЗВЕСТИЯ РЫЛЬСКОГО ИСПОЛКОМА И УЕЗДНОГО КОМИТЕТА РКП (Б). Рыльск, Курск. губ., 1918-1919. Продолж.

* 3 а г л.: 1918-1919, [?] (23 нояб.) – № 27 (12 марта) «Известия Рыльского Ревкома и городского бюро фракции РКП (б)»; 1919, № 28 (17 марта), 29 (21 марта) «Известия Рыльского ревкома и уездного комитета РКП (б)».

1918: [?] (23 нояб.) – [?].

1919: №1 (?) – № 27 (12 марта).

Место хранения: 1918 – сведений нет; 1919 – РГБ, РНБ, РКП, НСБ ГАКО, НБ ГАРФ, ГПИБ.

ИЗВЕСТИЯ РЫЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА / Коллектив Революционного комитета. Рыльск, Курск. губ., 1918. Продолж.

1918: № 1 (23 нояб.) – [?].

Место хранения: НБ ГАРФ.

ИЗВЕСТИЯ РЫЛЬСКОГО РЕВКОМА И ГОРОДСКОГО БЮРО ФРАКЦИИ РКП (Б). Рыльск, Курск. губ., 1919. Продолж.

* 3 а г л.: 1918-1919, [?] (23 нояб.1918) – [?] «Известия Рыльского исполкома и уездного комитета РКП (б)»; 1919, № 28 (17 марта), 29 (21 марта) «Известия Рыльского ревкома и уездного комитета РКП (б)».

1919: (?) – (?).

Место хранения: ГПИБ, НБ ГАРФ.

ИЗВЕСТИЯ СТАРО-ОСКОЛЬСКОГО УЕЗДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА РАБОЧИХ, КРАСНОАРМЕЙСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ. Старый Оскол, Курск. губ., 1918. Продолж.

1918: ... [?] 11 окт. – № 5 (20 окт.) ...

Место хранения: ГПИБ, РГБ, РНБ.

ИЗВЕСТИЯ: Издание Старо-Оскольского уездного исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов и комитета Р.К.П. (б) / Редакционная коллегия: Мазалов, Кобрисев, Негуляев. Надзаголовок: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Старый Оскол, Курск. губ., 1920.

1920: ... № 11 (7 марта) – 13 (15 марта) ...

Место хранения: НБ ГАРФ.

ИЗВЕСТИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ Г. КУРСКА И ГУБ[ЕРНИИ]. Вых. ежедневно, кроме послепраздничных дней / Редакционная коллегия. Курск, 1918.

1918: ... № 2 (16 июля) – № 50 (13 сент.) ...

Место хранения: РГБ, РНБ, НСБ ГАКО.

ИЗВЕСТИЯ ФАТЕЖСКОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА. Фатеж, Курск. губ., 1918.

1918: (?) – (?).

Ист.: Список повременных изданий за 1918 год / Составил по материалам Рос. книжной палаты Л.К. Ильинский. Пг., 1922; Курская беднота. 1918. 19 сент.; Курская беднота. 1918. 1 окт.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОЛОДЁЖИ: Издание Курского губернского комитета РКСМ / Посвящается дню сбора в подарок Коммунистическому Интернационалу молодёжи. Тип. Сов. Нар. Хоз-ва № 2. Курск, 1920.

1920: Б/н (24 июня).

Место хранения: НСБ ГАКО.

К СОЛНЦУ: Лит. газ. кружка самообразования в Белгороде. Белгород, 1918.

1918: № 1 – 4.

Место хранения: РГБ.

КЛИЧ: Издание Щигровского уезд. отд. народного образования / Вых. по воск., вторн. и четверг. Изд.: Щигровский уездный Отдел народного образования. Отв. редактор А.В. Лукьянов. Адрес редакции: Народообразование. Типография Усовнархоза, Мещанская (Советская) ул., Щигры. Надзаголовок: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Щигры, Курск. губ., 1919.

* 3 а г л.: Издание Щигровского уездного Исполкома Курской губернии / Издательство Щигровский уездный исполнительный комитет № 21.

1919: № 1 (26 июня) – 21 (21 авг.).

Место хранения: НБ ГАРФ.

КОМСОМОЛЕЦ: Еженед. орган Курск. губкома Рос. ком. союза молодежи. Курск, 1919.

* Прил. к газ.: «Курская правда». Загл.: 1919 Страничка Красной молодежи напеч. на стр. газ. «Волна». Изм. загл.: 1920 (б №) «Юный коммунар».

Место хранения: РГБ, ГПИБ.

КРАСНАЯ АРМИЯ: Агит. орган при Курске. губвоенкомате и райсовете. Курск, 1918.

1918: № 1 (?) – 51 (14 июля).

Место хранения: ГПИБ, НСБ ГАКО.

КРАСНАЯ БЕДНОТА: Орг. Кур. губ. исполнительного комитета и гор. совета раб., крест. депутат. и Курск. губ. комитетов партии. Курск, 1918. 1-й год изд.

Ист.: Список поврежденных изданий за 1918 год / Составил по материалам Рос. книжной палаты Л.К. Ильинский. Пг., 1922.

КРАСНАЯ ДЕРЕВНЯ: Издание Курского губкома РКП. Вых. два раза в неделю / Издатель: Отд. по работе в деревне Губкома Р.К.П (б). Ред.: В. Поляков. Адрес редакции: ул. Ленина, 31. Типография: Р. В. Ц., Курск. Курск, 1920. Прод.

* Изм. загл.: 1920 (№5-8) – 1921 (№9-13) – подзагол.: Орган Отдела работы в деревне губкома РКП; Изм. вых. дан.: 1920 (№5-8) – 1921 (№9-13) – издатель: Отд. по работе в деревне губкома РКП.

1920: № 1 (16 нояб.) – № 8 (28 дек.).

Место хранения: ГПИБ, РГБ, РНБ, НБ ГАРФ.

КРАСНАЯ ИСКРА: Офиц. орган Рыльс. исполкома и укома РКП (б). Рыльск, Курск. губ., 1920. Продолж.

1920: № 1 (?) – № 13 (25 дек.).

Место хранения: ГПИБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

КРАСНАЯ ТРУЖЕНИЦА: Орг. женотдела при Губкоме Р.К.П. Курск, 1920.

Размещ. на стр. газеты «Курская правда».

1920.

Место хранения: ГПИБ, РГБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

КРАСНОАРМЕЕЦ: Газета / Прилож. к газ. «Курская беднота». Курск, 1918.

1918: № 1 (24 сент.) – 14 (22 дек.).

Место хранения: Славянская библиотека (Чехия), НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

КРАСНОАРМЕЕЦ: Орг. Курского губкома и горкома РКП (б). Курск, 1918.

* До № 8 (30 июля) наз. «Курский красноармеец».

1918: № 1 (?) – [?].

Место хранения: НБ ГАРФ.

КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПРАВДА: Орг. политпросвета отд. Курск. губ. военкома. – Курск, 1920.

* Печаталась в газете «Курская правда»
1920.

Место хранения: НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ: Орг. Льговского Уездисполкома и Уездкома Р.К.П. большевиков. Первый год издания. Цена номера 5 руб. Выходит три раза в неделю: среду, пятницу и воскресенье. Адрес редакции: Советская ул. бывш. д. Филькова. Ответственный редактор: Новиков, Юников. Издатель: Уездисполком и Уездком Р.К.П. Льгов, Курск. губ., 1920.

* «Красное знамя» являлось продолжение издаваемого Льговским Уездкомом Бюллетеня, который вследствие технических затруднений был приостановлен с № 7.

1920: № 1 (26 декабря) – [?].

Ист.: ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 96. Л. 231-231 об.

КРАСНОЕ УТРО: Орг. Тим. уисполкома и укома РКП (б). Тим, Курск. губ., 1920.
1920: № 1 (16 июня) – 41 (15 дек.).

Место хранения: НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

КРАСНЫЙ МАЯК: Орг. Корочанского Военно-революционного комитета и Бюро Р.К.П (б). / Вых. два раза в нед. Изд.: Ревком и Бюро. Ред. И. Синдеев. Надзаголовок: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Адрес редакции: Коммунистическая ул., дом Бартеновой. 1919-1920. Типография Ревкома. Короча, Курск. губ., 1919-1920. Продолж.

1919: ... № 2 (26 дек.) ...

1920: ... № 3 (3 янв.) ...

Место хранения: 1919 – НБ ГАРФ; 1920 – НБ ГАРФ.

КРАСНЫЙ ПАХАРЬ: Обоянская газета. / Изд. Обоян. уездкомпартии и уездисполкома. Вых. 3 раза в нед. Обоянь, Курск. губ., 1920. Продолж.

1920: ... № 7 (3 сент.) ...

Место хранения: РНБ, НБ ГАРФ.

КРАСНЫЙ ПУТИВЛЬ: Изд. Путивл. ком. РКП (б). – 1919, 2 февр. – [?]. – Путивль, Курск. губ., 1919.

1919: № 1 (1 февр.) – [?].

Место хранения: Путивл. краевед. музей – филиал Сумского краевед. муз.

КРАСНЫЙ ПУТЬ: Красноармейский листок. Курск, 1920.

* Размещ. на стр. газеты «Курская правда».

1920: №1 (7 янв.) – [?].

Место хранения: ГПИБ, РГБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

КУРСК. Курск, 1917.

1917: (?) – (?).

Ист.: Ильинский Л.К. Список повременных изданий за 1917 год. Пг., 1919. С. 96.

КУРСКАЯ БЕДНОТА: Газета для рабочих и крестьян. Орган Кур. губ. исп. ком., городск. Сов. деп., губ. и гор. ком. РКП (б). Курск, 1918.

* Изд. с 17 сентября 1918 вместо «Курской правды» и «Известий Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Курска и Курской губернии».

1918: ... № 2 (18 сент.) – 88 (29 дек.).

Место хранения: ГПИБ, РГБ, РНБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

КУРСКАЯ БЫЛЬ: Ежеднев. газ. / Ред. В.Н. Якушев. Курск, 1917.

– Курск, Н.Е. Марков. (...).

Изд. с 12 октября 1906. П р и л.: «Вестник Курского земства» (1907-1917).

1917: № 1 (3091) (1 янв.) – № 62 (3152) (8 марта).

Место хранения: ГПИБ, РГБ, РНБ.

КУРСКАЯ ВОЕННАЯ ГАЗЕТА: Беспарт., соц. орг. / Ред. комис. Совета солд. и рабочих депутатов. Ред.: № 1 (10 марта) – № 51 (18 мая) (?) поручик Васильев; № 55 (24 мая) (?) – 58 (27 мая) Афонин и [др.].

* С 1 июня изд. газ. «Известия Курского Совета рабочих и солдатских депутатов».

1917: № 1 (10 марта) – 61 (31 мая).

Место хранения: РНБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

КУРСКАЯ ГАЗЕТА: Веч. телеграммы Петрогр. телегр. агенства и телефонограммы собств. кор. / Ред. – изд. Н.А. Берестецкий. Курск, 1917.

* Изд. с 18 сент. 1907 под загл. «Справочная газета». Текст на одной стороне листа.

1917: № 1 (17 марта) – № 12 (7 апр.).

Место хранения: РНБ, РГБ.

КУРСКАЯ ЖИЗНЬ: Орг. левых социалистов-революционеров (интернационалистов) / Под ред. Праведникова [и др.]. Адрес редакции: Почтовый переулок, против почты. Курск, 1917-1918.

* 3 а г л.: № 1 (8 марта) – 92 (2 июля) «Курский край». Подзаг.: № 1 (8 марта) – 64 (20 мая) Ежедн. газ.; № 65 (30 мая) – 92 (2 июля) Соц. ежеднев. газ.; № 1 (4 июля) – 128 (10 дек.) Орган Курск. ком. партии социалистов-революционеров.

1917: № 1 (4 июля) – № 143 (31 дек.).

1918: № 1 (?) – № 137.

Место хранения: 1917 – РНБ, РГБ, НСБ ГАКО; 1918 – РГБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО, Славянская библиотека (Чехия).

КУРСКАЯ НАРОДНАЯ РЕЧЬ: Ежедн. общест. – полит. и лит. газета / Ред.: Редакционная комиссия. Изд.: Т-во «Свободная речь». Курск, 1919.

1919: № 1 (21 сент.) – 6 (28 сент.).

Место хранения: НСБ ГАКО.

КУРСКАЯ ПРАВДА: Орган Курск. Губ. Революцион. Ком. и Губ. Ком. Р.К.П. (б) / Ред.: Г. Альперович (Г. А-ч). Ред.: Ред. коллегия. Изд.: Курск. Губ. Ревком, Курский Губком РКП. Курск, 1918 – 1920. Продолж.

* В 1918-1920 на страницах газ. выходят тематические страницы «Страничка красной молодежи», «Юный коммунар». В 1920 на страницах газ. печатается газ. «Красноармейская правда»: орган политпросвета отдела Курск. Губвоенкомата. В подзаг.: 1920, № 167 - 1923, № 240 Орган Курского губернского исполнительного комитета и губернского комитета РКП(б);

1918: ... № 7 (8 июня) – № 88 (?) ...

1919: № 1 (?) – № 202 (17 сент.) ..., ... № 3 (25 нояб.) – № 34 (31 дек.).

1920: № 1 (1 янв.) – № 282 (31 дек.).

Место хранения: 1918 – НСБ ГАКО, НБ ГАКО, РГБ; 1919 – НСБ ГАКО, НБ ГАКО, РГБ; 1920 – НСБ ГАКО, НБ ГАКО, РГБ, ГПИБ.

КУРСКИЕ ВЕСТИ / Выходит ежедневно, кроме дней послепраздничных / Редактор С. Фрид. С № 20 ответ. ред. Д.Д. Друзякин. Редакция и кантора по адресу: Курск, ул. Чистая, д. № 14. Издатель: «Товарищество». Типограф. быв. П. Либерман. Курск, 1919.

1919: ... № 3 (25 сент.) – № 20 (16 октября) ...

Место хранения: РГБ ОРЗ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО, ГАРФ. Ф. Р-3435. Оп.1, Д.8.Л.303-304.

КУРСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ. Курск, 1917, 1919.

Изд. с 1838.

* З а г л.: 1838, № 1 (7 янв.) – 1917, № 68 (17 июня) «Курские губернские ведомости»; 1917, № 1 (69) (20 июня) – № 21 (5 авг.) «Известия Исполнительного комитета Курского губернского народного Совета и Курского губернского комиссариата. (Губернские ведомости)»; 1917, № 22 (8 авг.) – № 70 (2 дек.) «Известия Курского губернского комиссариата и Исполнительного комитета Курского губернского народного совета»; 1917, № 71 (5 дек.) – № 72 (7 дек.) «Известия Курского губернского комиссариата. (Губернские ведомости)»; 1917, № 75 (143) (30 дек.) – 1918 (?) «Известия Курского губернского комиссариата при Революционном Совете (Губернские ведомости)»; 1919, № 1 (20 окт.) «Курские губернские ведомости».

1917: № 1 (янв.) – № 68 (июнь).

1919: № 1 (20 окт.)

Место хранения: 1917 – ГПИБ, РГБ; 1920 – НБ ГАРФ.

КУРСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ: Вых. еженед. / Ред. офиц. части Н. Дивногорский, неофиц. части Н. Сенаторский. Курск, 1917-1918.

Изд. с 1 янв. 1871.

* Подзаг.: 1917, № 1/2 (8-15 янв.) – № 44/45 (7) Вых. еженед.; 1918, № 1/3 (1-15 янв.) – № 19/20 (15-22 мая) Издание духовенства и мирян Курской епархии. Вых. четыре раза в месяц.

1917: № 1/2 (8-15 янв.) – № 44/45 (7).

1918: № 1/3 (1-15 янв.) – № 19/20 (15-22 мая).

Место хранения: 1917 – РНБ, НСБ ГАКО; 1918 – НСБ ГАКО.

КУРСКИЙ ВЕСТНИК ПО ПРОДОВОЛЬСТВУ: Изд. Курск. губпродкома. Курск, 1918.

1918: (?) – (?).

Ист.: Курская беднота. Курск, 1918. 29 окт.

КУРСКИЙ КРАЙ: Ежеднев. газ. / Ред.: № 1 (8 марта) – 92 (2 июля) ред. – изд. М.Е. Ливанов. Адрес редакции: Почтовый переулок, против почты. 1917, 1918.

* Подзаг.: № 1 (8 марта) – 64 (20 мая) Ежедн. газ.; № 65 (30 мая) – 92 (2 июля) Соц. ежеднев. газ. С 4 июля 1917 назыв. «Курская жизнь».

1917: № 1 (8 марта) – № 92 (2 июля).

1918: ... № 12 (7 авг.) ...

Место хранения: 1917 – РНБ, РГБ, НСБ ГАКО, Славянская библиотека (Чехия); 1918 – НБ ГАРФ.

КУРСКИЙ КРАСНОАРМЕЕЦ: Орг. Курск. губкома и горкома РКП (б) / Надзаголовок: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Адрес редакции: ул. Ленина, 29 (во флигеле). Курск, 1919.

* С № 8 (30 июля) – назыв. «Красноармеец».

1919: ... № 4 (10 июля) – № 23 (2 сент.) ...

Место хранения: НБ ГАРФ.

КУРСКОЕ САДОВОДСТВО, ПЛОДОВОДСТВО И ОГОРОДНИЧЕСТВО: Ежемес. журнал. Орган Курск. отд. Рос. о-ва плодоводства. Ред. П.Г. Чефранов и Н.Н. Павловский. Курск, 1917.

Изд. с янв. 1912.

1917: № 1/2 (янв. / февр.) – (?).

Место хранения: РНБ.

МЕЧ СВОБОДЫ: Орган Старо-Оскольского Совета рабочих депутатов / Издат. Старо-Оскольского Совета рабочих депутатов. Ред. М. Г. Файнберг. Вых. временно два раза в неделю. № 26 – № 38 вых. три раза в неделю (по воскр., средам и пятн.). Надзаголовок: Земля – трудящимся над ней, воля – всему народу. Контора и редакция: Курская улица, дом Дягилевой (№ 1 – ...); дом Кобозева, Нижняя площадь (№ 26 – ...). Типография А.А. Попова, г. Старый-Оскол. Старый Оскол. Курск. губ., 1918.

1-й год издания.

1918: № 1 (19 янв.) – № 56 (?).

Место хранения: РНБ, РГБ, НБ ГАРФ.

НАБАТ: Агитац. орг. при Курск. Совете Народных комиссаров и Военной комиссии по б-бе с контрреволюцией / Изд. Военной комиссии по б-бе с контрреволюцией при Курске. Совете Народных Комиссаров. Ред. Сергей Н. Срединский. Временный адрес редакции и конторы: № 1 – 3 – гостиница Полторацких, № № 17 и 18 (угол Московской и Гостинной улиц); № 4 – гостиница «Цфистер», № № 2 и 3 (Ендовищенская улица, д. № 11). Электрическая типо-литография Либерман. Курск, 1918.

1918: № 1 (27 апр.) – 4 (9 мая).

Место хранения: НБ ГАРФ.

НАБАТ: Орг. Щигровского уездкома РКП (б) и уездисполкома / Изд. уездкома и уездисполкома. Отв. ред. Н. Пархоменко. Надзаголовок: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Адрес редакции: Советская ул., д. № 243. Советская типография. Щигры, Курск. губ., 1920.

Год изд. 1-й.

1920 № 1 (10 июля) – 20 (14 нояб.).

Место хранения: РНБ, РГБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

НАШ ЖУРНАЛ: Орган Моск. – Киево – Воронежской ж. д. / Курск, 1918-1919.

* Н а з в.: 1918 № № 9 – 13 Вестник союза служащих М.-К.-В. [Моск.-Киево-Воронежской] ж. д.; 1918 № № 15 – 40 Вестник Глав. воен.-рев. ком. Моск.-Киево-Воронежской ж. д.; 1919 № № 1 – 9 Вестник Моск.-Киево-Воронежской ж. д.

1918: № 1 – № 40; 1919: № 1 – № 9.

Ист.: Периодическая печать СССР: 1917 – 1949: Библиографический указатель / Журналы, труды и бюллетени по транспорту, связи и коммунальному делу. М., 1955. С. 14.

НАШ СПУТНИК: Орг. Курск. губ. Совета проф. союзов. 1920.

1920: № 1 (окт.) – (?).

Место хранения: НСБ ГАКО, ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д.105. Л. 108.

НЕДЕЛЯ КРЕСТЬЯНИНА: Спец. номер газеты / Ред. В. Поляков / Типография Совнархоза. Тим, Курск. губ. 1920.

1920: № 1(12 сент.) – (?).

Место хранения: НБ ГАРФ.

ПЕЧАТНИК. Орг. культ. – просвет. комиссии при проф. союзе раб. печатного дела гор. Курска и губ. / Ред.: Редакц. комиссия. Изд.: Культ. – просвет. комиссия при профс. раб. печатного дела. Курск, 1919.

1919: (?) – (?).

Ист.: Список повременных изданий за 1918 год / Составил по материалам Росс. книж. палаты Л.К. Ильинский. Пг., 1922. С. 173.

ПРИБОЙ: Орг. социал-демократов меньшевиков. Белгород, Курск. губ., 1917.

1917: № 1 (19 марта) – (?).

Место хранения: РНБ.

ПРИЗЫВ: Ежед. полит. и литературная газета. Курск, 1919.

1919: ... 26 сент. – 2 нояб.

Место хранения: ОРЗ РГБ.

ПРОБЛЕСКИ: Журнал молодых писателей / Изд. лит. кружка. Ред. Н. Пузанов. Тим, Курск. губ., 1917.

1917: № 1 (25 апр.) – 4 (1 сент.).

Место хранения: РНБ.

РАБОЧАЯ МОЛОДЁЖЬ: Журнал Ямской организации рабочей молодёжи г. Курска. Вых. два раза в мес. Курск, 1918.

1918: № 1 (1 мая) – № 3/4 (12 июня) ...

Ист.: Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии: Сб. док-тов и материалов. Курск, 1957. С. 471; Из истории Курской областной комсомольской организации (1918 – 1970 гг.). Сб. док-тов. Курск, 1972. С. 30, 439; НСБ ГАКО.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ СТЕННАЯ ГАЗЕТА: Изд. Курск. губисполком и городской Совет губерн. и гор. Комитета Рос. коммун. партии (большевиков). / Экстренное прибавление к газ. «Крестьянская беднота». Курск, 1918.

* Добав.: Курский губ. Исполнительный комитет Советов.

1918: № 1 (нояб.).

Ист.: Список повременных изданий за 1918 год / Сост. по материалам Росс. книжной палаты Л.К. Ильинский. Пг., 1922. С. 187; Курская беднота. Курск, 1918. 9 нояб.

РОССИЯ. Курск. изд.: Обществ. – полит., лит. газ. / Выходит ежедн., кроме понедельника. Курск, 1919.

1919: № 1 (1 окт.) – № 25 (29 окт.).

Место хранения: ОРЗ РГБ, НСБ ГАКО.

РОССИЯ. Белгород. изд.: Обществ. – полит., лит. газ. / Выходит ежедн., кроме понедельника. Белгород, Курск. губ., 1919.

1919: ... 14 нояб. – 17 нояб. ...

Место хранения: ОРЗ РГБ.

РосТА. СТЕННАЯ ГАЗЕТА: Изд. Кур. губ. отд. Росс. Телеграф. Агенства (РосТА). Надзаголовок: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Курск, 1919.

* Текст на одной стороне листа.

1919: № 1 (25 авг.) – № 15 (17 сент) ...

Место хранения: НБ ГАРФ.

РосТА. СТЕННАЯ ГАЗЕТА. ПОСЛЕДНИЕ ТЕЛЕГРАММЫ РосТА: Изд. Белг. уезд. отд. Росс. Телеграф. Агенства (РосТА). Вых. в Белгороде ежедн. Контора ред. РОСТА: Сергиевская ул., 11. Надзаголовок: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Белгород, Курск. губ., 1920.

* Текст на одной стороне листа.

1920: ... б/н (6 февр.) – № 16 (23 февр.).

Место хранения: НБ ГАРФ.

СТЕННАЯ ГАЗЕТА УКРосТА. ПОСЛЕДНИЕ ТЕЛЕГРАММЫ УКРосТА: Изд. Белг. уезд. отд. Росс. Телеграф. Агенства (РосТА). Вых. в Белгороде ежедн. Контора ред. РОСТА: Сергиевская ул., 11. Надзаголовок: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Белгород, Курск. губ., 1920.

1920: № (25 февр.) – № 56 (23 апр.) ...

* Текст на одной стороне листа.

Место хранения: НБ ГАРФ.

РЫЛЬСКИЙ ЛИСТОК. Вых. два раза в неделю / Изд. Л.Н. Яковлева. Редакция в мужской гимназии по Шелеховской улице. Контора в магазине Яковлевых по Архангельской ул. Типография: Скоропечатня М.М. Яковлевой и С – я П. и Г. Рыльск, Курск. губ. 1917.

* Ред.: № 1 (2/15 июня) – 10 (3/16 июля) Н. Малышев, Е. Глебов; № 11 (7/20 июля) – 24 (22 авг. /2 сент.) М. Хостник, Е. Глебов; ... № 27 (1/14 сент.) – ... Н. Малышев, Е. Глебов.

1917 № 1 (2/15 июня) – 39 (23 окт. / 5 нояб.).

Место хранения: РГБ, РНБ, ГПИБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

СВОБОДНЫЙ ГРАЖДАНИН: Газ. крестьян и трудящегося пролетариата / Бюро земских служащих. Ред. И.М. Мерзликин. Ред.: Покровская улица, дом наследн. Косиловых, вблизи мужской гимназии. Контора: Харьковская улица, дом И.И. Орла. Типография Санникова. Короча, Курск. губ., 1917.

* Подзаг.: № 1 (12 марта) – 16 (27 авг.) (?). Газ. полит. – экон.: Главные вопросы – устройство новой свободной жизни на началах равенства и справедливости. Объединяет корпорации служащих всех профессий, отстаивая интересы трудящихся.

1917: № 1 – 31 (20 нояб.).

Место хранения: РНБ, ГПИБ, НБ ГАРФ.

СВОБОДНАЯ РЕЧЬ: Ежедн. демокр. газ. / Ред. А.И. Романов. Изд.: Товарищество «Свободная речь». Типография издательства Т-ва «Свободная речь», Курск, Херсонская ул., д. № 35. Адрес редакции: Курск, «Свободная речь». Курск, 1917.

* Ред.: № 1 (8 июля) – 44 (29 авг.) А.А. Петров; № 45 (1 сент.) – 85 (22 окт.) С.С. Свешников; № 86 (24 окт.) – № 132 (21 дек.) А.И. Романов.

1917: № 1 (8 июля) – № 139 (31 дек.).

Место хранения: РГБ, РНБ, ГПИБ, РКП, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО, Славянская библиотека (Чехия).

СЕРП И МОЛОТ: Изд. Дмитриев. уисполкома и укома РКП (б). Вых. 2 раза в нед. Дмитриев, Курск. губ., 1920. Продолж.

1920: ... 24 окт. – 26 дек. ...

Место хранения: РГБ, РНБ, ГПИБ, РКП, НБ ГАРФ.

СИГНАЛ: Орган Дорпрофсожа, дорпрофсоюзкасы и ТПО МКВ ж. д. Курск, 1920.

* Изм. загл. 1920 (№ 3. 5) подзагол. Изд. Полит отд. Киево-Воронежской ж. д. 1920 (№ 15) - 1922 (№ 101) Орган Дорпрофсожа Киево-Воронежской ж. д. Изм. вых. дан. 1920 (№ 3. 5) издатель не указан. 1920 (№ 15) - 1921 (№ 4... 23) Дорпрофсож КВ ж. д.

1920: № 1(30 авг.) – № 15 (15 дек.).

Место хранения: НБ ГАРФ.

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО: Ежемес. журнал, посвященный вопросам Советского строительства / Орг. Курск. губ. испол. комитета. Редакция: ул. Ленина, 87. Курск. 1920. Продолж.

Курск, 1920.

1920: № 1 (нояб.).

Ист.: ГАКО. Ф. Р – 323. Оп. 1. Д. 105. Л. 87-10.

СТРАНИЧКА КРАСНОЙ МОЛОДЁЖИ. Курск. 1919.

* Помещалась на стр. газеты «Волна».

1919: № 1 (?) – 3 (7 июня).

Место хранения: НБ ГАРФ.

СТРАНИЧКА КРАСНОЙ МОЛОДЁЖИ: Орган Гор. отдела при Губкоме РКСМ). Курск, 1920.

* Помещалась на стр. газеты «Курская правда».

1920: ... № 5 (14 янв.) ...

Место хранения: НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

СТРАНИЧКА ЮНОГО ПРОЛЕТАРИЯ: Орган губкома РКСМ. Курск, 1920.

Помещалась на стр. газеты «Курская правда».

1920.

Место хранения: НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

СУДЖАНСКАЯ ЖИЗНЬ: Судж. исп. комитет. Суджа, Курск. губ., 1917.

* 3 а г л.: № 1 (1 мая) – 8 (9 июля) «Ежедневные известия Суджанского исполнительного комитета».

1917: № 1 (1 мая) – № 9 (25 авг.) ... N 5 (18 июня) - 9 (25 авг.). (4966)

Место хранения: РГБ, РНБ.

ТЁТКИНСКИЙ ВЕСТНИК / Ред. – изд. И.И. Гребенюк. Тёткино, Курск. губ., 1917.

1917: ... № 2 (7 мая) – (?).

Место хранения: РНБ.

ТРУДОВОЙ ДЕНЬ: Орг. Белгород. уисполкома и укома РКП (б). Белгород, Курск. губ., 1917, 1920. Продолж.

* 3 а г л.: 1917 № 27 (1 нояб.) Известия Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов; 1920 № 6 (14 сент.) – 1921 № 4 (23 февр.) Известия Белгородского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и уездного комитета РКП (большевиков); 1921 № 1 (12 марта) Белгородская правда.

1917: ... № 27 (1 нояб.) – (?).

1918 – 1919 св. нет.

1920: ... № 6 (14 сент.) – 24 (27 дек.).

Место хранения: 1917 – РНБ, РГБ; 1920 – РНБ, РГБ, Библиотека Белгородского обл. краевед. музея.

ЩИГРОВСКАЯ ЖИЗНЬ: Маленькая мест. свободомыслящая газетка. Ред. – изд. Ф.Ф. Лукавецкий. Щигры, Курск. губ., 1917.

1917: № 1 – 4.

Место хранения: РНБ.

ЭКСТРЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ. Курск, 1917.

* Прилож. к газ. «Курская быль».

1917.

Юный коммунар: Орган рабочее – крестьян. молодёжи: Изд. Курс. губкома РКСМ. Курск, 1919-1920. Продолж.

Печаталась на стр. газ. «Курская правда».

* 3 а г л.: 1919 № 1 (24 мая) – 3 (7 июня) «Страничка красной молодёжи».

1919: № 1 (24 мая) – № 3 (7 июня).

1920: ... № 6 (9 мая) – нenum. вып. (19 сент.).

Место хранения: 1919 – РНБ, РГБ, НСБ ГАКО; 1920 – РГБ, НБ ГАРФ, НСБ ГАКО.

ЮНЫЙ ПАХАРЬ: Орган Щигр. укома РКСМ. Щигры, Курск. губ. 1920.

1920: ... № 4 (17 дек.) – (?).

Место хранения: РГБ, РНБ.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово участникам Всероссийской научно-практической конференции «Революции 1917 года: взгляд через столетие» начальника архивного управления Курской области В.Л. Богданова.....	4
--	---

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Салтык Г.А.	Октябрь 1917 года в политической истории российских регионов (по материалам Госархива Курской области).....	5 – 15
Шкаровский М.В.	Российская православная церковь в период революционных потрясений 1917 года	15 – 22
Крипатова Ю.И.	Выборгская губерния и город Выборг в революционную эпоху	23 – 30
Ливенцев Д.В.	Идея ликвидации тюрем в 1917 г.....	31 – 34
Гуринов С.Л.	Сибирская флотилия от февраля до октября 1917 г.	34 – 35
Раков В.В.	Периодическая печать как комплекс источников по истории Курской губернии в 1917 – начале 1918 гг.	36 - 41

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

Абросимова Л.В.	Нижегородская епархия в 1917 г.: реакция священноначалия, монашества, духовенства и прихожан на события Февральской и Октябрьской революций (по документам ГКУ ЦАНО)	42 - 50
Базанов М.А.	Документы ГУ ОГАЧО о первом этапе Великой Российской революции (март-ноябрь 1917 г.) на Южном Урале.....	50 - 55
Богданов С.В.	Уголовная преступность как фактор дестабилизации российской государственности: от февраля к октябрю 1917 г.	55 - 61
Вольский М.В.	Тюремная служба в Российской Империи накануне 1917 г.	61 - 64

Ельников С.А.	Суджа и Суджанский уезд в период германо-украинской оккупации в 1918 г.	64 - 68
Зайцева И.Г.	Экономическая ситуация в регионах накануне революции 1917 года (на примере Арзамасского уезда Нижегородской губернии)	68 - 74
Кузина И.Л.	Митинги и демонстрации революционного Петрограда 1917 года в фотодокументах Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.....	74 – 81
Ласочко Л.С.	Курский вице-губернатор Г.Б. Штюмер	81- 84
Михайлова Ю.М.	Литературная сказка о революции (по мотивам творчества Г.В. Добржинского)	84 - 87
Пинаева И.В.	Средние учебные заведения г. Курска в конце 1916 - начале 1918 гг.....	87 - 93
Функленков С.А.	Социально-экономическое положение населения Новгородской губернии накануне Октябрьской революции 1917 г.	94 - 98
Чаплыгин В. П.	Предпосылки катастрофы 1917 г. в России.....	98 - 105
Чаплыгина Н.И.	Социокультурный раскол российского общества и революционные события 1917 г.	105 - 115
Раков В.В.	О периодических изданиях Курской губернии периода революций и гражданской войны (Приложение к докладу В.В. Ракова «Периодическая печать как комплекс источников по истории Курской губернии в 1917 – начале 1918 гг.»)	116 - 142

**Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
Курск, 27 октября 2017 года**

**РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ**

Сдано в набор 28.11.2017 г.. Подписано в печать 30.11.2017 г.
Формат 60х84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз.
Отпечатано ИП Афанасьева Е.А.
г.Курск, ул. Семеновская, 78